
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1975

На широких полях Алтая.

Алтайский край, колхоз «Россия». Шофер В. С. Дмитриев — передовик социалистического соревнования.

Герой Социалистического Труда К. М. Косачев и лучший комбайнер отделения А. И. Черемушкин.

П. Р. Гречкин — герой жатвы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 37 (2514)

13 СЕНТЯБРЯ 1975

жатва пришла в сибирь

ОТ РОСЫ ДО РОСЫ...

Ю. ЛУШИН,
фото А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Я знал, как тут начиналась нынешняя нелегкая весна. Под ее дружным напором рано стаяли и ушли с полей снега; едва только колхозники приготовились к севу, как в механизме природы что-то разладилось, и вновь ударили холода. Даже во второй половине мая ледяные дожди и мокрые снега продолжали терзать землю. Давно миновали обычные сроки сева, а пустая пашня тщетно ждала животворного зерна.

— Когда сеяться-то думаешь?— спрашивали соседи председателя колхоза «Россия» Илью Яковлевича Шумакова.

— После дождичка в четверг,— невесело отшучивался он, а сам мучительно прикидывал в уме всевозможные варианты. Впрочем, выбор был небогат. Если посеешь слишком рано, погубишь впустую семена. Опоздаешь — значит, осенью рискуешь получить невызревший хлеб. Но где же, где та заветная золотая середина? Когда сеять? От света до света председатель колесил по полям, разминал в пальцах комья стылой земли, словно ждал и от нее ответа на вопрос: когда? Может быть, она и подсказала, а может, интуиция, или богатейший его опыт, или чувство земли, присущее каждому хорошему крестьянину, только в один из просветов между дождями он решил: пора! И посевные агрегаты вышли в поле. Колхоз отсеялся к первому июня. Где-то на юге в это время уже готовились к жатве...

...Дорога шла полями. Пшеница стояла сильная, чистая, густая. Казалось, комбайнам и не продраться сквозь ее густую щетину, но «Си-

Каков нынче хлеб! Председатель колхоза «Россия», Герой Социалистического Труда И. Я. Шумаков (в центре) с механизаторами А. Путятиным и В. Трусовым.

биряки» легко и элегантно стригли полосу за полосой, оставляя за собой ряды блестевших на солнце валков. Золотые массивы пшеницы, ячменя, овсов чередовались с изумрудом озимых или черными квадратами пахоты — мощные «Кировцы» поднимали зябь, готовя фундамент будущего урожая. Навстречу то и дело проносились грузовики, полные хлеба, спешили на элеватор. Дорога прыгала с холма на холм, открывая дали изумительной красоты. Я поделился своими впечатлениями с председателем колхозного профкома Виктором Ивановичем Серебряковым. Тот ответил: «Красиво-то красиво, только красота эта иногда боком нам выходит». «Как это?» «Так ведь на склонах и пахать, и сеять, и убирать сложнее». «Сколько с гектара взять нынче собираетесь?» «Да уберем в среднем центнеров по двадцать пять, а на иных полях и по сорок». «Ого,— воскликнул я,— хорошо!»

Серебряков в ответ только скупо улыбнулся. В это время мы подъехали к новехонькому «Сибиряку», остановившемуся на краю поля. Из кабины выпрыгнул молодой комбайнер с ведром и направился к нам. Я обратил внимание на фасонистую мягкую шляпу и аккуратные черные перчатки.

— У вас, что же, все комбайнеры в шляпах и перчатках работают?— спросил я Серебрякова, когда мы отъехали.

— Нет, он музыкант, руки бережет. Это директор колхозной музыкальной школы Анатолий Яковлевич Шишаев. У нас вообще многие учителя в пору каникул просятся поработать на комбайнах. Мы, понятно, не препятствуем.

— И как работают?

— Отлично. Ненамного от наших асов отстают, по четыре, пять тысяч центнеров намолачивают. Кстати, ученики старших классов часто работают с ними в одном экипаже.

— Тогда какая же выработка у асов?

— А вы сами спросите. Вот знакомьтесь: комбайнер Андрей Иванович Черемушкин — герой сева и герой жатвы.

Я представился и задал свой вопрос.

— На шестую тысячу пошел,— коротко ответил Черемушкин. Лицо его было покрыто слоем хлебной пыли, глаза обведены черной каемкой, как у шахтеров.

— У него обязательство — восемь тысяч,— заметил управляющий четвертым отделением колхоза Герой Социалистического Труда Кузьма Максимович Косачев.

— Не вытяну, наверное, Кузьма Максимович,— откликнулся Черемушкин,— хлеба не хватит.

— Не хватит?— всплеснул руками управляющий.— Да ты вокруг посмотри, хлеба-то какие. Ты еще больше намолотишь.

— Больше-то навряд ли,— простодушно засомневался Черемушкин. Но хитрющие глаза его выдали, в них так и читалось: восемь, конечно, намолочу, коли обещал, а выйдет больше, тоже не обижусь.

— Ты, кстати, почему сегодня небрит?— спросил Косачев.

— Так ведь некогда,— попятился к комбайну Черемушкин и уже с мостика крикнул:— От росы до росы работаем, погоду ловим...

В этот день мы осмотрели много полей. Заезжали и на плантации сахарной свеклы и попутно взглянули на стада коров, угостились у пасечника Михаила Одинцова знаменитым алтайским медом, а в колхозном саду — яблоками и малиной. И оценили работу комбайнов из ГДР на заготовке силоса, и механизированные тока осмотрели, и два — из пяти — рыборазводных пруда, и птичники, и полностью законченный животноводческий молочный комплекс на тысячу сто коров, которых будут обслуживать всего четыре доярки. И еще один комплекс на двенадцать тысяч свиней. Но всякий раз мы проезжали через поля, и мысль вновь возвращалась к самому главному — к хлебу. Я разговаривал с такими опытными комбайнерами, как Петр Романович Гречкин и Михаил Васильевич Бутаков, и с более молодыми — Алексеем Путятиным и Валентином Трусовым. Все они, воодушевленные видами на добрый урожай, работали по единому графику — от росы до росы, понимая, как много сейчас от них зависит. Я знал, что почти на пяти миллионах гектаров всей алтайской нивы в те дни тысячи их товарищей работают с такой же самоотверженностью, добиваясь выполнения пятилетнего плана продажи хлеба государству. В те же дни колхозники приняли дополнительные обязательства в честь XXV съезда КПСС — сдать государству сто сорок две тысячи центнеров зерна, два годовых плана...

...Доволен ли теперь Шумаков? Я собирался сам спросить его об этом, но получилось так, что и спрашивать не пришлось. Вернувшись с полей, мы попали в самый разгар ежедневной планерки, и я услышал монолог председателя.

«Мастерская, мастерская,— вызывал он по рации,— доложите, сколько комбайнов в ремонте?» «Ни одного». «Хорошо хоть тут все в порядке,— пробурчал он и продолжал:— Всем отделениям, всем отделениям! Слышите меня? Вначале о сводках... Выработку комбайнеров прошу передавать вовремя и в срок. Мы должны выполнить план продажи хлеба государству к первому сентября, но разве можно допускать такое: «харьковская» еще не подошла, а вы начали ее косить. В первую очередь надо брать все лучшее, а лучшее на сегодняшний момент — кукуруза и «саратовская». Прошу прекратить свал «харьковской» на всех полях и переключиться на «саратовскую». Прошу также снять часть комбайнов с подборки и обратить внимание на косовицу силосных культур. Понятно? Теперь о качестве. Кто же это укладывает валки поперек склона? Комбайн едва не переворачивается, а зерно идет в солому. Куда смотрит агроном участка? Разве можно пахать вдоль склона? Где это видано? Приказываю поле перепахать немедленно, а за неправильную вспашку взыскать с агронома участка. Я закончил. Есть ли вопросы?»

Вопросов не было. Я тоже не стал задавать свой вопрос. Я просто перелистал старый блокнот и нашел в нем запись, сделанную в колхозе четыре года назад. Вот она: «Кажется, с годами становимся мы мудрее, опытнее, дальше видим и больше знаем. А все равно чувство неудовлетворенности остается,— говорил тогда председатель колхоза И. Я. Шумаков.— Мы достигаем намеченных вершин, но видим, что с них открываются новые горизонты. И вот мы уже недовольны тем, чего достигли вчера. Понимаем, что до тех горизонтов добраться будет нелегко, что у каждого из нас прибавится седины от новых забот, но ни сам ты, ни товарищи твои на месте стоять не собираются...»

«Ну, что же,— думал я про себя,— время подтвердило, что это были не просто красивые и громкие слова, а осмысленная программа действий, стратегия жизни».

...На село опускалась ночь. Я вышел из гостиницы на улицу и не спеша двинулся к околице. В двухэтажных белого кирпича домах зажигался свет, отражаясь в витринах универмага, у клуба наигрывала музыка. За околицей я остановился и прислушался. Где-то вдали рокотали комбайны, прорезая темень светом фар. Значит, роса еще не пала...

Алтайский край, колхоз «Россия», Змеиногорского района.

Надо подумать и об урожае года 1976-го... Идет подготовка почвы.

В колхозном поселке.

Заготовка силоса.

Сибирские яблоки.

ДОЛГ ООН

Юрий КОРНИЛОВ

Через несколько дней, 16 сентября, в Нью-Йорке торжественно откроется юбилейная XXX сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Пожалуй, никогда еще форум наций не собирался в столь обнадеживающей обстановке, как ныне. Стрелка международного политического барометра все более уверенно показывает на «ясно», тенденции к разрядке международной напряженности углубляются.

Год, минувший с прошлой осени, был богат крупными событиями, способствовавшими упрочению позитивных процессов, происходящих на нашей планете. Важнейшее среди них — успешное завершение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Стало уже общепризнанным фактом, что этот беспрецедентный в истории форум стал победой разума, реализма. Итоги совещания укрепили тенденции к разрядке, создали предпосылки для решения многих важных международных проблем — и не только в Европе, но и за ее пределами. Все это, несомненно, самым позитивным образом скажется на работе сессии.

Организация Объединенных Наций, созданная в результате победы над германским фашизмом и японским милитаризмом, уже в первых строках своего Устава провозгласила решимость народов «избавить грядущие поколения от бедствий войны». Стремлением к этой высокой цели пронизана вся деятельность Советского Союза в ООН. И главные усилия СССР, других стран социалистического содружества направлены на решение современной «проблемы проблем» — обуздание развязанной империалистическими силами гонки вооружений, продвижение по пути, ведущему к всеобщему и полному разоружению. Эти именно усилия в огромной мере способствовали заключению целого ряда важных соглашений, являющихся существенным вкладом в дело ограничения производства орудий смерти и разрушения. В их числе — Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, Договор о нераспространении ядерного оружия, Конвенция о запрещении производства бактериологического и токсинного оружия и т. д. Исключительно важное значение для упрочения мира, развития и углубления процесса разрядки имеют советско-американские соглашения о предотвращении ядерной войны, об ограничении стратегических вооружений.

Ныне созрели условия для дальнейших шагов на этом стержневом направлении разрядки. Необходимо активно добиваться созыва Всемирной конференции по разоружению, тем более, что советское предложение о проведении такого форума, выдвинутое еще в 1971 году, нашло поддержку большинства государств — членов ООН. Важная задача состоит в том, чтобы добиться реального сокращения военных бюджетов государств, используя часть сэкономленных средств на оказание помощи развивающимся странам.

Выступая 13 июня перед избирателями Бауманского избирательного округа Москвы, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул необходимость того, чтобы государства — и прежде всего крупные державы — заключили соглашение о запрете создавать новые виды оружия массового уничтожения. Исключительная важность решения этого вопроса очевидна: уровень современной науки и техники таков, что возникает серьезная опасность создания еще более страшного оружия, чем даже ядерное. Разум и совесть человечества диктуют необходимость поставить неодолимую преграду на пути появления такого оружия.

Легкий речной ветерок с Ист-Ривер колышет многоцветье государственных флагов перед небоскребом ООН. В 1946 году, когда в Нью-Йорке заседала первая сессия Генеральной Ассамблеи ООН, их было 55, ныне — 138. Этот факт отражает огромные сдвиги и перемены, происшедшие за послевоенные годы на нашей планете. Он напоминает о том, что в русло «большой политики» вовлечены ныне десятки молодых государств, народы которых, сбросив оковы колониализма, твердо стали на путь независимости и свободы.

Однако силы неоколониализма, расизма не сложили оружия. Империализм не прекращает попыток навязать экономически отсталым странам неравноправное разделение труда, продолжает беззастенчивый грабеж природных ресурсов развивающихся государств. Международная общественность вправе ожидать, что XXX сессия Генеральной Ассамблеи продемонстрирует свою поддержку справедливым требованиям развивающихся государств полностью и до конца ликвидировать все виды неравноправия в области экономических отношений.

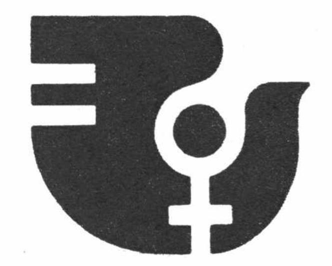
В повестке дня XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН — более ста вопросов, от решения важнейших из них во многом зависит политический климат планеты. Долг ООН — всемерно способствовать справедливому решению ближневосточного конфликта, который невозможно урегулировать с помощью всякого рода «частичных» и «сепаратных» мер. Путь к подлинному и прочному миру на Ближнем Востоке только один — освобождение всех захваченных Израилем в 1967 году арабских земель, удовлетворение законных требований арабского народа Палестины. Долг ООН — возвысить голос протеста против бесчинств кровавой чилийской хунты, которая грубо попирает Устав ООН, права человека. Долг ООН — активно поддерживать все позитивное, что рождает практика сегодняшней международной жизни.

Международная общественность вправе надеяться, что нынешняя юбилейная сессия Генеральной Ассамблеи ООН станет новой важной вехой на пути к упрочению мира и безопасности народов.

НЬЮ-ЙОРК (по телефону).

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ДОРОГИЕ МОИ ПОДРУГИ...

Ия МЕСХИ
Фото Г. САНЬКО
И. ГАВРИЛОВА

Нельзя жить для себя. На свете еще много голодных, раздетых, униженных, и, несмотря на титанические усилия борцов за мир, чьим-то сыновьям где-то все еще угрожает война.

Вы видели вблизи Гладис Марин? У нее нежная кожа, слегка опаленная солнцем Чили, и роскошные, отливающие медью волосы. Один неосторожный шаг, потеря бдительности — и этого всего могло не быть. Гладис, вожак чилийской молодежи, вырвалась из подполья и ходит вместе с нами по советскому городу-герою Минску, стоит на трибунах митингов, склоняет голову у памятников погибшим. И думает, думает...

А Мари-Клод Вайян-Кутюрье, высокая, тоненькая, как ковыль, седеющая француженка? Ее мучили в Освенциме, Равенсбрюке. Она выжила. Она вышла из ада сильная духом и вот теперь вице-президент Международной демократической федерации женщин, самой массовой женской организации на земле, куда входит, кстати, и наш Комитет советских женщин.

Но, может быть, вам знакома Ядвига Локкай? Она полька. В годы войны русая Ядя была автоматчиком Первой польской дивизии имени Тадеуша Костюшко, участвовала в кровопролитных боях с нацистами, не щадя своей

На трибуне — вице-президент Демократического союза женщин Дании — Матти Грамм.

жизни, и по сей день осталась бойцом.

Бойцом против кого? Против фашизма, за мир на земле.

Вместе со многими женщинами они встретились в Минске в последних числах августа.

Почему же, спросите, собрались одни лишь только женщины? Но разве женщины не особый народ? Особый, особый! Ибо в них есть такие, только им присущие качества, как женственность, мягкость, изящное и тонкое восприятие мира, изначальные доброта и отзывчивость материнского сердца. Слова эти принадлежат не нам. Они принадлежат Петру Мироновичу Машерову, кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, руководителю коммунистов Белоруссии. И произнес он их на торжественном открытии Минской международной встречи женщин.

— Если ребенок,— сказал он,— не получит в детстве необходимую дозу доброты, а чаще всего он получает ее от матери, то вряд ли можно будет рассчитывать в этом случае на формирование в нем гармонично развитой личности.

На открытии памятника Матери-патриотке в городе Жодино.

И вот посланцы женщин мира заполняют залы Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Их ждет здесь встреча с белорусскими партиотками, партизанками, участницами боев. И каждая стоит у своего стенда. Бывшая узница лагеря смерти Ольга Крайко (ныне филолог, редактор) — у своей старой лагерной фотографии. Дочь Героя Советского Союза, партизанского вожака Василия Коржа, Зинаида Корж, что пронеслась всю войну на коне с корпусом генерала Иссы Плиева, стоит у своей военной казачьей черкески. Ариадна Казей, заслуженная учительница республики, Герой Социалистического Труда,— у стенда своего маленького братишки, погибшего за Родину, Героя Советского Союза Марата Казея. И каждая рассказывает скромно, коротко.

Мария Осипова, Елена Мазаник, минские подпольщицы. Обе Герои Советского Союза. Это они избавили оккупированную Белоруссию от ненавистного гауляйтера фон Кубе. Мария доставила мину, Елена подложила ее...

Людмила Кашечкина, подпольная кличка «Белка». Сыновья погибли, попала в концлагерь, пытали, в 28 лет поседела, бежала к французским маки, врач отдельного батальона советских партизан, действовавших во Франции, имеет 19 боевых ранений...

Матери взрослых сыновей, седенькие бабушки и прабабушки. Здесь стерлись грани возрастов. И не перечислить всех, кто принимал в этот день гостей в живом, взывающем, трепещущем всеми своими экспонатами музее. Женщины плакали, притулившись друг к другу. Плакала бывшая узница Равенсбрюка Анна Ханд из Австрии и юная киприотка Ирини Джамбази, плакали бывшая партизанка, ныне профессор истории в Македонии Славка Фиданова и молодая люксембургская коммунистка Марианна Пассери, неприметно утирала слезы Ноэлла Динан, член ЦК Компартии Бельгии, депутат палаты представителей парламента.

Но это было лишь начало. Вскоре последовала Хатынь — священный кусок белорусской земли, по которой ноги ступают предельно деликатно, и говорить тут ни о чем не хочется. Женщины тихо шли по этой земле, слушая звон 26 колоколов в 26 бывших печных трубах деревни, где когда-то жили люди, смеялись дети. Фашисты их всех заживо сожгли. И видели женщины фигуру, списанную с хатынского кузнеца, что отыскал в куче сожженных и расстрелянных свое дитя и поднял его на руки, взывая к справедливости. А за Хатынью-деревней появилось целое Кладбище Деревень, 136 деревень, так же, как Хатынь, сожженных с людьми и уже не восстановленных. Каждой деревне — урна с землей, взятой с места, политого кровью, испепеленного. И за Кладбищем Деревень — Стена Памяти о погибших узниках концлагерей (было их в Белоруссии 260!). Кричит криком надпись на мраморе: «Люди добрые, помните: любили мы жизнь, и Родину нашу, и вас, дорогие. Мы сгорели живыми в огне. Наша просьба ко всем: пусть скорбь и печаль обернутся в мужество ваше и силу...»

В мужество ваше и силу!

И привелось женщинам-антифашисткам из разных стран увидеть, как открывают в Белоруссии еще один памятник — советской Матери-патриотке. То было в городе Жодино, где делаются гигантские автомобили «БелАЗы». В парке, где рдели рябины, с бронзовых фигур, как паруса, опали белые покрывала. На одном постаменте застыли в марше пятеро мужчин с винтовками через плечо. Пятый, помоложе, порывисто оглянулся назад. А там, позади, на втором постаменте,— маленькая, уже немолодая женщина в платочке, глядя им вслед, прижала руку к груди.

И надо же было, чтобы женщины из разных стран увидели ее рядом, живую, на стуле, принесенном откуда-то из дому. Такую же маленькую, еще более постаревшую, в белом платке. Потому что это была она, жодинская крестьянка Анастасия Фоминична Куприянова, которой пошел уже 104-й год, и все пятеро сыновей ее (пятый, Петр Куприянов, Герой Советского Союза) погибли на войне. Она отправила их защищать Родину.

— Сыночки мои!..— раздался слабый крик, отозвавшийся болью в каждом сердце.

И тут начался митинг. К микрофону подошла Лыу Тхи Лиен, представительница Союза женщин за освобождение Южного Вьетнама. Она передала Анастасии Фоминичне обломок сбитого над небом Вьетнама самолета — напоминание о полном окончании войны на этой многострадальной земле. Она сказала:

— С волнением узнали мы, что мать-патриотка, которая послужила прототипом этого замечательного памятника, среди нас, и мы можем нежно обнять ее.

И она нежно обняла Анастасию.

Тон минскому форуму задавала самая популярная в мире женщина, летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза, председатель Комитета советских женщин Валентина Владимировна Николаева-Терешкова. Важно было все. Как она открывала каждое заседание двумя емкими словами: «Дорогие подруги!»... Как обращалась к каждой:

— Спасибо тебе, дорогая Изабел...

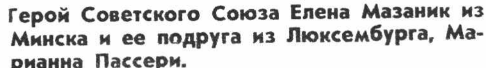
— Пожалуйста, Катюша, тебе слово...

Минская международная встреча женщин на тему «Женщины мира в борьбе против фашизма, за прочный и справедливый мир на земле», в которой участвовали представители национальных организаций 27 стран и 6 международных организаций, приняла Коммюнике, Резолюцию солидарности с народом Чили и Резолюцию в поддержку демократических сил Португалии.

...Волнения сердца! Печальные волнения и скорбные. Волнения радостные, оптимистические и даже юмористические — так это важно для людей, для их последующей энергичной деятельности. Страшны лишь застой, безразличие. Опасно ослабление сил.

Хорошо сказала Мари-Клод Вайян-Кутюрье на прощание:

— Если нужен был стимулятор для нашей нелегкой борьбы, то лучше, чем эта встреча на возрожденной земле республики-партизанки, ничего нельзя было себе представить.

Герой Советского Союза Елена Мазаник из Минска и ее подруга из Люксембурга, Марианна Пассери.

Хатынь. В. В. Николаева-Терешкова ведет колонну женщин, участниц Международной встречи в Минске.

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

Дважды Герой Советского Союза Виталий Севастьянов — давний автор «Огонька». Не раз читателям журнала космонавт рассказывал о своих легендарных друзьях, о своей романтической и такой нелегкой работе, о себе самом.

На днях Виталий Иванович был гостем редакции. В дружеской беседе с журналистами он рассказал о том, как проходил их последний полет вместе с Петром Климуком на орбитальной станции «Салют-4».

Фото А. Награльяна

УДАЧИ ВАМ, РЕБЯТА!

Призеры журнала «Огонек» Саша Болдырев, Павел Коваль, Сережа Тимофеев.

Свисток судьи возвестил о том, что финальный матч на первенство страны среди юношей завершился. Киевское «Динамо» проиграло на своем поле команде ЦСКА со счетом 0 : 1. Впервые в истории юношеского футбола армейцы завоевали титул сильнейших. 10 очков из 10. Видимо, методы нового тренера юных армейцев Владимира Четверикова дали свои результаты. Третье место заняли фрунзенцы. Это — немалое достижение команды и его молодого тренера Ревпата Бибаева.

Традиционные призы «Огонька» вручены лучшему нападающему, защитнику и вратарю турнира. Ими оказались форвард армейцев, кстати сказать, лучший бомбардир соревнования, забивший 6 мячей, Павел Коваль (он забил единственный гол в финальной встрече), защитник ростовской команды «Спортинтернат» Саша Болдырев и вратарь динамовцев Киева Сережа Тимофеев.

Больших вам удач, ребята!

Марат ЦЕБОЕВ, фото автора

АНГОЛА: ГРОЗОВОЕ ПЕРЕПУТЬЕ

Борис ПИЛЯЦКИН

Ангола — одна из богатейших по своим природным ресурсам стран Африки — содрогается от грохота взрывов и выстрелов, задыхается в петле экономического хаоса, корчится в судорогах человеческой боли. По соглашению, заключенному в португальском городке Алворе в начале этого года, Ангола должна получить полный суверенитет 11 ноября. Независимость, как говорится, на сносях. Однако кое-кто упорно и коварно пытается помешать завершению процесса деколонизации, отбросить страну назад, в пламени гражданской войны сжечь и обратить в пепел торжественные декларации о «национальном единстве» и примирении.

Кто же? Уже от самого аэропорта и потом на каждом шагу в Луанде со стен домов, памятников, скамеек в скверах и даже пальм лезут в глаза четыре буквы — ФНЛА и портрет человека в темных очках, ухмыляющегося многозначительно и жестко. Человека этого зовут Холден Роберто, а начальные буквы названия его партии расшифровываются как Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА).

Будущий историк напрасно стал бы искать упоминание о каких-либо масштабных операциях ФНЛА в многотомной летописи антиколониальной борьбы. Нет, не холденовское воинство заставило Салазара, а затем Каэтану бросить в Анголу 50-тысячную колониальную армию.

Со дня штурма луандийской тюрьмы Сан-Паулу 4 февраля 1961 года, положившего начало вооруженной национально-освободительной борьбе, на протяжении всех ее долгих лет она шла под руководством Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) — самой массовой и популярной партии, сплотившей ангольский народ на общенациональной основе. Именно МПЛА выдержала на своих плечах главные тяготы этой борьбы, понесла в ней наибольшие жертвы. Что же касается ФНЛА и отколовшейся от нее группировки — Национального союза за полную независимость Анголы (УНИТА), то с самого начала они выступили в качестве племенных, региональных движений, всецело зависимых от иностранной поддержки.

Крушение фашистского режима в Португалии и вместе с ним всей ее 500-летней заморской империи, катализатором чего во многом явились успехи национально-освободительных движений Гвинеи-Бисау, Мозамбика и Анголы, открыло возможности для прекращения военных действий, осуществления процесса деколонизации в соответствии с разработанной программой.

Когда в январе в Луанде было сформировано временное правительство страны, Народное движение за освобождение Анголы, дабы не осложнять обстановку и не создавать препятствий в деколонизации, согласилось на его коалиционный характер: наряду с министрами, делегированными МПЛА, в состав правительства вошли представители ФНЛА, а также УНИТА. Три премьер-министра должны были председательствовать по очереди ежемесячно, руководя подготовкой к всеобщим выборам и разработкой конституции. Однако первые же недели показали, что лишь МПЛА честно выполняет свои обязательства и стремится к конструктивному сотрудничеству.

Триумфальное возвращение в ангольскую столицу председателя МПЛА Агостиньо Нето 4 февраля 1975 года, совпавшее с четырнадцатой годовщиной начала антиколониального восстания в стране, показало, какую опору и поддержку имеет это движение в самых широких слоях населения — с транспарантами и знаменами на улицы города вышли сотни тысяч людей.

Радовались, однако, не все. Притаились обитатели дома на авенида ду Бразил, где обосновалась луандийская штаб-квартира ФНЛА, настороженно и с нескрываемой злобой смотрели на запруженные народом улицы из окон банков и офисов иностранных компаний в центральных кварталах Луанды, особенно густо заклеенных плакатами с изображением главаря ФНЛА.

В двухэтажном розового цвета особняке — в прежние времена там находилась резиденция колониального губернатора — на заседаниях временного правительства еще обменивались вежливыми рукопожатиями. А в это время в главной штаб-квартире ФНЛА, в столице Заира — Киншасе, Холден Роберто уже разрабатывал планы захвата Луанды и тотального истребления МПЛА.

Я вспоминаю, как несколько лет назад в Москве товарищ Нето, рассказывая о борьбе своего народа и мечтая о будущем, сказал мне: «Вот придет победа, наступит мир, и я снова засяду за стихи».

Но музам еще рано было селиться в Луанде. Там заговорили пушки. Сначала спорадические ночные перестрелки в африканских предместьях, потом все учащающиеся вооруженные нападения на бойцов МПЛА и мирных граждан, грабежи и насилия — чувствовалось, как чья-то рука координирует и направляет все эти действия, пытается создать атмосферу страха и неуверенности среди местного населения, дезорганизовать нормальную жизнь города, а вместе с ним парализовать страну, где все реальнее вырисовывались контуры приближающейся независимости.

Из провинциальных городов и местечек, где солдаты ФНЛА устраивали кровавые погромы, в столицу хлынул поток беженцев-европейцев. Луанда превратилась в огромный бивачный лагерь, откуда тысячи людей, осаждая авиаагентство ТАП и международный аэропорт «Кравейру Лопеш», стремились вырваться из страны.

Эта волна захлестнула и тех, кто не разобрался в обстановке, поверил провокационным слушкам о «неизбежном изгнании» белых после провозглашения независимости. Запомнилась исповедь одного из таких людей. В грязном, заплеванном зале аэропорта молодой португальский техник говорил срывающимся голосом: «Я родился в этой стране и считаю ее своей родиной. Друзья достали мне билет, и вот, поддавшись общему настроению, я улетаю. Зачем? Чувствую, что совершаю ошибку. Так думают здесь многие...»

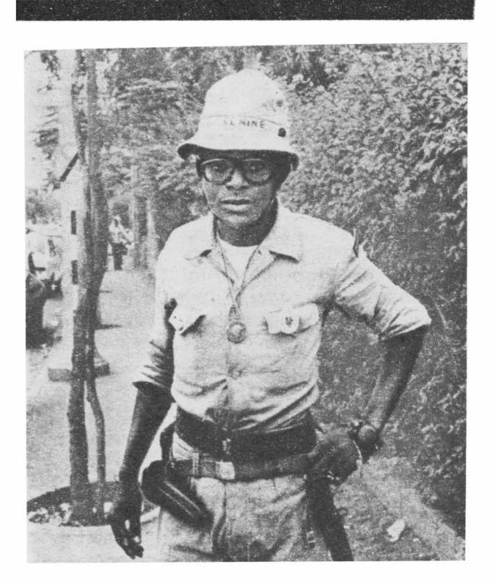
Вместо того, чтобы принять экстренные меры для ликвидации инфляции, безработицы и экономического хаоса, представители ФНЛА, по существу, парализовали деятельность временного правительства, а затем официально объявили о своем выходе из него (из губернаторского дворца ушли и министры — члены УНИТА). Этот шаг явился своеобразной прелюдией к вооруженным действиям ФНЛА против Народного движения за освобождение Анголы на всей территории страны.

В Луанде, Кармоне, Лобиту, Бенгеле, Нова-Лижбоа и других городах вспыхнули очаги военных действий. Одновременно, подчиняясь взмаху невидимой дирижерской палочки, марионеточный сепаратистский Фронт освобождения анклава Кабинда (ФЛЕК) объявил о создании «независимого правительства» этой провинции, составляющей неотъемлемую часть ангольской территории. Как когда-

то Конго, Ангола начала погружаться в пучину гражданской войны со всеми ее катастрофическими последствиями.

После поездок холденовских эмиссаров в Преторию и Солсбери, помимо организации воздушного моста из Южной Африки, по которому ФНЛА снабжается новейшим американским вооружением, 20-тысячные армейские контингенты этой организации получили и прямую военную поддержку со стороны ЮАР. Нарушив границу Анголы, южноафриканские солдаты перешли реку Кунене и заняли гидроэлектростанцию, дающую ток предприятиям Намибии. Расширяя фронт агрессии, они оккупировали ряд ангольских населенных пунктов.

В условиях, когда ФНЛА растоптала все ранее достигнутые соглашения о единстве действий и развязала гражданскую войну, Народное движение за освобождение Анголы дало решительный отпор предателям и сепаратистам. В середине августа после ожесточенных боев головорезы ФНЛА были вышиблены из Луанды. Под контролем МПЛА сейчас находится почти все атлантическое побережье страны и ряд внутренних районов.

Боец МПЛА у штаб-квартиры партии. Фото автора.

Сентябрь — последний месяц ангольской «зимы». Скоро кончится сухой сезон, и на истосковавшуюся по влаге землю обрушатся тропические ливни. Они отмоют зелень острова Луанда, узким мостом сцепленного с городской набережной, которая по красоте смело соперничает с неаполитанской Санта-Лючией. Ровно четыреста лет назад этот островок и этот берег увидел с капитанского мостика своего фрегата мореплаватель Паулу Диаш ди Новаиш. Столько же длилось и португальское иго, погрузившее Анголу во тьму колониальной ночи.

Корреспондент западногерманского журнала «Штерн» спросил недавно у Агостиньо Нето, какой бы поэтический образ он выбрал, чтобы сказать о сегодняшней Анголе. Ответ председателя МПЛА состоял из одного слова: «Рассвет!».

ЛУАНДА — МОСКВА.

наш комментарий

«СТРЕЛЯЮЩАЯ АМЕРИКА»

В. НИКОЛАЕВ

Так называлась телевизионная передача, которую я видел в Нью-Йорке в этом году. Целый час с цветного экрана гремели выстрелы, завывали сирены полицейских автомашин, раздавались крики и стоны раненых людей — это был страшный рассказ о вакханалии насилия в США, о практически безнаказанном торжестве огнестрельного оружия всех возможных калибров. Это был и отчаянный вопль, призыв о помощи... Призыв, похожий на беспомощный и безнадежный крик одинокого прохожего, на которого напали грабители в безлюдном ночном тупике. Только в данном случае с телеэкрана взывала о помощи сама Америка, для которой револьвер стал национальной трагедией.

И я не мог не вспомнить эту программу, услышав о попытке покушения на президента США Форда. Шестого сентября он находился в Сакраменто (штат Калифорния) и направлялся в местный Капитолий для того, чтобы произнести там речь, посвященную росту преступности в стране. И на пути туда наткнулся на направленный ему в грудь пистолет. К счастью, выстрела не произошло.

В художественном произведении такое стечение событий критики назвали бы тенденциозной подтасовкой. Но сама жизнь еще и еще раз доказала железную логику всех обстоятельств печального происшествия в Сакраменто.

Президент Форд в произнесенной затем речи сказал: «Ясно, что миллиарды долларов, затраченные с 1960 года на всех административных уровнях, не смогли сдержать рост преступности».

Американский сенат не раз пытался заняться этой проблемой. В сенатской подкомиссии по преступности среди малолетних решили было запретить свободную продажу по стране дешевых пистолетов 22-го и 25-го калибров. Каждая такая смертоносная игрушка стоит всего от девяти до двадцати долларов. Ежегодно в США продается полтора миллиона таких пистолетов. Полицейская статистика свидетельствует, что 20 процентов убийств совершается как раз при помощи пистолетов 22-го и 25-го калибров. А вот статистика биржи свидетельствует, что торговля ими дает прибыль от 50 до 100 процентов.

Там, где речь идет о такой прибыли, законодатели бессильны. Неоднократные попытки запретить или хотя бы ограничить свободную торговлю огнестрельным оружием в США никогда ни к чему не приводили и вряд ли приведут, ибо фабриканты оружия — влиятельная сила в американском конгрессе. Выведенный из себя бессилием подкомиссии сената по преступности среди малолетних, ее председатель сенатор Бэрч Бай заявил:

«Отказ министра юстиции выступить с показаниями перед подкомиссией или хотя бы прислать своего представителя, отказ министерства финансов предоставить нам информацию — все это говорит о том, что администрация не готова предпринять реальные акции против насилия и преступности в Америке... Цветистыми разговорами о «законности и порядке» не положишь конец убийствам. В результате пустых обещаний вооруженные ограбления не прекратятся. А ведь речь идет о десятках тысяч убийств и ограблений».

Одним из активных адвокатов разоружения американских граждан является сенатор Эдвард Кеннеди. От пуль убийц погибли два его брата — Джон, президент США, и Роберт, сенатор. Эдвард Кеннеди положил немало сил на то, чтобы ввести федеральные обязательные разрешения на право владеть оружием. Разумное, казалось бы, предложение. Сенат отверг его 78 голосами против 11. А между прочим, сенаторам не мешало бы задуматься над этой проблемой. Жертвами преступлений уже стали десятки конгрессменов, а сенатору Джону Стеннису ограбивший его гангстер нанес тяжелое огнестрельное ранение. Правда, отвергнув предложение своего коллеги Эдварда Кеннеди, законодатели все же кое-что предприняли: конгрессмены начали изучать под руководством опытного тренера приемы самозащиты, которые позволяют справиться даже с вооруженным нападающим.

В самый разгар общественной кампании за ограничение продажи огнестрельного оружия бостонский журналист Джон Келли явился в нью-йоркский магазин «Кауфман серплас энд армз» под видом «организатора небольшой личной армии» (!) и сделал заказ на имя своего полуторагодовалого племянника. Магазин четко и быстро выполнил заказ и доставил в адрес младенца изрядное количество вооружения, в том числе 60-миллиметровый миномет и мины к нему, карабин 30-го калибра и ручные гранаты.

Недавно в США вышла книга «Специально на субботний вечер», написанная американским публицистом Робертом Чериллом. Странное на первый взгляд название, но не лишенное глубокого смысла. Американцы не без горького юмора называют дешевые маленькие пистолеты именно так: «Специально для субботнего вечера». Их можно свободно купить на каждом шагу. Недаром автор пишет: «Недостаточно сказать, что оружие помогло создать американский образ жизни. Оно есть часть американской жизни». Что верно, то верно! Ни одна электронная машина не в состоянии подсчитать, сколько единиц огнестрельного оружия находится на руках американцев. Одни эксперты считают, что вооружены практически все граждане США, другие определяют, что огнестрельное оружие есть у каждого второго американца. В исследовавших эту проблему комиссиях конгресса США подсчитали, что у американцев находится на руках двести миллионов единиц огнестрельного оружия, то есть примерно по одному стволу на каждого американца, от грудных младенцев до престарелых старцев.

Еще немного статистики. В США насчитывается 150 тысяч (!) торговцев оружием (автомашинами торгуют только сто тысяч деловых людей). Подсчитано, что в США убийство с применением оружия совершается каждые четыре минуты, а вооруженный бандитизм — каждые три минуты. В США погибает от пуль в 35 раз больше людей, чем, скажем, в Англии или Западной Германии.

Трагедия целой нации?! Несомненно! К тому же трагедия безысходная. Дело в том, что бизнес по внедрению огнестрельного оружия в быт американцев приносит торговцам оружия ежегодно два миллиарда долларов дохода. В этом и зарыта собака! Как пишет Роберт Черилл: «Это очень большой бизнес, достаточно большой, чтобы помешать всем нам жить в мире друг с другом».

Этот бизнес, как любое заметное социальное явление, породил свою философию, у которой есть свой девиз: «Бог сотворил человека, а полковник Кольт (изобретатель пистолета марки «кольт».— **В. Н.**) дал ему равенство». А вот реклама этого бизнеса, обращенная к... прекрасному слабому полу: «Большинство женщин будет счастливее с револьвером или автоматическим пистолетом 22-го калибра, среднего веса, ведущего огонь веером. Не спорю, 38-й или 45-й продырявят куда как более эффективную дырку в нападающем, но полдюжины небольших точек из 22-го в груди потенциального насильника или убийцы остановят его вернее, чем кусок свинца 45-го, который может просвистеть над головой, так как стрелявшая закрыла глаза в страхе».

Реклама насилия (с замогильным юмором и без оного, под видом защиты от насилия и т. п.), сам образ жизни вооруженного до зубов народа делают свое грустное дело. В книге Роберта Черилла, между прочим, рассказывается о том, как сам председатель верховного суда США Уоррен Бергер встретил двух репортеров, пришедших к нему без предупреждения. Встретил с... пистолетом в руках!

ЧЮРЛЕНИС

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Валентин **СИДОРОВ**

Есть имена, превратившиеся в символы. Когда мы произносим «Пушкин» или «Гете», особых эпитетов или комментариев не требуется, ибо в этих творцах с наибольшей полнотой воплотился национальный гений народа. Для Литвы таким стало имя Чюрлениса.

Даты рождения и смерти композитора и художника Микалоюса Константинаса Чюрлениса разделены небольшим временным промежутком: 1875—1911. Но эта короткая жизнь насыщена таким постоянным духовным и творческим горением, что здесь смело можно приравнять иной год к целому десятилетию. В творческой биографии Чюрлениса нет пустот. Его жизнь — пример исключительно упорного труда и исключительного самоотвержения.

Детские годы Чюрлениса прошли в одном из живописнейших уголков Литвы — Друскининкае. Это край, вобравший в себя типичные приметы литовской земли. Смешанный лес, высокие сосны соседствуют с белоствольными березами. Широко разлившийся Неман. Прозрачное и чистое дыхание озер.

Полновластным хозяином в доме Чюрленисов была музыка. Отец Микалоюса — органист, и дети — а их в семье было девять — унаследовали от него любовь к музыке. Сохранилось любопытное расписание, устанавливающее строгую очередность музыкальных занятий на фисгармонии от 8 утра и до 10 вечера. Первым в списке значился Микалоюс. Органное многоголосье и народная песня — вот две звучащие стихии, с самых ранних лет определившие и вкус и творческую направленность Чюрлениса-композитора.

Сказки и легенды, на которые так щедра литовская земля, будят воображение будущего художника. Недалеко от Друскининкая — райгардасские леса. С высоты холма открывается чаша таинственных сумрачных деревьев. Топь. Тишина, изредка прорезаемая хриплым карканьем ворона. Предание говорит, что здесь в давнее-давнее время ушел под землю город. Если вслушаться, то можно различить колокольный звон, голоса. И впечатлительный мальчик слушает, слушает: а вдруг и в самом деле из-под земли возникнет звон колоколов?

Эти воспоминания — на всю жизнь. Они служат для Чюрлениса нравственным убежищем; среди тревог и суеты они укрепляют его дух. В письме к брату он пишет: «...Как хорошо... у нас дома — какая-то дивная гармония, которую ничто не в силах нарушить, все существует как великолепное сочетание красок, как звучание прекрасного аккорда. И наш старый дом, и деревья, поникшие под тяжестью плодов, и вид на луга, на наш пригорок с вербами, на лес, за который ежедневно спускается солнце...»

Учеба разлучает его с родными местами. Чюрленис учится в Варшавской и Лейпцигской консерваториях, затем — в Варшавском художественном училище К. Стабровского. Талант Чюрлениса ярок и самобытен, и годы учебы чуть ли не сразу становятся годами самостоятельной творческой работы. Каникулы для него — праздник. Он пользуется каждой возможностью, чтоб возвратиться в страну своего детства, чтоб набраться здесь сил и вдохновения.

Атмосфера родного края органически входит в его произведения. Недаром свою симфоническую поэму «В лесу» композитор характеризует следующими словами: «Начинается тихими широкими аккордами, такими же, как наш тихий и широко раскинувшийся сосновый бор...» Интонация народных песен определяет настрой многих инструментальных произведений Чюрлениса. А на полотнах воскресают знакомые пейзажи в том ореоле таинственности, что пленила художника в детстве (триптих «Райгардас»). Сказка, легенда, предание — существенный элемент композиции его картин. Обычен и необычен лес Чюрлениса. Необычность создает свечение корон, которыми как бы увенчаны верхушки деревьев («Лес»).

Дух стилизации совершенно чужд творческой манере Чюрлениса. Мелодия народной песни, если она взята за основу музыкальной пьесы, получает самостоятельную и чрезвычайно оригинальную трактовку. Что же касается пейзажа на полотне художника, то при всей достоверности деталей фотографичным его не назовешь. Пейзаж не только одухотворен, но и поднят до высоты философского символа. На одном из самых красочных полотен Чюрлениса, «Сказка королей», короли, а вернее, добрые волшебники, держат в своих руках, как сверкающую драгоценность, литовскую деревню. Деревня с ее лесным пейзажем для художника — исток всех истоков, олицетворение всей красоты земли.

Пора становления, возмужания, зрелости таланта Чюрлениса совпала с годами подъема революционно-освободительного движения в России. Это были годы, имеющие переломное значение для Литвы. Напомню, что еще в начале века литовский язык был под запретом; распространение книг на литовском языке, будь они самого невинного содержания, считалось преступлением. Революция 1905 года смела некоторые ненавистные ограничения (хотя, разумеется, до полного и подлинного освобождения было еще далеко), дала гигантский импульс национальному самосознанию, способствовала пробуждению культурных сил Литвы. В этих условиях заявление Чюрлениса: «Я намерен все свои прежние и будущие работы посвятить Литве» — приобретало особый смысл, носило характер своеобразного манифеста. По-рыцарски был верен этим словам Чюрленис. Он посвятил своей родине не только творчество (музыкальные и живописные произведения), но и всю свою жизнь. Известно, сколько энергии было отдано им для сплочения творческой интеллигенции Литвы. Он был одним из учредителей Литовского художественного общества, возникшего после революции 1905 года. Первые выставки литовского изобразительного искусства проходят при его активном участии. Вся практическая работа по организации выставки 1908 года ложится на плечи Чюрлениса. «Все, что связано с выставкой,— говорил он,— мне пришлось делать самому, своими руками. Письма, а их было множество, билеты, статьи, каталоги, типография, торговые точки, разговоры с полицией и губернатором... Своими руками я распаковывал ящики и даже втаскивал все тяжести на 3-й этаж...»

В том же 1908 году Чюрленис создает при Литовском художественном обществе музыкальную секцию, работа которой идет под знаком изучения и пропаганды народной музыки.

Той же цели — пропаганде народного искусства — служат и статьи Чюрлениса. По свидетельству современников, он неоднократно с гордостью заявлял, что его собственное творчество корнями своими уходит в народ. Народное искусство — основа основ для каждого истинного художника. Это убеждение Чюрленис формулирует энергично и четко.

«В культурном развитии каждой нации народное искусство играет огромную роль. Оно есть первое проявление любви — любви к искусству, начальное раскрытие духовных интересов, первичное творческое самовыражение. Необразованный человек смотрит на красоту природы, не выражая своего восхищения вслух, как это делает на каждом шагу так называемая интеллигенция. Но это отнюдь не означает, что селянин не в силах прочувствовать прелесть восхода и заката солнца, что он не отличит ясной радуги от тяжелой тучи, журчание ручейка от щебета птиц, рокота далекого грома от полного тайн и глубины рассказа темного столетнего леса... Народное творчество должно стать фундаментом нашего искусства, из него должен вырасти своеобразный литовский национальный стиль. Народное творчество является нашей гордостью. Красота, которая таится в нем,— необыкновенно чиста, своеобразна...»

Сердце Чюрлениса в равной степени отдано музыке и живописи. Оторвавшись от холста, Чюрленис склоняется над нотной тетрадью. Поэтому нельзя говорить о том, что он изменяет музыке ради живописи или живописи ради музыки. Просто в определенные годы преобладает то одно, то другое творческое начало. Можно разделить творчество Чюрлениса, учитывая некоторую условность этого деления, на два периода: «музыкальный» — 1900—1904 и «живописный» — 1904—1909 годы.

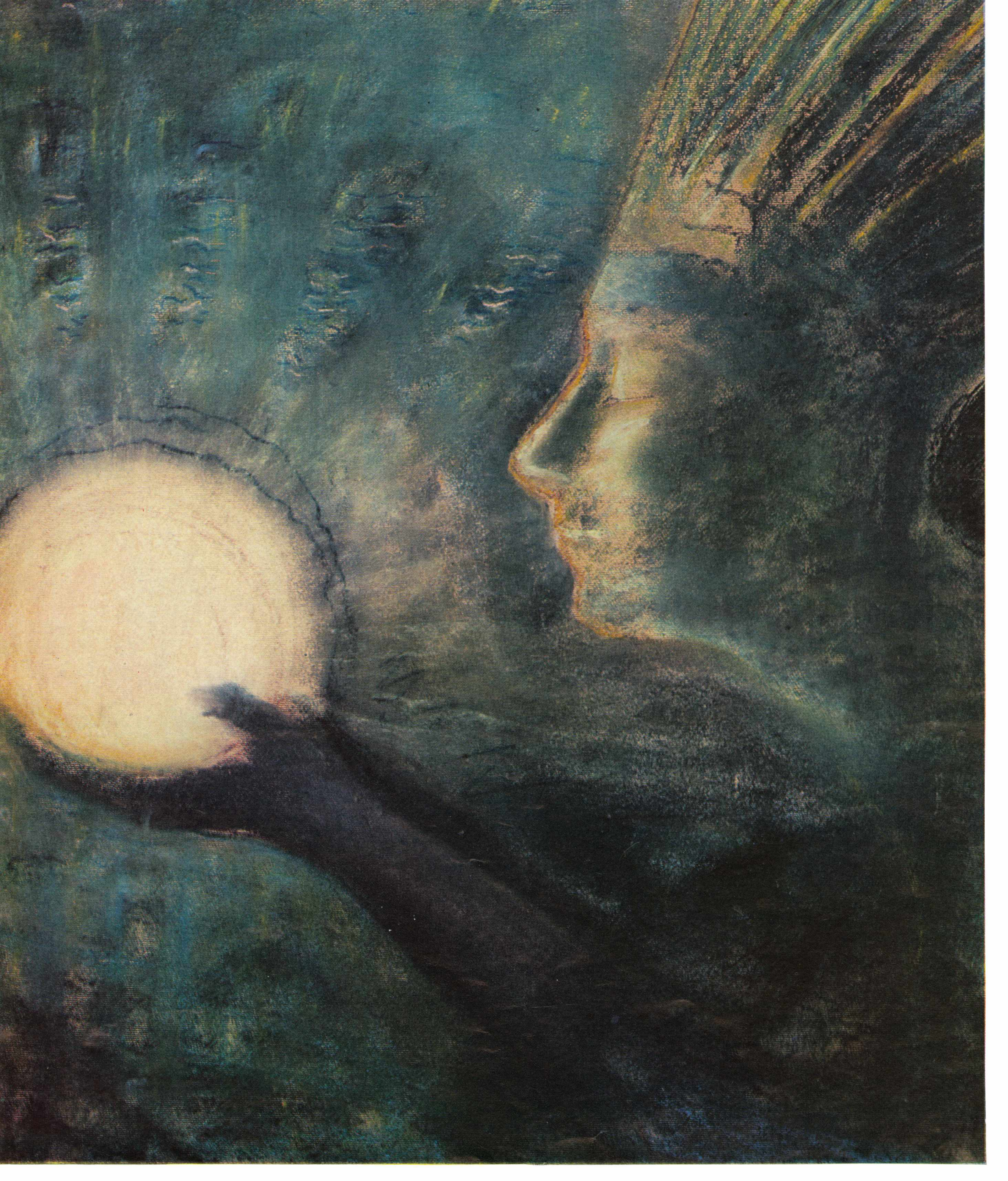
Поначалу Чюрленис заявляет о себе как композитор. В 1900 году он пишет симфоническую поэму «В лесу», которая на Варшавском конкурсе получает первую премию. В 1904 году он работает над другой симфонией — «Море». «В лесу» и «Море» — первые литовские симфонические произведения. Об их программе можно судить по следующим строчкам Чюрлениса, адресованным одному из его друзей: «Хотелось бы создать симфонию из шума волн, из таинственной речи столетнего леса, из мерцания звезд, из наших песен и бескрайней моей тоски».

Из-под пера композитора появляются одна за другой инструментальные пьесы. Он пишет прелюдии для фортепьяно, фуги для органа, столь любимого им с детства. С особым увлечением композитор занимается народными песнями. Он гармонизирует их, перекладывает для фортепьяно. Обработка литовских песен, таких, как «Ложись под косой за рядом ряд...», «Черна темная ноченька», «Субботний вечер» — образец бережного и в то же время творческого отношения к великому безымянному народному искусству. Чюрленис создал 270 музыкальных произведений (большинство из них написано именно в период 1900—1904 годов). Они знаменовали собой зарю литовского музыкального искусства. Литовская профессиональная музыка — симфоническая, фортепьянная, камерная — началась с Чюрлениса.

С 1904 года на первый план выступает живопись. Ученических работ у Чюрлениса нет. В Варшавском художественном училище, где он занимается непродолжительное время, его полотна поражают и студентов и преподавателей своей оригинальностью. Почти сразу, как будто в результате какого-то внутреннего подъема или взрыва, он превращается в зрелого мастера.

М. Чюрлёнис. 1875—1911. СОНАТА ПИРАМИД. АЛЛЕГРО. 1908—1909.

М. Чюрлёнис. ДРУЖБА. 1906.

1904—1909 годы — это период интенсивнейшей творческой работы, ритм которой может показаться фантастическим. Художник не щадит себя. Могучий огонь сжигает его. Он словно торопится запечатлеть то, что открывается его внутреннему взору. По собственному шутливому признанию, он работает «по 24—25 часов в сутки». Быт его крайне неорганизован. В Петербурге, куда Чюрленис переехал осенью 1908 года, он снимает темную, холодную квартиру. Ни удобств, ни приличной мебели. У него нет даже мольберта, и он пишет картины, повесив картон на стене. Крайнее напряжение духовных и физических сил, исключительно трудные условия жизни подорвали здоровье художника. Нервное истощение привело его в больницу. 10 апреля 1911 года Чюрлениса не стало.

Мир, запечатленный на его полотнах (художник за пять лет написал более трехсот картин), многопланов и космичен. Пожалуй, еще ни у одного мастера космические темы не звучали так широко и всеохватно. Стремление к синтезу двух видов искусства — музыки и живописи — сказалось даже в том, что художник дает картинам названия музыкальных форм — сонаты, фуги, прелюды. Чюрленис как бы подчеркивает единство общего творческого импульса, рождающего звуки и краски. Горький, относившийся с большим вниманием к его творчеству («Мне Чюрленис,— говорил он,— нравится тем, что он заставляет меня задумываться как литератора!»), определял полотна художника примечательными словами — «музыкальная живопись». Разумеется, Горький не имел в виду внешние, чисто технические приемы. Соблазнительная аналогия между семью цветами солнечного спектра и семью тонами музыкальной гаммы подвигала в то время некоторых «новаторов» на прямолинейно-механический, формальный поиск. Нет, в данном случае эпитет «музыкальная» выявлял одну из важнейших, сокровеннейших особенностей и творческого стиля Чюрлениса и стиля всей его жизни. Для него характерно то, что можно назвать музыкальным восприятием окружающего. Достаточно вспомнить его собственное признание: «Весь мир представляю себе, как огромную симфонию: люди— это ноты...». Поэтому музыкальность его полотен естественна, органична. Иллюзию слуховых ощущений, если таковые возникают, создает внутренний, глубинный план красочных композиций. Звучащий свет — вот что хочется сказать, когда вглядываешься в картины Чюрлениса.

Свет в его разнообразии, великолепии, изменчивости бесчисленных оттенков — главный герой полотен Чюрлениса. Он то празднично ликующ и фантастичен («Соната весны. Анданте»), то задумчив и загадочен, и тогда граница между небом и землей становится зыбкой, условной («Корабль»), то сдержан и потаен, как на картине «Зима», где опушенные снегом ветки напоминают трепетно горящие свечи. Художник любит изображать солнце — оно встает перед нами в самых неожиданных ракурсах, любит изображать цветы и травинки, устремленные к солнцу. Все рожденное светом тянется к свету. Гимном солнцу называют полотна Чюрлениса исследователи его творчества. Но какому солнцу? Только лишь тому, которое мы воспринимаем зрительно, физически? У великого американского поэта Уолта Уитмена есть такие стихи: «Огромное, яркое солнце, как быстро ты убило бы меня, если бы во мне самом не всходило такое же солнце». Эти строки можно поставить эпиграфом ко всему творчеству Чюрлениса. Если его картины — гимн, то это прежде всего гимн человеку, свету, живущему в человеке. Вот почему так легко солнце у художника превращается в вещественный символ всего священного и доброго, что соединяет людей земли («Дружба»). Солнце, восходящее внутри человека, это — солнце истинного знания, солнце мудрости. Неспроста остроконечные верхушки египетских пирамид на знаменитой картине Чюрлениса венчают яркие солнца. Устремленность к свету и знанию соединяет и древнюю мудрость, зашифрованную в торжественные формулы посвящений, и символику геометрических фигур, и современность.

Главная тема картин Чюрлениса — тема познания. Познание для художника не сужено лишь земными горизонтами. Его воображение прорывается в звездные сферы, сферы будущего приложения сил человека. Ибо человек — центр мироздания, ибо человек не только житель Земли, но и житель космоса! Беспредельность мироздания не пугающа, но манящa. Недаром на одном из полотен Чюрлениса звезды образуют своеобразную пирамиду, на вершине которой — крылатый человек. Звездные картины Чюрлениса — это подлинная космическая соната, главный мотив которой: «Не бойся силы своей, человек!»

Космос у Чюрлениса приближен к земле. Космос присутствует в земных пейзажах. Это и создает тот необычный ракурс, о котором в свое время писал Ромен Роллан: «Меня поражает одна композиционная черта его картин: вид беспредельного пространства, который открывается с какой-то башни или очень высокой стены... Я думаю, что он сам переживает какое-то головокружение, чувство, которое мы ощущаем иногда засыпая, когда вдруг кажется, будто мы парим в воздухе».

С высоты нашего времени художника можно назвать одним из провозвестников космического века. Живопись широких пространств захватывала дух и воображение зрителя. Ромен Роллан говорил: «Это — новый духовный континент, Христофором Колумбом которого стал Чюрленис».

Искусство, если оно истинно, опережает время. Мечта, владеющая художником, которую скептический и ограниченный ум склонен считать бесплодной, реальна, ибо она вырастает из реальных устремлений людей. Мечта реальна, как реально в цепи времен будущее, которое предвидит человек. Полемизируя с противником Чюрлениса, Горький заявлял: «А что же... романтике и места нет в реализме?.. А где же мечта? Мечта где, фантазия где, я спрашиваю?»

Искусство, как и наука, выполняет великую функцию познания. Лишь в поверхностном уме могла родиться мысль о разделении на «физиков» и «лириков». Познание в конечном итоге целостно, а не дробно; оно немыслимо без синтеза. Все чаще в наш век наука, точный расчет, непосредственное наблюдение подтверждают интуитивную догадку художника и поэта. Известно, какими словами выразил Гагарин ощущение беспредельности космического пространства: «Необычно, как на полотнах Рериха». Нечто подобное было и с произведением Чюрлениса. В 1912 году на посмертной выставке демонстрировалась его картина «Покой». Огромная морская скала, напоминающая сказочного зверя, который сверкающими глазами вглядывается вдаль, делит простор пополам. Глубина и высота — в гармоническом равновесии. Полярный путешественник Георгий Седов, увидевший эту картину, был впоследствии поражен замечательным совпадением: он обнаружил на земле Франца-Иосифа скалы, в точности повторяющие пейзаж художника. Исследователь назвал эти скалы горами Чюрлениса...

Великий русский художник Николай Константинович Рерих в статье, датированной 1936 годом, писал: «Помню, с каким окаменелым скептицизмом четверть века назад во многих кругах были встречены произведения Чюрлениса. Окаменелые сердца не могли быть тронуты ни торжественностью форм, ни гармонией возвышенно обдуманных тонов, ни прекрасной мыслью, которая напитывала каждое произведение этого истинного художника. Было в нем нечто поистине природно вдохновенное. Сразу Чюрленис дал свой стиль, свою концепцию тонов и гармоническое соответствие построения, это было его искусство. Была его сфера. Иначе он не мог и мыслить и творить. Он был не новатор, но новый. Такого самородка следовало бы поддержать всеми силами. А между тем происходило как раз обратное. Его прекраснейшие композиции оставлялись под сомнением. Во время моего председательствования в «Мире искусства» много копий пришлось преломить за искусство Чюрлениса».

За него приходилось бороться, потому что широта творческих замыслов художника, оригинальная манера письма рождали непонимание, неприятие. «Мои картины не имеют успеха,— писал Чюрленис,— и это не удивительно. Вильнюс все еще в пеленках — ничего не понимает в искусстве». Петербург, который был тогда средоточием русской культуры, принял его живопись с восхищением. Здесь смогли по достоинству оценить значимость нового явления в искусстве. В телеграмме, адресованной вдове Чюрлениса, группа русских художников писала: «Общество «Мир искусства» глубоко скорбит о преждевременной кончине своего товарища — гениального художника Николая Константиновича Чюрлениса. Возлагая на его могилу венок, Общество просит Вас, уважаемая Софья Леоновна, и семью покойного принять глубокое наше соболезнование и считает своей священной обязанностью организовать посмертную выставку работ покойного в Петербурге и Москве. Комитет: Бенуа, Браз, Добужинский, Рерих».

Посмертная судьба полотен Чюрлениса заслуживает особого разговора. Когда началась первая мировая война, его работы находились в Вильнюсе. Приближались кайзеровские войска. Бомбежка, эвакуация, паника. Картины в то время были на хранении у семнадцатилетней сестры Чюрлениса Валерии, которую художник за ее энергичность и стремительность прозвал «Валькирией». Чудом ей удалось достать вагон, куда погрузили драгоценные полотна, и отправить их в Москву. В годы гражданской войны они оказались на школьном складе, темном и сыром. Картинам угрожала гибель. Перевезти их в сухое помещение, а потом отправить в Литву — вот о чем принялась хлопотать Валерия Чюрлените. Она попала на прием к Луначарскому. Он выслушал ее и сказал: «Я дам вам письмо к Ленину». И вот Валерия Чюрлените в кабинете Ленина. На всю жизнь запомнились ей усталое от бессонницы и напряжения лицо, внимательный и испытующий взгляд Владимира Ильича.

— А почему вы не хотите, чтоб Чюрленис был в Румянцевском музее? — спросил Ленин. — Там его увидят широкие массы народа.

— Да,— согласилась она,— но он художник Литвы, он очень любил ее.

Ленин на минуту задумался, потом сказал:

— Правильно. Каждый народ должен хранить своих гениев. А где вы думаете временно поместить картины?

— У Балтрушайтиса. У него шестикомнатная квартира, и он дал свое согласие.

Ленин взял перо, что-то написал. Потом, протянув письмо Валерии— это было распоряжение оказать ей всю необходимую помощь,— сказал:

— Действуйте.

Картины Чюрлениса были спасены.

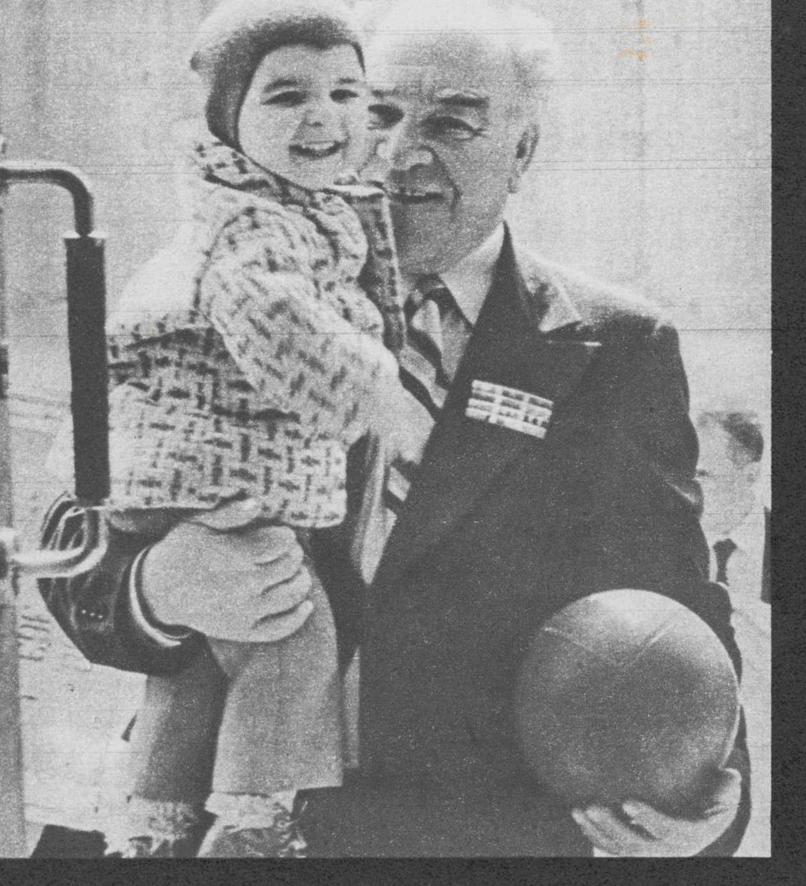
Сейчас они висят в светлых залах Каунасского музея. В залах поддерживается постоянная температура воздуха. Мы сидим с Валерией Чюрлените-Каружене, спасшей в свое время эти картины (теперь она научный сотрудник музея), напротив полотна «Соната пирамид».

— Смотрите,— говорит она,— сколько планов у этой картины. Вот первый план — пирамиды, увенчанные солнцами, вон второй — пирамиды, в верхушки которых бьют молнии, а вот третий — пирамиды, погружаемые в безмолвие... Да, конечно, тема познания — основная тема творчества брата. Но познание для него не было чем-то отвлеченным и рассудочным. Оно, по его мнению, было истинным лишь тогда, когда к нему на полную мощь подключалось человеческое сердце. Человек,— повторял он,— должен быть все чувствующим, все понимающим, стремящимся к правде, добру и красоте... Я очень люблю одно выражение брата; я его перепечатала и повесила на стене мемориального музея в Друскининкае: «Любовь — это дорога к солнцу, вымощенная острыми жемчужными раковинами, по которым ты должен идти босиком». Он ощущал родство с деревьями, травинками, землей, космосом, ощущал остро, как будто каждый нерв его был обнажен.

Валерия Чюрлените открывает книгу воспоминаний о художнике на том месте, где приводятся его слова, обращенные к младшему брату: «Эх, братишка, как хорошо чувствуешь себя в этой бескрайней вселенной, в этой высшей, самой могущественной сфере человеческого духа. И в то же время ощущаешь себя как бы ребенком, увидевшим чудеса, а в сердце вспыхивает любовь — эта замечательная движущая сила. Море, горы, леса, реки и небо — это братья и сестры, которых хочется обнять, ласкать и говорить с ними, как с друзьями. И ты любишь человека — загадку, всякий раз разгадываемую по-новому, заново рождающуюся в необъятном разнообразии явлений».

ЭТАЖИ НОВОСЕЛИЙ

К. КОСТИН
Фото И. ТУНКЕЛЯ

Новоселы.

Вот он, новый дом!

См. стр. 12.

«ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ПЯТИЛЕТКИ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ МАТЕРИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ ЖИЗНИ НАРОДА НА ОСНОВЕ ВЫСОКИХ ТЕМПОВ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ПОВЫШЕНИЯ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА И УСКОРЕНИЯ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА». ТАК ЗАПИСАНО В ДИРЕКТИВАХ XXIV СЪЕЗДА КПСС. СЕГОДНЯ НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ РАССКАЗЫВАЮТ О ТОМ, КАК, ВКЛЮЧИВШИСЬ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ ЗА ДОСТОЙНУЮ ВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДА КПСС, СОВЕТСКИЕ ТРУЖЕНИКИ БОРЮТСЯ ЗА ВОПЛОЩЕНИЕ В ЖИЗНЬ ПРЕДНАЧЕРТАНИЙ ПАРТИИ.

За пятилетку пятидесяти шести миллионам советских граждан будут улучшены жилищные условия. За четыре прошедших года построено 436 миллионов квадратных метров жилья. Только в этом году получат новые квартиры или улучшат свои жилищные условия почти 11 миллионов советских людей.

Фото А. БОЧИНИНА

ЭТАЖИ НОВОСЕЛИЙ

Обычная московская новостройка, дом в четырнадцать этажей. Лента асфальта еще свежа и горяча. Двери — настежь. В одних квартирах моют стекла, в других циклюют полы. Новоселы придирчивы и деятельны. Вот тут хорошо, а тут, на лестничной площадке, строители недоработали. Наверное, спешили... Но дом уже обживают. К подъездам подкатывают машины. Одна, вторая... Из кузовов выплывают холодильник, пианино, а за ними старинный комод.

Привычен на московских улицах конвейер новоселий. И все же каждое новое вселение — событие! Прежде всего для тех, кто обновил жилье. Вот приехали Харитоновы и Ефимовы. На смотрины? Или уже вселяются?

Несколько дней назад я видел их в Дзержинском райисполкоме — там собрались те, кто будет заселять новый дом. Для начальника районного отдела по учету жилья и его распределению Алексея Алексеевича Горничева — будни, а для них — праздник! Слышу шутку:

— Ордеров-то на всех хватит?

Горничев понимающе улыбнулся и широко распахнул дверь кабинета:

— Заходите, товарищи! Все заходите!

Район, где вырос новый дом, густо заселен. Прежде беспокоились, думали, что трудно будет здесь развернуться строителям — слишком тесно среди старых зданий. Напрасно беспокоились. Да, было трудно, но строители с толком ведут дело. Они сберегли такую ценность, как домик Васнецова. В переплетении кривых улочек, среди доживающих свой век деревянных двухэтажек, типичных для старой Москвы, домик Васнецова всегда был заметен. А теперь я не мог найти даже улицу, на которой он стоит. Новая больница, огромный — девять подъездов — жилой дом и еще два, пока не полностью заселенные. Но вдруг словно раскрыли они ладони белых панелей, будто бережно выдвинули вперед старинный дом — тот самый, художника Васнецова. Чудесно он смотрится под сенью старых деревьев, в оправе новостроек! И даже придает всему району черты неповторимости. Архитекторы бережно перекинули мостик из вчера в сегодня, а из сегодня — в завтра: жить-то людям здесь много десятилетий! Думается, что такое соединение прошлого и нынешнего — одна из приятных примет жилищного строительства в Москве. Понятно, не всюду есть дома Васнецова. Но ведь речь идет о творческом под-

СЛАГАЕМЫЕ КАЧЕСТВА

М. ИВАННИКОВА,
ткачиха,
член ЦК КПСС,
депутат
Верховного Совета СССР,
Герой
Социалистического Труда

Близится к завершению последний год пятилетки, народ наш готовится достойно встретить XXV съезд КПСС. В преддверии съезда хочется заглянуть вперед, в день завтрашний, и оглянуться: а что уже сделано? И сверить сделанное с главной задачей пятилетки.

Забота о благе человека — главная забота партии. И это явственно ощущает каждый из нас. Особенно мы, женщины: ведь основные хлопоты по дому все же лежат на наших плечах.

Депутатские мои обязанности дают мне право и возможность заниматься этими проблемами в масштабах государства. Мы, депутаты, нередко бываем в министерствах легкой и текстильной промышленности, часто слушаем министров и руководителей ведомств у себя, в Верховном Совете страны. Они докладывают о расширении жилищного строительства, торговли, увеличении выпуска новых товаров, улучшении службы быта.

И передо мной зримо встает картина, которую легко сравнивать — я ведь давно работаю ткачихой, знаю, как шли дела пятнадцать — двадцать лет назад. А еще большую яркость этой картине придает то обстоятельство, что я все время могу сверять решение тех или иных вопросов с тем, что делается на нашем предприятии. Так сказать, частным поверять общее. Поэтому мне и хотелось бы сейчас немного рассказать о нашей фабрике, о ее сегодняшнем дне — о замыслах и заботах тех, кто поставляет ткани на швейные фабрики, на прилавки магазинов.

Много лет работаю я на Московской хлопчатобумажной фабрике имени Фрунзе и, казалось, знаю ее, как говорится, вдоль и поперек. И все же сейчас мою родную фабрику не узнать. Не останавливая производство, мы провели коренную реконструкцию. На сто восьмом году своего существования предприятие словно бы заново рождается. Перемены почувствовали прежде всего мы, ткачихи. Посветлели цеха, в них поставлено новое оборудование, монтируют кондиционеры. Электроника, новейшие станки и механизмы — всего этого несколько лет назад мы просто не знали. Большинство перемен произошло после XXIV съезда партии.

Работать стало легче и интереснее. Кажется, совсем недавно под моей опекой было 12 станков старой конструкции. Теперь же машины новые, непривычные. Осваивала я их, приноравливаясь к каждой. Но на принятой норме засиживаться нельзя было, время освоения хотелось свести до минимума. И вскоре я стала работать на 21 станке. Понятно, выросла эффективность труда. И его показатели. Ткань мы теперь делаем более плотную, фактурную. Если попросту сказать, ткань эта стала куда лучше. Ежесуточно мы даем 70 тысяч метров суровья. И тем не менее чувствую, что не все резервы вскрыты.

Когда стоишь за станком, то на раздумье времени остается немного. А вот в перерыве разговоришься с товарищами по цеху да и по дороге домой призадумаешься: что еще можно сделать? И обязательно что-нибудь новое появится в поле твоего зрения. Так я пришла к мысли о том, что новое оборудование и новая технология позволяют более экономно относиться к сырью. Пришла в партком, посоветовалась. Взяли карандаш, подсчитали. И что же? Выходит, что если быть бережливым, то можно один день работать на сэкономленном сырье.

Но мы сейчас находимся на таких рубежах, когда речь идет не только о количественной стороне дела, но и о качественной. Тем более это важно для нас. Ведь нашей продукцией пользуются миллионы людей. Костюм без ткани не сошьешь, новое платье не сделаешь. Да вот и космическую одежду тоже шьют из ткани, пусть особой, но прошла она через руки ткача, не могла не пройти. Как-то зашел у нас разговор о качестве тканей. И мы пришли к такому мнению: качество — это не только полное соответствие стандарту. Это требования гораздо более высокие. Они должны учитывать и меняющуюся моду и повседневные запросы потребителей. А уровень этих запросов растет быстрее, чем меняются ГОСТы. Быть на уровне этих высоких требований — наша задача. С такими мыслями мы идем к XXV съезду партии, который хотелось бы встретить личными рекордами, трудовыми подарками.

ходе к решению острой проблемы.

Сейчас в столице более пятидесяти тысяч жилых домов общей площадью свыше ста десяти миллионов квадратных метров.

В Москве новые благоустроенные квартиры в минувшем году получили сто десять тысяч семей, а за четыре года пятилетки сдано в эксплуатацию около двадцати двух миллионов квадратных метров общей площади. При этом осуществляется переход к сооружению зданий из прогрессивных конструкций.

Если же говорить о стране, то за прошедшие годы пятилетки сорок пять миллионов человек улучшили свои жилищные условия. Многие новоселы получили отдельные квартиры.

Пишу об этом, и на память приходят такие строки: «К 1923 году в нашей стране был построен первый миллион квадратных метров жилья для трудящихся. В этом же году появился первый пятиэтажный дом, выстроенный на Фрунзенской набережной. Дом возвели для полиграфистов Первой образцовой типографии, и по сию пору на нем есть надпись: «Дом для рабочих. Построен Моссоветом в 1923 г.».

А с того времени, поди сосчитай, сколько в одной только столице появилось новых домов! Зиловский массив. Дома для «Трехгорки», «Калибра», «Водоприбора», московских часовых и подшипниковых заводов... Теплый Стан — кипень белых панелей и изумруд лесов; северное Чертаново — того красивее.

Строят много, строят всюду... Не везде пока воздвигаются дома высокого качества, есть еще недоделки. Избавиться от них — одна из важных задач строителей.

Центральный Комитет КПСС недавно рассмотрел вопрос о ходе выполнения принятого в мае 1969 года постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства». В этом документе отмечаются успехи, достигнутые строителями за годы девятой пятилетки, и вместе с тем их внимание сосредоточивается на нерешенных проблемах, намечаются пути дальнейшего улучшения дела.

...За нынешнюю пятилетку только для жителей одного Дзержинского района столицы построено около четырехсот тысяч квадратных метров жилья. Строители Дзержинского районного ремонтно-строительного треста присматриваются и к обветшалым кварталам Марьиной рощи. Давно им не по душе ее двухэтажный силуэт. Вот и перекраивают геометрию улиц и переулков, меняют устаревшие силуэты! Пришли сюда, расчертили небо ажурными кранами, теперь поднимают ввысь этажи. Где-то здесь пройдет северный луч столицы — магистраль от центра к останкинским дубравам. Только в одном квартале № 15, на месте бывших Мещанских улиц, уже поднялись десять корпусов. А неподалеку, ближе к проспекту Мира, встает Дом моды в девять этажей. Обрекли на слом старый и уже начали возводить новый Крестовский рынок. В близком будущем рядом построят «Универсам» — их уже много в столице.

В Дзержинском районе любят экспериментировать. Здесь много делают и для того, чтобы жилья было больше, и для того, чтобы жилось людям лучше, удобнее. А удобство — это не только крыша над головой, не только горячая вода, лифт. Это еще и магазин поблизости, бетонные «шатры» будущего торгового комплекса, отличное здание школы.

...Итак, первые ордера — ветеранам войны. Среди них Иван Никифорович Ефимов и Семен Иосифович Рувимский, оба инвалиды первой группы. За ордером пришел и бригадир такелажников сварочно-монтажного треста Анатолий Александрович Миронов...

— Трехкомнатная, — отвечает он мне. — Сколько буду платить? Не спрашивал. А зачем?

Разговаривал со многими новоселами — никто ни разу не упомянул о размере квартплаты. Небольшая, дескать, это забота. Знают, что государство немалые деньги направляет не только на строительство, но и на содержание новых домов. Ремонт, эксплуатация, модернизация — все это лишь краем затрагивает семейные бюджеты. Известно, что коммунальные услуги, свет, газ, отопление и водоснабжение составляют в среднем около пяти процентов всех расходов семьи. Ну кто будет задумываться над размером квартплаты, если она — малая доля стоимости предоставленной государством квартиры?

— Многим интересуются новоселы,— подчеркивает и председатель Дзержинского райисполкома В. П. Агафонов. — И этажностью и стороной, на которую выходят окна, близко ли булочная, сколько лифтов в подъезде. А вот о квартплате вопросов обычно не задают.

К. БАРЫКИН

«НЕПРОФИЛЬНАЯ» НО

Приехав в Ленинград в дождливый день, я увидел у многих в руках яркие, красивые зонты. «Импортные»,— подумал я. И ошибся. Отличные складные зонты уже не первый месяц делают на заводе «Полиграфмаш», которому эта «непрофильная» продукция принесла не только признательность покупателя, но и немалые доходы: зонты идут нарасхват.

Руководители некоторых ленинградских предприятий тяжелой индустрии, когда дело доходит до производства товаров широкого потребления, неплохо разбираются в рыночной конъюнктуре и проявляют похвальную оперативность.

Факт этот и привел меня на постоянную выставку товаров широкого потребления, выпускаемых предприятиями города. В тот день здесь отчитывался Петроградский район: сколько чего сделано, за какой срок, как идут дела на том или ином предприятии. Пригласили и директора «Полиграфмаша», завода, где девять процентов всей выпускаемой продукции — товары культурно-бытового назначения. Много это или мало? Судите сами. В плане завода «Знамя труда» их только 1,8 процента. И меньше и, заметим, хуже. Но и на «Полиграфмаше» возможности не исчерпаны. Каковы они? Тут пошел разговор о технологии, который я умышленно обхожу, но суть его такова: при желании можно найти и производственные площади, и сырье, и модели, достойные запуска в серию.

За год в Ленинграде выпущено несколько сотен новинок, заметная доля их — предприятиями все того же Петроградского района. Если разобраться — капля в море устойчивого, обеспеченного покупательским рублем спроса. Но дело не только в этом. Применительно к товарам широкого потребления кое-где отмечается тенденция «корректировки» планов в «сторону уменьшения», как не без изящества формулируют это горестное обстоятельство руководители иных предприятий. Такую операцию уже проводили, к ней, похоже, вырабатывается вкус. И оказывается, что операция эта осуществима даже в условиях уже утвержденных планов и принятых обязательств. За один год «откорректировали» снижение выпуска товаров на миллионы рублей. «Объективные причины»,—вздохнул один из директоров. «Сырья не дали, сорвали поставку комплектующих деталей»,—посетовал другой. Бывает? Случается... Там, где невысока ответственность. Вот один лишь пример. Завод авторучек «Союз» пытался доказать, что план завышен: «Не можем выполнить!» Причины? Конечно же, «объективные»! Снизили заводу план. Там облегченно вздохнули и... перевыполнили это «скорректированное» задание. Конечно, со всеми вытекающими отсюда последствиями по части премии.

Вот так-то...

И все же выставка, ее стенды показали: ленинградская промышленность активно работает по запросам торговли, в контакте с ней.

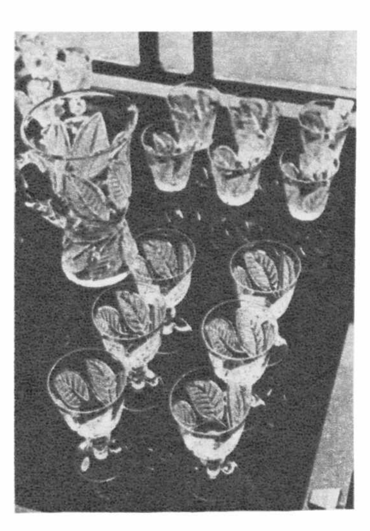
— А как это отражается на прилавках магазинов?—спросил я кандидата экономических наук, первого заместителя начальника Главторга Ленинграда И. И. Каштеляна. Он был готов ответить, но посоветовал прежде поехать в универмаг «Нарвский».

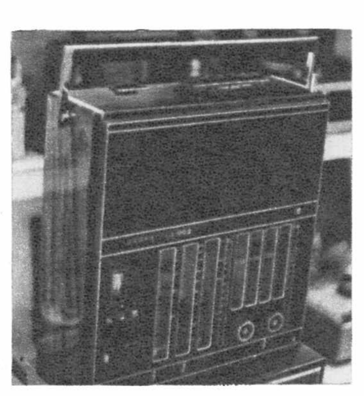
— Посмотрите там отдел новых товаров. А затем продолжим разговор.

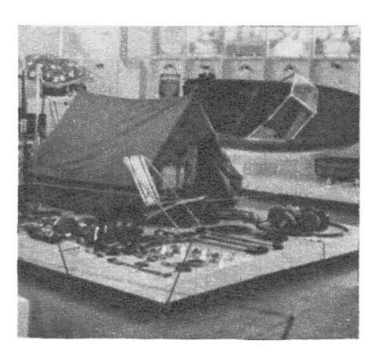
Два больших зала здесь отданы исключительно новым товарам — тем, что только начали выпускать или производство которых освоено полгода-год назад. Когда минует этот срок и то или иное изделие лишится права находиться в отделе новинок, оно перейдет в разряд обыденных и будет продаваться во всех магазинах. Если, конечно, его выпуск продолжается. Оговорка важная, потому что в «Новинке» вещь апробируется, проходит самый строгий экзамен — оценку дает покупатель. И если экзамен сдан, то производство продолжается, а коли изделие встречено равнодушно, изымается из планов предприятия. Случается, конечно, что и проскользнет сквозь такой заслон какая-либо шустрая вещица, но это уже досадное исключение из правила.

В ленинградскую «Новинку» приезжали эстонские химики. Они привезли с десяток изделий, только что вышедших из конструкторского бюро, и руководствовались при этом тем, что коли придется их товар по вкусу требовательному ленинградцу, то можно запускать в серию.

Эстонские производственники прибыли в сопровождении социологов, чтобы все оценки рассмотреть «по науке», без которой уже не обойтись ни промышленности, ни торговле. Тем более, что речь идет о товарах повседневного спроса, часто обновляющихся, о товарах, наиболее подверженных колебаниям.

Хрусталь, радиоприемник «Ленинград-002», товары для туристов и для домашней кухни — все это новинки ленинградской промышленности.

Фото Н. Ананьева

Консультант-продавец в общении с покупателями активен: интересуется их мнением, причем не довольствуется «общим впечатлением», а хочет получить материал для анализа, ведет этакое микроисследование.

— Купили бы? Нет? Почему? Не устраивает цена? Конструкция?

Вопросы четки, продуманны. Ответы тут же записываются. Все будет учтено, изучено. «Цель опроса,— объяснили мне,— выявить мнение потребителя о хозяйственных товарах из пластмассы». Метод исследования — сопоставление. Идет соревнование новинок: из пластмассы, керамики, стекла, алюминия, изделий эмалированных и деревянных. Смотри, выбирай, сравнивай.

Путь нужного товара к прилавку не прост. Ускорить его, облегчить — этому способен помочь и покупатель. Ленинградцы привыкли к такой постановке дела, потому что не раз могли убедиться в ее действенности.

И когда магазинные полки стали ломиться от обилия непроданных вещей, на которые прежде было столь щедро объединение, выпускающее люстры и светильники, покупатели не постеснялись сделать замечание даже такому крупному предприятию, как «Луч»: «Ваша продукция потускнела. Ассортимент сузился, качество стало ниже!..»

Пришлось творцам светотехники пересматривать свою программу. А подобный пересмотр не прост, рассчитан не на день или месяц. И сейчас продолжается работа, начало которой было положено заме-

чаниями, высказанными (или невысказанными, потому что вещь некупленная—это тоже балл: отрицательный) ленинградцами и в магазинах и в письмах городским организациям. Забота о качестве и ассортименте становится в Ленинграде заботой общей. Областная и городская партийные организации, городской исполком не только требовательны. Партийные и советские организации помогают, повседневно поддерживают все, что способствует расширению ассортимента, улучшению качества товаров широкого потребления.

В «Гостином дворе» я был в те дни, когда там шла распродажа массовых изделий «Электросилы». Прежде всего это пылесосы. Такие, которых вчера рынок не знал. Удобные, их можно использовать как круглый табурет. Сколько хлопот обычно доставляет поиск места для пылесоса, которым пользуются не больше чем полчаса в день. А тут небольшой пуфик, поставил его около торшера, садись, читай газету. Шланг-шнур наматывается вокруг корпуса, как на катушку, и скрыт между верхним сиденьем и нижней подставкой. Предлагая такие пылесосы на выставке-продаже, завод гарантирует их пятилетнюю службу. И спрашивает: «Нравятся, не нравятся?» Это очень важно знать, почему то или иное изделие пришлось или не пришлось по вкусу.

Но если пылесос — вещь в общем-то известная, просто модели меняются, совершенствуясь, то в планах ленинградских заводов есть изделия, вовсе неведомые широкой массе покупателей или знакомые лишь понаслышке. Вот печь, у которой нет ни конфорок, ни пламени, ни электроспиралей. Открываешь дверцу, кладешь сосиски, а через минуту (буквально!) вынимаешь их горячими—бери и подавай на стол. Причем прямо на той же тарелке, что побывала вместе с сосисками в печи: она даже не нагрелась! Печь, успевающая за десять минут приготовить мясное блюдо, не разогревает фаянс: ультразвуковая она, печь эта. И действует с помощью токов высокой частоты. Камера ее работает в трех режимах — или готовит пищу, или только разогревает ее, или оттаивает, «дефростирует» после заморозки. Говорят, такую печь скоро можно будет приобрести в магазинах. Но сколько их нужно? Какими их делать (имеется в виду внешний облик)? Это вопросы и к покупателю. Сложные вопросы, потому что такая печь — новинка и сравнивать ее не с чем. Статистика и социология, специалисты по технике и дизайну подчеркивают: через десять — двенадцать лет в наш домашний обиход войдут, обновляя его, вещи (их будет до 40—60 процентов!), о которых мы сейчас даже не имеем представления. Принципиально новые вещи! И тут нужны тщательно отработанные режимы наибольшего благоприятствования таким товарам, изделиям-кандидатам, которые должны поскорее миновать кандидатский рубеж, чтобы стать товарами-фаворитами. Без этого невозможно подлинное обновление ассортимента. Ведь входят понемногу в быт такие вещи, как кухонный таймер, регулирующий время работы той же плиты, как автоматическая кофеварка, ионизатор воздуха, надплитный фильтр. Но входят они робко, продираясь сквозь строй привычно давних вещей. Новинки до сих пор теснятся где-то во втором-третьем рядах. Вот и стараются ленинградцы вывести их на авансцену, активно используя магазины типа «Новинка». Это важно, и этому немало способствует торговля. Поэтому я снова вернулся в Главторг, чтобы продолжить разговор с Иваном Ильичом Каштеляном.

— Да, нового, хорошего много. Но не все так гладко, как хотелось бы,—говорит он.—Если в 1974 году было выпущено новых товаров 688 наименований, то в нынешнем — несколько меньше. Я сейчас говорю лишь об изделиях хозяйственного, бытового назначения. Нас это тревожит, потому что мешает быстрее ликвидировать такое неприятное понятие, как «дефицит»...

И все же обновление ассортимента товаров идет. Ленинградская промышленность дала за последнее время такие изделия, как радиоприемник первого класса «Ленинград-002», мебельные наборы «Чародейка», магнитофоны «Астра-206» и «Орбита-204», электропылесос повышенной комфортности, детский мебельный гарнитур «Сокол». Ижорский завод имени Жданова освоил и выпускает набор ножей и вилок «Юбилейный» — современная форма, прекрасная сталь. Чуть-чуть попридирчивее надо было бы относиться изготовителям к отделке, она неравноценна у разных партий этих изделий.

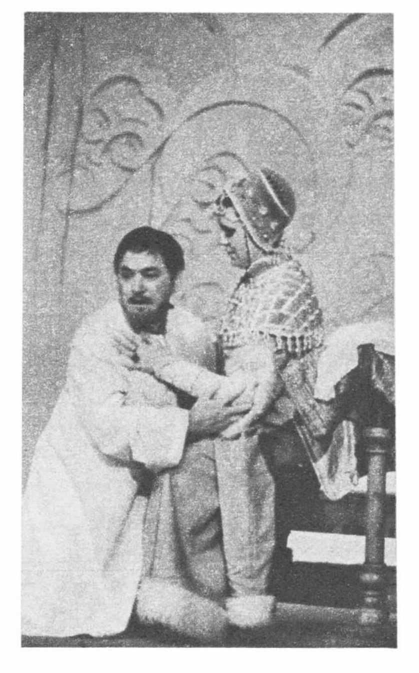
Только при совместной работе промышленности и торговли можно решить основную проблему — поставку товаров в достаточном ассортименте и в нужном количестве.

— Наша забота, — заключает разговор И. И. Каштелян,— сделать день сегодняшний стартовой площадкой для перспективных изделий, чтобы и сегодня и завтра на прилавках было бы все, что необходимо покупателю. Вот этому-то и должна помогать торговля, и в частности магазины «Новинка».

ВИНКА

гастроли

ЛУЧШИЕ СПЕКТАКЛИ — КЛАССИКА

Э. Дмитриева и В. Русинов в спектакле «Царь Федор Иоаннович». Фото М. Строкова

Г. ДАНИЛОВА

Русские театры в национальных республиках можно назвать театрами особого назначения: они являются как бы полпредами русской театральной культуры, сыгравшей в становлении профессионального театрального искусства у многих народов страны значительную роль и поныне сохраняющей свое ведущее положение.

Ташкентский русский театр драмы имени М. Горького — один из таких коллективов. Сорок лет плодотворно трудится он в столице Узбекистана. И уже не впервые получает возможность выступить в Москве.

Гастрольная афиша Ташкентского театра закономерно включала в себя как русскую советскую драматургию, произведения классики, так и узбекскую пьесу М. Мелкумова и К. Ярматова «Дни тревог и надежд», где сделана попытка рассказать о первых годах Советской власти в Средней Азии, воплотить образы В. И. Ленина и других руководителей молодой Страны Советов, характеры типичных представителей народа. И хотя просчеты драматургии не позволили театру создать спектакль, равнозначный масштабу темы, нельзя не отдать должного искренности добрых намерений и старанию коллектива, изобретательности режиссера В. Стрижова, меткости и образной выразительности ряда актерских зарисовок.

Постановки «Маленькой докторши» (сценическая композиция Л. Финка по мотивам романов К. Симонова «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются»), пьесы И. Дворецкого «Саша Белова» также не стали заметным достижением ташкентского театра. Претензии можно предъявить как к драматургической основе, так и главным образом к режиссерскому решению спектаклей, где отсутствует четкий, последовательно проведенный замысел (режиссер О. Чернова); исполнение центральных ролей (в обоих спектаклях они доверены Л. Грязновой) расплывчато, неточно по мысли, эмоционально разбросанно.

Среди постановок советской драматургии, показанных ташкентским театром, спектакль «Материнское поле» Ч. Айтматова, решенный как монодрама (сценическая композиция Б. Львова-Анохина, режиссер О. Чернова), выделяется своей целостностью, последовательностью развития основной темы во многом благодаря вдумчивому, логически выверенному и драматически насыщенному исполнению главной роли Толгонай актрисой Г. Загурской.

Если говорить о других работах ташкентского театра, которыми коллектив наиболее полно и убедительно выполняет свою роль театра особого назначения, столь важную в культурной жизни национальной республики, то это, безусловно, постановки классической драматургии. Все три спектакля — «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого, «Дело» А. Сухово-Кобылина, «Комедия ошибок» В. Шекспира — работы главного режиссера театра В. Стрижова. Они не безупречны и не бесспорны с точки зрения режиссерского решения. К их очевидным минусам можно отнести излишнюю настойчивость режиссера в стремлении быть до конца понятым, что оборачивается временами нарочитой назидательностью. Но есть в постановках В. Стрижова и несомненные достоинства. Они-то в немалой мере способствовали успеху его работ у московских зрителей. Обратившись к классике, драматургии высшей трудности, режиссер постарался понять каждое из произведений в его «индивидуальности», овладеть миром его идей и чувств, его жанровым своеобразием. Режиссер ставит трагедию «Царь Федор» или сатирическую драму «Дело», искрометную «Комедию ошибок», каждый раз четко переключая действие в иную тональность. Его постановки отличаются сосредоточенностью в выявлении замысла и всегда вниманием к актеру: активным «подключением» исполнителей к воплощению замысла.

Не случайно в постановках В. Стрижова актерские дарования раскрываются широко, разнообразно и смело. Тут в первую очередь надо сказать об актерах В. Павленко, Ф. Котельникове, М. Мансурове, Л. Колесникове, Ю. Рубане, В. Александровой, П. Дроздове, Н. Хачатурове, Т. Машеевой...

Исполнение самим постановщиком ролей царя Федора и Тарелкина («Дело») позволяет видеть в нем актера высокого профессионального мастерства, актера вдумчивого, любящего точную, доведенную до блеска, до виртуозности форму выражения содержания, понятого по-своему. Его царь Федор и обликом и манерой поведения вовсе не государь, даже не боярин, он ближе к простым людям, страдающим от боярской вражды. Как и они, Федор страстно, неистово жаждет мира, душой болеет за судьбу Руси. Тарелкин — В. Стрижов, этот бес-искуситель семьи Муромских, одновременно и страшный и ничтожный человечишка, чьи танцевально-скользящие движения, гибкие интонации, словно живое воплощение невероятной пронырливости, изворотливости, приспособляемости.

Постановки классики, где коллектив ташкентского театра предстал в своем лучшем качестве, естественно, привлекли к себе и наибольшее внимание московских зрителей. Очевидно, необходимо, чтобы с той же требовательностью, щедрой самоотдачей, творческой увлеченностью коллектив подходил к работе над современной советской драматургией.

СВОЯ РУБАШКА

А. ЩЕРБАКОВ, фото Э. ЭТТИНГЕРА, специальные корреспонденты «Огонька»

В Тирасполе прекрасно шьют. Тираспольские сорочки, платья, джинсы не залеживаются на торговых складах в унизительном сообществе неходовых товаров. На фабрику имени 40-летия ВЛКСМ ездят советоваться, заимствовать опыт. За разработку системы управления качеством — а именно она прежде всего и породила нынешнюю популярность предприятия — группа здешних производственников представлена на соискание Государственной премии СССР за 1975 год.

Помните поговорку: своя рубашка ближе к телу? Так вот, приехав в Тирасполь, я задался целью найти ответ на вопрос: как сумели на фабрике добиться того, что «своя» рубашка стала близка всем — от рядовой работницы до директора.

Ответ, мне думается, даст важный ключ к переменам, в которых так нуждается вся наша легкая промышленность, еще выталкивающая под напором пресловутого «вала» на прилавки магазинов много изделий, быстро переходящих в разряд уцененных товаров.

...Вера Васильевна Дорошенко, начальник пятого цеха, рассказала такую историю. Молоденькая швея возомнила себя мастерицей высшего класса, но раз так — место ее, мол, не в цехе массового пошива, а в ателье индивидуальных заказов. Держать не стали. Ушла. И примерно через год попросилась обратно, причем умоляла, чтоб взяли в прежнюю бригаду. «Что ж, — сказали ей, — взять-то можем, но ведь ты от наших требований отстала, от нашего ритма отвыкла — придется разряд тебе скостить. По второму разряду пойдешь?» «Хоть по первому, только бы в свою бригаду вернуться...»

Прекрасный пример! Он, пожалуй, исчерпывающе характеризует высочайший смысл работы в коллективе, воспитывающем людей, которые сообща способны добиться любой высокой цели.

А шли к этому много лет и разными путями. Шли, постигая в поиске вроде бы и простую, но не сразу дающуюся истину: достичь заветных рубежей удается лишь тогда, когда готовятся все и подготовили всё, когда каждый понимает, что любая мелочь в подготовке очень важна и что зависят все эти мелочи от каждого, то есть от тебя.

Еще в 1955 году на фабрике утвердилась система рационального раскроя тканей, от нее-то и двигались к системе управления качеством. «Вели разведку» на стороне, по зернышку собирая все, что могло понадобиться для системы. Изучали наиболее стоящее и в других отраслях, даже совсем вроде далеких. Главный технолог фабрики Александра Филипповна Захарова, возвращаясь из таких поездок, вместе с директором Валентиной Сергеевной Соловьевой, с другими специалистами принималась «кроить» будущую систему, готовить первую «примерку», вторую...

Достаточно ценного находили и в своем коллективе. И уяснили сразу, что система окажется эффективной и прочной лишь в том случае, если охватит все стороны жизни и деятельности коллектива, если люди почувствуют, что старая фабрика вроде бы закрылась, а теперь им самим предстоит создавать новую.

Маленький экскурс в прошлое совершает заместитель директора Роза Гавриловна Гиенко.

— Прежде мы не учитывали «взрывов» моды, технологической политики фабрики, завтрашних возможностей технической базы. А потом отказались от принципа — коммерческая служба сама по себе, а инженерная сама по себе. Конструкторское бюро у нас свое. Оно пришлось очень кстати в пору интенсивного технического обновления производства. Новые настилочные столы, новые настилочные машины — это все наши конструкторы придумали.

Очень занимало нас все, что связано с условиями и фабричного и внефабричного бытия людей, с их настроением. Понимали, что настроение может укрепить фундамент системы, а может и расшатать. Открыли кулинарию на фабрике — вот и маленький праздник. Еще бы! После работы меньше времени истратишь на беготню по магазинам. Завели свой кондитерский цех; молочные продукты можно купить прямо во дворе фабрики.

На Черном море построили дом отдыха, на крыше фабричного корпуса оборудовали солярий. Тут же, на территории, медицинские кабинеты. Дворец культуры у нас иным промышленным гигантам на зависть. В нем богатая техническая библиотека (подчеркните деталь: приказом директора фабрики нашим специалистам отводится день в неделю для чтения технической литературы). Приглашаем из Кишинева авторитетных преподавателей читать лекции для заочников вузов и техникумов (еще деталь: наши студенты, как правило, защищают дипломы у себя на фабрике).

Роза Гавриловна упоминает и о машиносчетной станции, и о службе технической информации, и об учебных классах в цехах. Все интересно. Но особенно примечательной показалась мне новаторская позиция фабричных экономистов. И я долго беседовал с Евгенией Петровной Емельяновой — главным экономистом фабрики.

— Экономисты промышленных предприятий обычно стоят на страже чисто экономических интересов. Поэтому далеко не всегда они поддерживают усилия по внедрению нового. Ведь здесь требуются большие расходы. А лучше без них. Лучше не сбивать набранный темп, не экспериментировать и не покушаться на святая святых — валовые объемы. Но в таком случае не приходится и говорить о системе управления качеством. У нас же на фабрике экономисты активнейшим образом участвуют во всех начинаниях, связанных с системой.

— Кто их так настроил?

— Общая атмосфера в коллективе,— говорит Евгения Петровна.— Мы оказались бы в смешном положении, если б не поддержали поисков. Ведь повышение качества, внедрение новшеств приносят немалый выигрыш.

— Каким же образом?

— Мы за год вперед изыскиваем резервы, которые дадут возможность без убытков внедрять новое — модели одежды, технологию, организацию производства. У нас не было случая, чтоб бригады, осваивающие новое, теряли в заработке или оставались без материального поощрения. Откуда, спросите, ресурсы? Их обеспечивает совершенствование процессов в других бригадах, на уже освоенных изделиях. Тем, кто берется за новое, дается два месяца. Добились за это время установленного уровня выработки — получайте премии. Причем абсолютно все, кто участвовал. Кстати, о премиях: каковы бы ни были остальные показатели, но если не обеспечено качество, никаких поощрений.

— Система оплаты, наверное, тоже не сразу сложилась?

— Не сразу. Сперва мы отказались от индивидуальной сдельщины: она, по сути, не стимулирует борьбу за качество. Ввели бригадную сдельщину, а затем остановились на повременно-премиальной оплате. У нас правило: нововведения проверяем на одной-двух бригадах, а затем рекомендуем всей фабрике. Экономисты все апробируют в цехах, а в кабинетах лишь анализируют. У нас, можем похвалиться, самое точное нормирование в отрасли, причем нормы пересматриваются чаще, чем на других предприятиях. Это не вызывает осложнений в значительной мере потому, что мы не скупимся поощрять рабочих за добросовестность, повышение мастерства. А экономические показатели подтверждают нашу правоту. Возьмите семьдесят четвертый год. Мы освоили семь новых видов изделий. Не обошлось, ра-

■

Валентина Сергеевна Соловьева. * Урок на рабочем месте дает наставница Анна Андреевна Емельянова (справа) своей ученице Татьяне Язаджи.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Конструируется еще одна модель. Конструктор В. Гордиенко и старший художник-модельер М. Соловьева. * Они сами создали эти новые наряды и сами их демонстрируют — швея Валентина Михайлова, швея Надежда Басовская, лекальщица Лилия Титаренко и упаковщица Светлана Сорокоумова.

зумеется, без дополнительных расходов. А в итоге прибыль за год — 10 миллионов 592 тысячи рублей, в то время как предыдущий год дал 9 миллионов 761 тысячу.

— Значит, все издержки покрываются?

— Как видите. Фабрика много выигрывает от того, что ей неведомы потери от возврата продукции, уценки изделий... Словом, экономисты за систему, а система за них...

Итак, поиск резервов качества постепенно захватил на фабрике всех. Тогда и оформилась система. Ее стержень — отдел управления качеством. У него большие права и обязанности. О главных рассказала заместитель начальника отдела Тамара Севостьяновна Богатая:

— Мы забраковали прежнюю форму контроля — ОТК. Дело в том, что она лишь фиксировала изъяны. А отдел решил вмешиваться в процесс производства, предупреждать брак или некачественное выполнение операций. Отдел направляет деятельность цеховых бюро качества и бригадных постов. Под нашим руководством разрабатываются стандарты, ужесточаются требования к качеству швейных изделий (путем участия в ярмарках, изучения покупательского спроса, входного контроля сырья), «обкатываются» модели перед их запуском в производство. Модели, которые не пользуются спросом, мы без колебаний снимаем с производства.

Чтобы человек работал с полной отдачей, жил делами коллектива, надо проявлять к нему душевное внимание. Здесь это норма.

...Света Сухих менялась на глазах. Стала неразговорчивой, скрытной, частенько отворачивалась от подруг, чтоб спрятать слезы. Что случилось? Неблагополучно в семье, осложнились отношения с отцом, впору хоть из дома уходить. И к Светиным родителям едут начальник цеха Вера Васильевна Дорошенко и несколько цеховых активистов. Разговор был трудный, долгий, нервный, иной раз будто безнадежно обрывающийся... Но он положил начало добрым переменам.

Скажут: пример-то обычный. Правильно. Но для Тираспольской фабрики он типичен. Здесь стало правилом: начальник цеха посещает семьи работниц. Само собой разумеется, что в цехе оценивают такие шаги по достоинству.

В. ДОРОШЕНКО.

— Когда Лена Юрина бросила вдруг вечернюю школу, взбудоражился весь цех. Мы знали, что у Юриных большая семья — двенадцать человек, что Лене учиться трудно, и всячески помогали ей. И вдруг — бросила школу! С помощью коллектива Лена сумела вернуться и теперь получила аттестат зрелости.

И так во всем, так ко всем. Мы много возимся с бригадами подростков (создали их, чтоб девочкам удобнее было заниматься в вечерних школах и чтоб производственные интересы теснее объединяли их), учим, беседуем, проводим конкурсы мастерства. Устраиваем «Дни глазами новичка» — собираются новенькие и делятся с нами тем, что им по душе в цехе, а что нет. И как радостно видеть отдачу! Представьте себе, приходят девчонки из подростковой бригады и говорят: «Нам поручили вот эту кокетку делать, а она, по-нашему, неудачна, мы свои предлагаем, оцените». И показывают целых три — собственное творчество. Вот тут она и складывается, система управления качеством!

Галя **ФОИНОВА**, швея-мотористка.

— Я все цеховые операции знаю, любую работницу могу заменить. Безразличному человеку у нас не прожить на фабрике. Климат не тот. И тех, кто в помощи нуждается, поддерживаем. Люба Русило никак не справлялась с петельной операцией. Мы всей бригадой ее на буксир взяли. Теперь она с остальными наравне.

Дона Васильевна **ДИМИТРОВА**, секретарь парткома фабрики.

— С первых шагов на предприятии стремимся каждого втянуть в общественную жизнь, потому что знаем: тот, кто втянулся в общественную работу, прикипает к фабрике накрепко. Партийная организация у нас растет, по тридцать человек в год вступает в наши ряды. А коммунисты за собой всех ведут.

Владимир **ЛАДУНКИН**, секретарь комитета комсомола фабрики.

— Наш комсомольский штаб качества связан со всеми службами фабрики, с комсоставом цехов. Фиксируется каждый случай возврата изделия, изучаются возможности полной ликвидации брака; ежемесячно анализируется качество работы каждого комсомольца, лучшие из молодежи получают право сдавать продукцию со штампом комсомольской гарантии.

Поле нашей деятельности расширяется. Мы создали сквозные бригады отличного качества, чтоб объединить усилия предприятий, причастных к производству мужской сорочки или формы для школьников, и работу торговли. Тут пока не все еще получается, но первые результаты обнадеживают.

У Ладункина хватает убедительных фактов в пользу сквозных бригад качества. Однако тут же выясняется, что далеко не все готовы принять условия, гарантирующие поставки отличной продукции. По-прежнему на оптовых ярмарках предлагается одно, а потом поставляется до неузнаваемости искаженная копия ярмарочного образца. Предприятия вроде Тираспольской фабрики отбиваются что есть силы от скверного сырья. Но сплошь и рядом по распоряжению сверху вынуждены брать его. И потом горько сетуют, что безупречное мастерство швейников пропадает зря из-за текстильщиков, химиков, поставляющих плохие нитки, пуговицы, отделочные материалы.

А если не брать? Если узаконить право лучших предприятий—пусть как форму поощрения — выбирать себе поставщиков?

— Нет! — категорически возражает министр легкой промышленности Молдавской ССР Г. М. Житнюк.— Куда же денут тогда свою продукцию «отстающие»?

А пускай думают. И сами предприятия. И те, кто их опекает. Тираспольская фабрика предъявила в прошлом году поставщикам 245 претензий (!) по поводу качества (сама фабрика получила всего две рекламации); в первом полугодии нынешнего года почти двести тысяч метров тканей переведены в пониженные сорта, предъявлено более чем на 24 тысячи рублей штрафных санкций. Почему же тираспольцы должны спасать тонущих в болоте отсталости?!

Тираспольская фабрика пользуется заслуженной славой. Но сами тираспольцы правильно говорят, что пора энергичнее двигаться дальше. От системы управления качеством в масштабе одного или нескольких предприятий к системе в масштабе отрасли, министерства... Чтобы принцип своей рубашки стал обязательным и естественным для всех, кому доверено ее шить.

■

Воскресенье. * Счастья молодоженам!

ЧИТАТЕЛИ О РОМАНЕ «БЕРЕГ»

«Пишите и печатайте больше таких произведений. Мы всегда с интересом их прочитаем. Большое вам русское спасибо, Юрий Бондарев!»

Таких проникновенных слов, как в письме В. Э. Савониной, читательницы из Павлодара, много в обширной огоньковской почте с откликами на новый роман Юрия Бондарева «Берег».

Ветеран войны, капитан запаса С. И. Кузнецов из Ленинграда пишет.

«С большим интересом читаю печатающийся в журнале «Огонек» роман «Берег». Он мне очень нравится. Мы с вами,— обращается тов. Кузнецов к Ю. Бондареву, — ровесники (я старше вас на три года, и мне пришлось в начале войны испить горькую чашу отступления, а затем совершить победное наступление, закончившееся разгромом врага на территории Германии). Читал роман и опять вспомнил окончание войны, руины городов, потоки беженцев, лавины танков на немецких магистралях, обсаженных деревьями, и застывшие в ужасе лица немцев. Очень хорошо вы пишете о русских солдатах, руки которых могли делать все: и окопы, и землянки, и печи, и мундштуки, и многое-многое другое, а вот разрушать было несвойственно природе советского солдата. Роман ставит перед читателями много проблем...»

Роман Юрия Бондарева «Берег», публиковавшийся в «Огоньке» в №№ 45—50 за 1974 год и в №№ 12—20, 22—28 за 1975 год (роман «Берег» одновременно печатался также и в журнале «Наш современник» — №№ 3—5 за 1975 год), затронул мысли и чувства самых широких кругов читателей. И это не удивительно. Увидевший свет в год 30-летия Победы советского народа над фашизмом, роман «Берег» приковал внимание не только своеобразным, точным раскрытием военной темы.

«Увлекает глубокое философское содержание романа,— пишет белорусский читатель Владимир Емельянович Самсонов,— то, что он дает ответ или заставляет читателя поразмышлять над такими извечными вопросами, как: что такое истина, в чем смысл жизни, что важно и неважно в нашей жизни.

...Писатель,— продолжает автор письма,— зовет всех нас к добру и прозрению, к простоте человеческих отношений под звездным небом, клеймит крокодилово умиление, ту «искренность», лицемерную, низменную, которая убивает все. А для этого людям нужны взаимное доверие и откровенный диалог, взаимопонимание, а не разные домыслы и подозрения».

И дальше В. Е. Самсонов обращает внимание еще на один аспект новой книги Ю. Бондарева:

«Нельзя забыть следующие слова Лиды: «Ну, отдай мне свою боль, мой родной, если можно, отдай». Вот это обращение, призыв: взять чужую боль — поистине новое слово в нашей современной советской литературе... Прав Юрий Бондарев, что в этом и есть самое человеческое, самое главное, что живет где-то в нас».

Глубина писательских раздумий, раскованность взгляда Юрия Бондарева на жизнь, гуманистический пафос романа «Берег» подчеркиваются в целом ряде читательских писем.

«Читаю роман Ю. Бондарева «Берег»,— сообщает тов. Лакова из Караганды.— Никогда раньше не писала в журнал, но сейчас не могу: хочется поделиться мыслями... Особенно трогает своей кристальной чистотой лейтенант Княжко. Глубоко нравственный, независимый в суждениях, Княжко внешне спокоен, сдержан, в душе горяч. Он боится фальши, грязи. Потрясает его смерть, и глубоко понятна скорбь Галины. Эта глава особенно удалась автору. Согласна с ней полностью, такого невозможно забыть — потерять горько. Противен своим цинизмом, двуличностью Меженин, а Гранатуров — позер, артист, ему трудно понять Никитина, Княжко, Галину, которые нравственно много выше его».

Особые струны затрагивает роман «Берег» в сердцах фронтовиков. Вот письмо старшего лейтенанта запаса Бориса Васильевича Захарова из села Починки, Горьковской области:

«В предпоследнем военном 1944 году я ушел на фронт 17-летним юношей. На всю жизнь запомнилась мне пора военной молодости, но до романа «Берег», прочитав десятки книг о войне, я никогда так сильно не переживал. Я не мог читать этот роман вслух своей матери — подводит голос, захлебывается в слезах от воспоминаний о днях окончания войны... Над романом Ю. Бондарева думают сейчас все оставшиеся в живых участники войны. Ведь люди, подобные героям романа, шли и сражались с нами рядом».

Как и некоторые другие наши читатели, Б. В. Захаров интересуется военной судьбой Юрия Бондарева, задает вопросы о его творчестве.

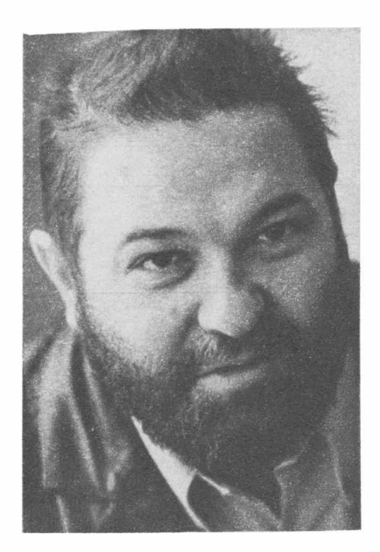
Юрий Васильевич Бондарев — участник Великой Отечественной войны. В 1942 году восемнадцатилетним юношей ушел он на фронт, прошел всю войну и закончил ее в Чехословакии. Лауреат Ленинской премии, известный советский писатель Юрий Бондарев — автор книг «Батальоны просят огня», «Последние залпы», «Тишина», «Горячий снег» и других. Он один из авторов сценария киноэпопеи «Освобождение».

Многие читатели отмечают «богатство языка, мастерство построения романа» Юрия Бондарева.

«Скажу прямо, — пишет С. Д. Голушко, инженер-технолог из Краматорска Донецкой области, — давно не испытывал я такого большого эстетического наслаждения — в романе все правда, великая правда искусства».

Слова читательской признательности и радости от встречи с подлинным произведением искусства хочется завершить письмом жительницы Кисловодска Галины Александровны Карпенко, обращенным к писателю:

«Я читала в «Огоньке» ваш роман «Берег» и хочу написать, что давно не читала я такой глубокой вещи. Когда я закончила последнюю главу, я несколько дней находилась под впечатлением от прочитанного. Мне казалось, что описанное когда-то происходило со мной. Вы сумели заставить прочувствовать все до глубины души. Я благодарна вам».

Юлиан **СЕМЕНОВ**

Третья карта

РОМАН

Рисунки П. **ПИНКИСЕВИЧА**

ГАННА ПРОКОПЧУК (1)

Женщина медленно шла по городу, который теперь был другим, несмотря на то, что попрежнему синяя дымка стояла над Монмартром и сияли на жарком июньском солнце купола храма, и речь горожан, как и раньше («боже мой, все ведь здесь было другим год назад, всего триста шестьдесят дней назад!»), казалась беззаботной из-за того, что французы умеют смеяться над своими слезами.

Женщина свернула в маленький парк Монс Элизе. Тяжелые балки солнечных лучей чернили пыльную листву платанов. Раньше здесь всегда слышался звонкий гомон детских голосов, и Ганна любила приходить сюда и сидела, закрыв глаза, и ей казалось, что сейчас, вот-вот сейчас на колени вспрыгнет Янек, обовьет ее шею своими теплыми руками, а затем подбежит младший, Никита, станет отталкивать Янека, сопеть курносым своим носиком и потом заплачет: если ему что-то не удавалось сразу, он всегда плакал так горько и безутешно, что сердце разрывалось.

Но сейчас в парке детей не было, и никто не прогуливал пуделей на зеленых газонах, и старушки с седыми волосами не сидели с вязаньем на острых коленях, и юноши не играли в свои странные металлические шары — таких игр никогда не было в ольше. Пусто было в парке и тихо, одно слово — оккупация...

«Только бы снова не думать об этом проклятом «зачем»,— испугалась Ганна.— Так можно сойти с ума. Да, я идиотка и последняя дура, да, поступила глупо, преступно, но нельзя все время думать об этом, нельзя постоянно казнить себя — тогда я лишусь сил и уж ничего не смогу сделать».

Ганна заплакала — потекли быстрые слезы, и она увидела себя со стороны, открыла сумочку, достала платок, высморкалась («Никитка так же сморкается — жалостливо»), посмотрела на покрасневшие веки в зеркальце, припудрилась, подвела ресницы и подставила лицо жаркому, маленькому, пепельному солнцу.

«Нельзя приходить туда с зареванным лицом,— сказала она себе.— Я должна выглядеть красивой. Чиновники помогают только привлекательным женщинам... Это архитектура помогла мне понять людские характеры,— удивилась своей мысли Ганна.— А ведь это так, действительно это так. Легкость и красота стекла, алюминия и бетона не просто облегчают конструкцию — они облегчают жизнь, потому что делают ее красивей. Корбюзье прав: архитектура — главный воспитатель человечества; если людей «обречь» на красоту вокруг них, они станут лучше, они не смогут поступать так, как поступают, когда живут в каменных казематах, где нельзя двигаться свободно, и видеть свое отражение, и чувствовать солнце, постоянно чувствовать солнце... Будь проклята эта моя архитектура и мои солнечные города — кому они нужны сейчас? Мне нужны мои маленькие, их сердитое сопение, когда они лезли ко мне на колени, отталкивая друг друга, мне нужно босое шлепанье их ножонок, когда они крались ко мне по утрам, высунув свои розовые языки от страха, счастья и напряжения, только бы не разбудить меня, и прыгнуть ко мне на кровать, и залезть под одеяло, и уткнуться своими курносыми носенками мне в уши, и замереть счастливо... Ой, сейчас я снова заплачу, а через полчаса надо быть там, а зареванной бабе обязательно откажут, и я сойду здесь с ума, в этом тихом, пустом и — теперь уже — чужом городе...»

Среди русских и украинских эмигрантов ходили слухи, что редактор «Парижского вестника» Богданович создает особый отдел, который будет помогать с пропусками, чтобы люди могли вернуться в те места, откуда их разметало за последние два года войны.

Ганна решила пойти к Богдановичу: хоть он русский, а не поляк, но все же он должен понять ее лучше, чем немец, да и язык немецкий она знает слабо; а французские чиновники лишены всякой силы — выполняют лишь то, что им предписывают оккупационные власти.

В редакции, которая помещалась на Ваграме, Ганну принял секретарь редакции Сургучев, участливо выслушал ее просьбу, попросил подождать в приемной, предложив почитать газету.

— Господин Богданович освободится через десять минут. Как это по-украински,— улыбнулся он,— будь ласка? Так, кажется? Будьте ласка, обождите его здесь.

Ганна поблагодарила его такой же, как у него, обязательной, воспитанной улыбкой и раскрыла газету. Машинально, наметанным глазом человека, который умел создавать формы, она отметила, как нелепо сверстаны полосы — полное нарушение пропорций. Она всегда чувствовала пропорцию и свет. Ее проекты получали первые призы на международных конкурсах архитекторов в Гааге и Париже, поэтому-то она и приехала в Париж из Варшавы, бросив Ладислава и мальчиков, из-за того, что Ладислав сказал ей тогда: «Или мы, или твоя работа»,— и нет ей прощения, потому что надо было согласиться с ним, и мальчики тогда были бы рядом, и ничего ей больше не нужно, только б чувствовать их подле себя. Ладислав мог не понимать ее, даже обязан был ее не понимать, ведь никогда еще и никто не мог по-настоящему понять друг друга: мужчина — женщину, женщина — мужчину, и ей надо было смириться с этим, а она решила тогда, что мальчики, повзрослев, поймут ее правоту, и вот теперь она должна сидеть в этой душной, маленькой приемной, и читать газету, которая сделана безвкусно, с нелепо громадным подвалом какого-то Монастырева о «великом идеологе национал-социализма, выдающемся трибуне и борце докторе Геббельсе», и стараться найти логику в статье полковника Карташова. Ганна стала читать шепотом, чтобы ей были понятнее русские слова — лишь произнесенное слово делается по-настоящему твоим. «Не дай вам бог сказать о поджигателях войны, что это масоны. Помилуйте, все наши «передовые» гг. Милюковы, Бунины и Осоргины начнут травить вас общественным презрением как мракобеса! Но мы не боимся этих кличек и заявляем, что войны нужны только большевикам, евреям и масонам, войну поджигают масоны, и ведут ее только одни они!»

— Госпожа Прокопчук?— Ганна услыхала за спиной негромкий голос.— Вы хотели видеть меня?

— Здравствуйте, господин Богданович. Благодарю за то, что у вас нашлось для меня время.

— По-русски вы не говорите? Я плохо понимаю вашу мову...

— Я не знаю мову,— резко ответила Ганна.— Я знаю украинский язык... Может быть, мы объяснимся по-польски?

— Нет, нет, ляхов я тоже не понимаю. Понемецки?

— По-французски, пожалуйста.

Богданович чуть поморщился:

— Ну что же, давайте по-французски. Что вас привело ко мне? Я в свое время читал о ваших солнечных городах... Вы ученица Корбюзье?

— Да.

— Рождены в России?

— Нет. Я родилась в Кракове, а потом жила в Варшаве.

— Варшава — русский город. Он входил в состав империи,— заметил Богданович.— Итак?

— В Кракове остались мои дети. Семья... Я бы просила вас помочь мне вернуться туда. Мальчикам нужна мать, особенно в такое тревожное время...

— Вы правы, вы правы, госпожа Прокопчук. Мать нужна детям всегда, а особенно в трудное время. По национальности вы...

— Украинка. Польская подданная.

— Ваш муж?

— Лесной инженер Ладислав Стахурский...

— Поляк?

— Да.

— А почему вы пришли к нам, госпожа Прокопчук?

— Мне казалось, что...

— Что вам казалось?— Богданович начал ставить вопросы быстро, словно он допрашивал женщину.— Что вам казалось?

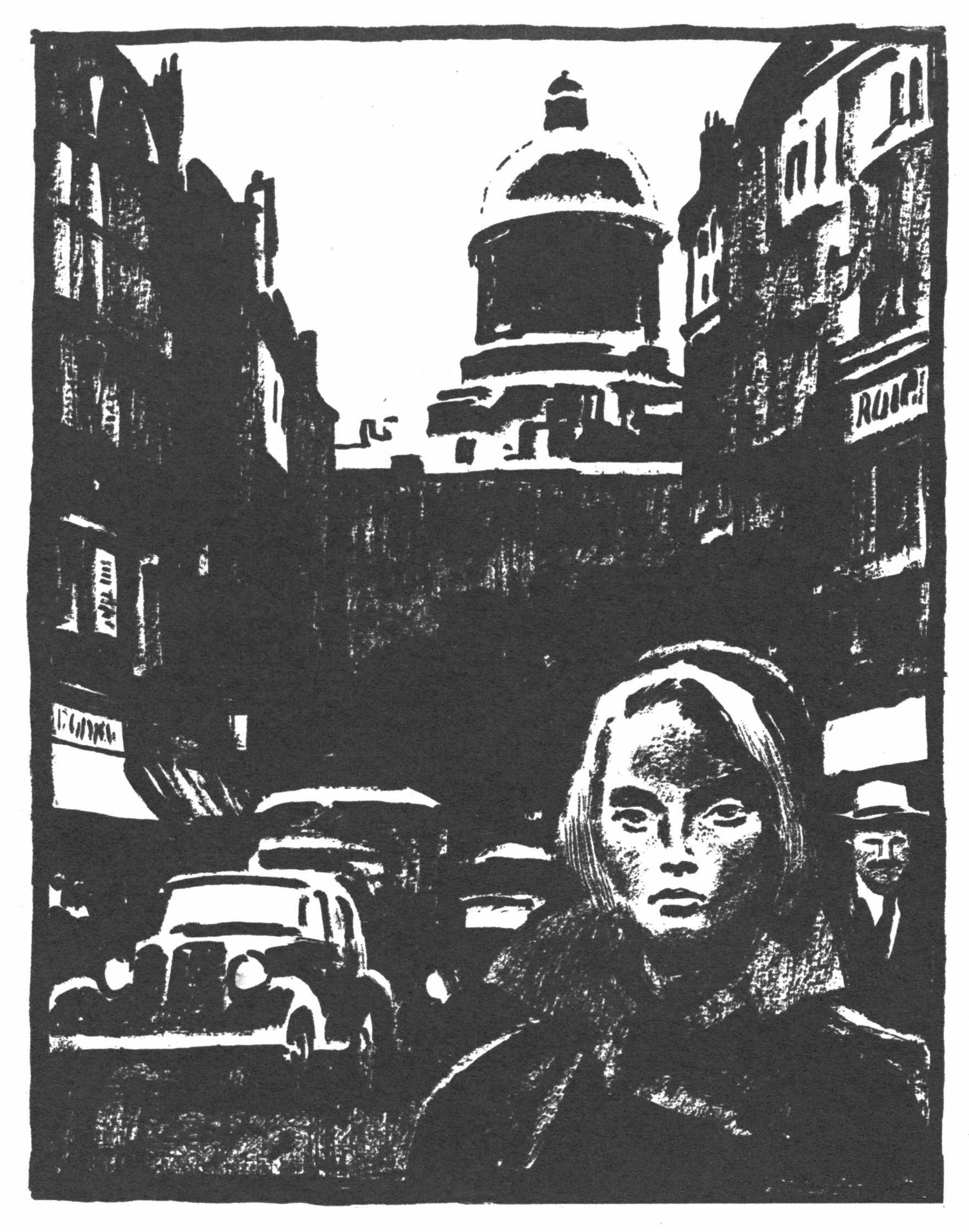
— Мне думалось, вы, как славянин, сумеете понять меня...

— Мы занимаемся русскими, госпожа Прокопчук. Только русскими. Если бы вы были русской подданной, мы бы завели на вас карточку и вошли в сношение с немецкими властями.

— К кому я могу обратиться, господин Богданович? Посоветуйте мне, пожалуйста...

— Когда мы обращались за помощью к украинцам, они не считали своим долгом помогать нам советом, госпожа Прокопчук.

— Я обращаюсь к вам как мать...

— В наш век, увы, следует разграничивать и это понятие.

— Матерь божия была одна,— сказала Ганна, чувствуя, что сейчас снова заплачет.— Разве можно в чем-либо винить матерей?

Богданович озлился, лицо его снова как-то неуловимо дрогнуло:

— Тех, которые оставляют своих детей, да. Ганна поднялась — резко, словно ее ударили.

— Мне казалось, что в газете работают интеллигентные люди.

— Вы не ошиблись. Интеллигентные люди имеют право и обязаны отстаивать свою точку зрения. Повторять общепризнанное — удел черни. У вас все?

— Да. У меня все. Я хочу сказать вам на прощание, что ваша черствость отомстит вам, господин Богданович.

— Мне отмщение, и аз воздам.— Богданович тоже поднялся, после того как цепко и ернически оглядел фигуру женщины.— Честь имею.

Ганна шла к выходу, чувствуя на спине, шее, ногах, на волосах, уложенных без этого омерзительного, ставшего модным перманента, неотрывный взгляд Богдановича.

«Сейчас он окликнет меня,— подумала женщина, взявшись за медную, холодную ручку, чересчур дорогую и вычурную на плохо окрашенной, потрескавшейся двери,— я знаю, что он сейчас скажет».

— Госпожа Прокопчук...— Богданович кашлянул негромко.

— Да,— ответила Ганна, не оборачиваясь.

— Вы можете оставить свой телефон. При случае я постараюсь обговорить ваш вопрос с немецкими властями.

Ганна медленно повернула голову, и взгляды их встретились.

— Я оставлю мой телефон представителю немецкой власти,— ответила Ганна,— мне не нужны посредники.

Богданович усмехнулся:

— Как знаете. Во всяком случае, принимая решение, они обратятся ко мне за консультацией.

— Так ведь я украинка...

— Как же, как же... Но украинского отдела в Париже нет, слава богу. Так что решайте. Мне, во всяком случае, было бы любопытно навестить вас.

...Два года назад, когда Ганна решила принять приглашение, пришедшее из Парижа, и уехала от Ладислава и мальчиков, муж сказал, что будет считать отъезд ее окончательным разрывом, и она устало согласилась с этим, потому что бесконечные ночные разговоры (попытки объяснить ему, что едет она не из-за прихоти и не потому, что ищет каких-то новых ощущений, а лишь по необходимости работать) до того утомили обоих, что стало ясно — прежнее, привычное, принадлежащее только им двоим кончилось, ушло безвозвратно.

В Париже она находила вначале счастье и спокойствие в творчестве: работала в огромной архитектурной мастерской,— и проекты ее вызывали восторг у коллег. С первого гонорара она отправила деньги в Краков и письмо Ладиславу — доброе, грустное, с просьбой приехать с мальчиками в Париж. Считала дни, рисуя их разными цветами. Она верила, что каждый день недели имеет свой особый цвет: суббота — это обязательно густая зелень, с проблесками легкой и яркой желтизны; среда — день перелома, предтеча субботы, резкие оранжевые линии; воскресенье — это грустный день для тех, кто работает, а не творит, и для Ганны это был самый плохой день, ибо он отрывал ее от постоянной увлеченности делом, и она еще не имела достаточно денег, чтобы снять себе мастерскую, оборудовать ее и работать по воскресеньям — тогда бы и этот день был зеленым, ведь нет ничего прекраснее зеленого цвета, потому что это весна, или июньское лето, и тишина, и пение птиц — не видных, но близких.

Через две недели, когда четырнадцать листов бумаги были закрашены ею в цвета счастливого ожидания, из Кракова возвратились деньги — без какого-либо объяснения. Тем же вечером она ужинала с коллегами и после уехала с Мишелем Шенуа к нему, в Иври. На рассвете она тихонько поднялась с кровати и попросила Мишеля не звонить до понедельника. Она поехала на телеграф и отправила телеграмму в Краков: «Если хочешь, я вернусь». Но и на эту телеграмму Ладислав не ответил. И тогда у Ганны началась странная, пустая, обреченная жизнь по ночам и счастливая, отрешенная, испепеляющая — днем, в мастерской.

Мишеля она больше видеть не хотела, потому что он был чем-то похож на Ладислава: такой же большой, нескладный, обидчивый — она боялась увлечься им; ведь если в браке прожито десять лет, тогда это накладывает отпечаток на все последующее: «Привычка — вторая натура».

Ганна хотела уйти от себя, от прежней Ганны, она хотела, чтобы разум ее освободился от постоянной тоски.

Она знала, что мужчин к ней влекла ее свобода поступка. Она видела, что здесь, у них в мастерской, женщины рассматривали мужчину как свое будущее, как гаранта своего, и это мужчин пугало, потому что люди жили какой-то шальной, странной жизнью, быстро влюблялись, так же быстро расставались с любовью или с тем, что любовью казалось, ибо ощущение тревоги было постоянным, и каждое утро — рассветное, серое, сумеречное, солнечное, счастливое, тяжкое,— любое утро было таким неизвестным, что будущее становилось явным, лишь когда чрезмерно бодрый диктор парижского радио начинал читать сводку последних известий — еще один день без войны.

А когда утром первого сентября Ганна подошла к приемнику, повернула белую кругляшечку и бодрый голос диктора сообщил, что сейчас Гитлер бомбит Варшаву, она странно посмотрела на человека, который лежал в ее кровати, курил, тяжело затягиваясь черным «галуазом», и спокойно, как о ком-то другом, подумала о себе: «Вот и пришло ко мне возмездие. Вот и остались Янек с Никиткой одни. А я дрянь. И все мои проекты — ерунда, потому что все уже давно шло к тому, чтобы разрушать, а не строить».

Она тогда сделала кофе, сама не пила, а смотрела на своего приятеля и на прощание сказала ему:

— Знаешь, у тебя уже нет лица. На меня смотрит череп.

В их архитектурной мастерской, однако, жизнь продолжалась такая же, как и прежде: сыпались заказы из Америки, Бразилии, Аргентины и Мексики; по вечерам мужчины (многие из них ждали призыва и уже загодя ходили в полувоенной форме — это было модным) разбирали женщин (которые теперь по-другому смотрели на них — война заставляет иначе любить тех, кто будет защищать тебя с оружием в руках) и разъезжались по кафе, которые были открыты так же, как и в августе, только на окнах появились черные шторы светомаскировки.

Ганна теперь никуда не ездила: все свободные часы и дни она просиживала в организациях Красного Креста, в американском консульстве, в японском посольстве, стараясь получить разрешение на въезд в Польшу, но нигде и никто не мог помочь ей или, быть может,

не хотел. А потом в швейцарском отделении Красного Креста молоденький, очень нервный и быстрый клерк маленького роста, с обезьяньим лицом, предложил Ганне поужинать, и тогда, добавил он, «мы поговорим о вашем деле более подробно».

Он увез ее к себе, и Ганна, с трудом скрывая отвращение, осталась у него, а через два дня, когда она пришла за пропуском, ей сказали в представительстве, что Пауль Фроман срочно уехал в Берн в связи с болезнью его ребенка и вернется, видимо, не раньше чем через три месяца.

«Кому же верить?— думала сейчас Ганна, вернувшись в пустой Монс Элизе.— Кого просить о помощи?»

Она вспомнила прыгающее лицо Богдановича, его быстрые пальцы, и чувство омерзения овладело ею.

«Да,— решила она,— надо идти к немцам. Больше не к кому. А если и они откажут, я пойду пешком на границу, я не знаю, что стану делать, но только я должна все время что-то делать, иначе я сойду с ума».

И впервые вдруг она разрешила себе услышать тот страшный вопрос, который родился в ней в день бомбежки Варшавы: «А что, если их уже нет, моих мальчиков? Что, если я осталась одна?»

И этот второй вопрос показался ей таким страшным, что она ощутила т я ж к у ю брезгливость к себе, как в ту первую ночь, когда поехала к Мишелю и легла в его широкую, холодную и скрипучую кровать с синим балдахином, наивно полагая, что отречение от прошлого принесет избавление в будущем. Можно отринуть любимого или врага — нельзя отвергнуть себя, и невозможно забыть прошлое.

В таинственной и непознанной перекрещиваемости человеческих судеб сокрыто одно из главных таинств мира.

...Отец Исаева — Штирлица, профессор права Петербургского университета Владимир Александрович Владимиров, уволенный за свободомыслие и близость к кругам социал-демократов, был женат на Олесе. Свадьба у них была особая, по обычаю ссыльных поселенцев Забайкалья — с чтением стихов Некрасова, Пушкина, Лермонтова и Шевченко. Олеся, дочь ссыльного украинского революционера Остапа Никитовича Прокопчука, пела протяжные гуцульские песни.

Там же, в Забайкалье, родился у них сын Всеволод.

Отбыв ссылку, Остап Никитович Прокопчук с сыном Тарасом вернулся на Украину, а потом, опасаясь нового ареста, переехал в Краков. Здесь, в Кракове, Тарас женился на голубоглазой, черноволосой Ванде Крушанской, и накануне войны родилась у него дочь Ганна.

Остап Никитович и Тарас написали в Петербург письмо, сообщая Владимиру Александровичу Владимирову, что у Всеволода появилась двоюродная сестра, но письмо это адресату доставлено не было, потому что Владимиров с сыном в это время был в швейцарской эмиграции.

А потом началась мировая война, свершилась революция, и тогда лишь двадцатилетний Всеволод Владимиров, не Максим Исаев еще, а уж тем более не Штирлиц, узнал от члена коллегии ВЧК Глеба Ивановича Бокия, что есть у него в Польше сестра Ганна, оставшаяся сиротой,— Остап Никитович погиб в пятнадцатом году, а сына его, Тараса, расстреляли в восемнадцатом. Найти девочку и привезти ее в Россию он не мог: режим Пилсудского зорко следил за восточными границами Речи Посполитой и никого в красную Совдепию не пускал, украинцев тем более.

Мать Исаева — Штирлица, Олеся Остаповна, умерла, когда мальчику было пять лет,— скоротечная чахотка в сибирской ссылке многих свела в могилу. Он помнил только теплые руки ее и мягкий украинский говор — тихий, певучий, нежный.

Глеб Иванович Бокий однажды пошутил:

— Плохой ты хохол, Владимиров, песен наших не знаешь.

— Я знаю,— ответил тогда Всеволод,— я помню две мамины песни, только мне слишком больно вспоминать их...

...А потом он перешел на нелегальное положение, и с двадцать второго года жил за кордоном, и не мог знать, что сейчас люди в таких же черных мундирах, которые носил он, готовили в Париже двоюродной сестре его Ганне Прокопчук участь страшную, но по тем временам типическую, ибо в раскладе национальной структуры гитлеризма понятие «славянство» было не расчленимо на составные части русского, украинского, белорусского, сербского или польского: речь шла о тотальном уничтожении культуры, семени и крови этого единого племени.

И если бы литератор или историк был вправе озадачить себя вопросом, мог ли в те дни, накануне самого страшного в истории человечества сражения, брат Ганны Прокопчук помочь ей — допустив на миг возможность такого рода помощи,— то ответ определенный никто дать бы не смог, поскольку подчиненность частного общему, как жестоко она ни проявляет себя, существует, и опровергать ее негуманно. В этом нет парадокса, ибо риск во имя сестры был бы отступничеством по отношению к ста пятидесяти миллионам сограждан, которым он, Штирлиц, служил по закону долга — не приказа.

Верховное главнокомандование вооруженных сил.	Ставка фюрера 3. 4. 41 г.
Штаб оперативного руководства Отдел обороны страны (оперативный отдел).	Сов. секретно. Только для командования.

№ 44428/41.

Содержание: Подготовка к операции «Барбаросса».

1. Время начала операции «Барбаросса» вследствие проведения операций на Балканах откладывается по меньшей мере на четыре недели.

2. Несмотря на перенос срока, приготовления и впредь должны маскироваться всеми возможными средствами и преподноситься войскам под видом мер для прикрытия тыла со стороны России.

. . . .

Начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Кейтель.

ПРЕАМБУЛА
(11 июня 1941 года, Берлин)

Когда слуга легким движением рук взял со стола пустые кофейные чашки и, ступая неслышно, вышел из каминной, адъютант Гейдриха, штандартенфюрер Риче подвинул Узнеру, начальнику отдела III-А шестого управления РСХА, карлсбадскую пепельницу, полюбовался диковинными гранями сине-красного тяжелого стекла и несколько удивленно заметил:

— Подумать только, в начале этой прозрачности — обычный песок. Впрочем, трибун начинается с беззащитного писка младенца, а у истоков красоты атлета — звериный вопль роженицы... Можете курить.

— Благодарю, штандартенфюрер.

— Так вот, я продолжу мое размышление вслух... Кампания на Востоке ставит перед нами совершенно новые задачи. Армия после побед во Франции, Норвегии и Югославии заняла исключительное положение в обществе — героев недавних боев наш гитлерюгенд знает теперь лучше, чем ветеранов движения. После того, как мы сокрушим большевизм, армия может оказаться самой серьезной силой в рейхе, сильнее СС, сильнее нас с вами. Поэтому задача, с моей точки зрения,— я хочу подчеркнуть: с моей точки зрения — будет заключаться в том, чтобы постепенно привести на ключевые посты в армии наших людей. Для этого мы должны быть готовы предпринять определенного рода шаги. Надо доказать обергруппенфюреру Гейдриху, который раним и доверчив, что ОКВ[1] проводит свою политику, особую политику, эгоистическую. Как это сделать? В главном бить нельзя, это несвоевременно сейчас, ибо нам предстоит война. Щелкнуть надо в мелочи — это выгоднее по целому ряду причин. Во-первых, это самый болезненный и самый неожиданный щелчок. Во-вторых, такого рода щелчок оставляет путь для компромисса, если в нем возникнет необходимость. Я предлагаю обсудить возможность нанесения нашего щелчка, используя группы оуновских[2] уголовников,— абвер давно работает с этими головорезами.

Они поняли друг друга без разъяснений: Риче хотел начать свое дело, чтобы выделиться. Приглашая к сотрудничеству Узнера, он и ему давал такую же возможность.

...Узнер побеседовал со своим помощником Айсманом тем же вечером.

Работоспособность Узнера была поистине фантастическая: он успел цепко просмотреть справки по оуновской агентуре, отделил все ненужное и углубился в изучение досье на трех националистических лидеров — гетмана Скоропадского, Андрея Мельника и Степана Бандеру. Потом он пробежал материалы, собранные на их ближайших сотрудников, друзей и доверенных лиц, которые зарекомендовали себя как надежные и ловкие агенты гестапо, неоднократно проверявшиеся отделом Мюллера. После того, как Узнер понял, «кто есть кто», и прикинул комбинацию, в которой этим «кто» отводилась роль слепых исполнителей, он записался на прием к Шелленбергу.

Выслушав Узнера, бригадефюрер Шелленберг сказал задумчиво:

— Украина исчезнет с карты мира. Национализм славян с точки зрения нашей расовой теории — это бумажный носовой платок, который, использовав, выбрасывают. Конечно, сейчас следует соблюдать такт и позволять ОУН надеяться на создание государства. Но вы-то прекрасно понимаете, что вне славянского мира Украина существовать не может, а великая идея фюрера предполагает исчезновение славянства с карты мира... Но играть сейчас на этом периоде, использовать их мы обязаны — смешно отказаться от услуг ассенизаторов. Мелюзга — они очарованы великим.

Закурив, Шелленберг откинулся в кресле.

— Это все,— закончил он, не отдав приказа, и быстрая улыбка мелькнула на его тонких губах, казавшихся сломанными из-за постоянной печати сарказма, таившейся в них.

Той же ночью адъютант Гейдриха пригласил к себе помощника шефа гестапо Мюллера.

Помощник Мюллера, в свою очередь, вызвал из Кракова оберштурмбаннфюрера Дица и поручил ему практическую реализацию приказа.

А Шелленберг вызвал Штирлица. Через несколько минут секретарь доложил бригадефюреру, что Штирлица в РСХА уже нет, но и домой, в Бабельсберг, он еще не приехал.

— Позаботьтесь,— сказал Шелленберг,— чтобы в понедельник он был у меня ровно в девять часов.

СТАРЧЕСКИЕ ЗАБОТЫ
(13 июня 1941 года, Берлин)

— Политик вроде писателя,— прокашлял Скоропадский, посмотрев на телефонный аппарат с ненавистью.— Это ты потом поймешь, как повзрослеешь, сейчас еще рано. Тебе сорок, а в эти годы только гений становится истинным писателем. Тебе еще жить да жить, пока разумом дойдешь до того, что гению открыто с рождения.

Омельченко согласно кивнул, но глаз от телефонного аппарата не отрывал — настаивал, сукин сын, чтобы гетман позвонил секретарю Геринга еще раз. Ни вчера, ни позавчера старика с этим оберстом люфтваффе не соединили: «Энтшульдиген, майн герр, занят». Секретарь — он и есть секретарь: змей, нелюдь, одним словом.

— А что ж ты не спрашиваешь меня?— внезапно рассердился Скоропадский.— Чего не пытаешь: почему, мол, похожи писатель с политиком? Только вроде тарана я вам всем нужен, как генерал на свадьбе...

— Гетман, зря вы гневаетесь, право слово — время дорого.

— А я про что думал, когда начинал разговор? Не об этом, что ль? Об том же, милый. Я вон свои фотографии посмотрел, когда мо-

[1] ОКВ — Верховное командование вермахта.

[2] ОУН — Организация украинских националистов.

лодой был,— мурло и есть мурло. Ей-ей. Хавало. Ле пти кабан. А время эк пообтерло! Время и враги. Сейчас гляжу на себя и диву даюсь: благообразен до неприличия. Горилку пить нельзя, дамы интересуют только в роли массажисток, вот и остается одно — думать. А разве у писателя не так же? Если какой выживет до старости, тогда только и станет делу служить, а не себе самому.— Гетман приблизил свое породистое лицо, выбритое до кремового глянца, к Омельченко и неожиданно перешел на хриплый шепот:— А геринговский секретарь молод. Молодой он, на него надежды нет, ему еще конец не видится. А каково мне унижения терпеть от него? Мне, Скоропадскому?! Раньше-то, знаешь...

Скоропадский оборвал себя, потому что он хотел сказать о старом канцлере, о Гинденбурге, который принимал его и завещал внимание к гетману, рассчитывая впоследствии использовать, и бонзы Геринга поначалу бывали в доме Скоропадского, но потом, чем больше побед одерживал рейх, тем надменнее делались оберсты и генералы, тем снисходительнее они были к гетману. Сначала Скоропадский думал, что это неосознанно в них, но потом ему показалось, что именно таким образом все эти мальчики в погонах хотят провести границу, перейти которую невозможно, ибо снисходительность пострашнее вражды и любой интриги, поскольку в ней обиднее всего сокрыто понимание твоей ненужности.

Вчера, после очередного звонка в приемную рейхсмаршала, Скоропадский неожиданно похолодел, испытав острый приступ ужаса. Он точно разделял свои чувствования: страх он познал в молодости, он теперь ничего уж не боялся — годы не те; страшатся только молодые и несостоявшиеся. Ужас — это категория другая, старческая, в ней есть нечто от бездны, от безответности: «Помру, а что потом? Тьма и безмолвие?» Именно размышления о конце, который неумолимо приближался, были связаны в представлении Скоропадского с ужасом. Он вчера не сразу понял, отчего холодный ужас родился в нем, но потом, поняв, трясущимся пальцем («Завтра же к невропатологу,— машинально решил он,— в старости безо всего можно жить, только без здоровья нельзя») набрал номер Канариса и попросил аудиенции. Тот справился о здоровье, поинтересовался, по-прежнему ли гетман выдерживает пять сетов на корте, но принять старика отказался, сославшись на чрезмерную занятость и предстоявший вскоре вылет «по делам».

Скоропадский долго сидел у аппарата с закрытыми глазами, а потом вызвал машину и поехал в РСХА. После двух часов унизительного ожидания его принял Шелленберг.

— Генерал, бога ради, откройте правду,— попросил Скоропадский, отказавшись от предложенного кофе.— Данила поехал по Европе с вашей санкции?

— Мы не даем санкций,— улыбнулся Шелленберг.— Мы даем рекомендации. Санкции дает аппарат партии.

Скоропадский испытал жалость к себе, ощутив (а особенно остро ощущают только безвозвратно утерянное) молодость этого самого юного, тридцатилетнего генерала СС, и свою одинокую старость, и свою былую молодость, которая всегда жестока к старикам,— и смежил веки, словно бы не удержав налитой их тяжести.

— Вы в ссоре с сыном,— скорее утверждающе, чем спрашивая, сказал Шелленберг.— Иначе Данила, как добрый сын, успокоил бы вас: он поехал, учитывая интересы не только вашего националистического движения, но и тех, кто вас традиционно поддерживает.

«Значит, не всегда жестока молодость,— облегченно вздохнул Скоропадский,— зря я так о нем сразу. Понял отца, успокоил».

Вчерашний ужас он испытал оттого, что, получив вторичный отказ от секретаря Геринга, подумал: а вдруг сын Данила, разругавшийся почти со всеми прежними друзьями, решил поменять курс? Зря в Лондон, Мадрид и Вашингтон не собираются... Такое не скроешь, да и «друзья» не дадут скрыть: всякие там Красновы, Бискупские, Граббе не преминули бы немедленно простучать по знакомым адресам. Они все от зависти стаканы грызут, им всем приходится просить у здешней власти, и лишь он, гетман, ничего ни у кого поначалу не просил, потому что вывез после революции из Киева икон, золота и картин музейных на три миллиона марок. «Я борец за белую идею,— часто говаривал он,— а те — наймиты, те — служат!»

«Что ж я себе-то эдак лгу?» — изумленно подумал Скоропадский, вспомнив давние свои слова, и изумился этой неожиданной мысли; а может быть, не столько он мысли этой изумился, сколько тому, что поймал себя на лжи: раньше он жил отдельно от лжи, пропуская ее мимо, не фиксируя на ней внимания, принимая ложь как некую объяснимую и понятную необходимость; и лишь сейчас, испытав ужас, а после облегчение, и легкость, и слезливую любовь к бешеному норовом сыну, он понял, что все эти долгие годы, с девятнадцатого, когда ему еще и пятидесяти не было, до нынешнего, когда стукнул восьмой уже десяток, он постоянно лгал себе, осознанно лгал. Он понял, что чаще всего эта мысль о лжи приходила к нему на теннисном корте, на охоте или утром, после ночи, проведенной с какой-нибудь здешней аристократкой. Но тогда он пропускал эту мысль мимо, потому что днем начинались дела: он консультировал гестапо, помогал абверу, проектировал для Розенберга, выступал на антикоммунистических митингах, он был «гетманом самостийной Украины, попранной большевиками». Однако по прошествии нескольких лет, а особенно когда погиб Петлюра (и он ощутил мстительную радость и устрашился этой своей радости, ибо погиб не просто враг его личный, а все же союзник против Советов, и он понял всю мелкость своей мстительной радости, и это испугало его и потрясло), он вдруг признался себе, что никакой он не гетман и что гетманство его зависит от тех, кому это выгодно в Европе, и определяется расстановкой сил в здешних парламентах, рассматривающих его как фишку, которую можно двигать как хочешь, а нет нужды — сбросить на пол.

(Царский генерал, говоривший по-украински с акцентом, Скоропадский, представляя интересы украинских магнатов-землевладельцев, использовался поначалу петербургским двором как некая декоративная фигура от помещичье-кулацкой Малороссии; он понимал это и не претендовал на свою линию — он исполнял то, что ему предписывали сверху. Однако здесь, в эмиграции, он с первых дней подчеркивал свою гетманскую особость и негодовал на себя, багровея, когда забывался, и начинал в кругу друзей говорить по-русски: Берлину нужна была, как некогда Санкт-Петербургу, сановитая «украинская» фигура— выскочки от политики нуждаются в титулованных, это льстит их самолюбию.)

Скоропадский запрещал себе думать про то, что он, именно он, гетман Скоропадский, виновен в гибели Петлюры. Он-то знал, как все делается. Он тому еврею, который Симона пристрелил, нагана в руки не совал, в глаза его не видел, а попался б в доброе время — запорол нагайками. Нет, убил он Петлюру иначе, убил, разрешив печатать про него правду; разрешил, рассказав о зверствах Петлюры в том кругу, откуда идут каналы к прессе. Он бы мог защитить Петлюру в прессе — какникак гетман должен быть выше всех доброго, должен уметь прощать,— но он хранил молчание, а когда разные юркие говорили, что Петлюра позорит самостийное движение, Скоропадский не возражал, как следовало бы, а вздыхал и сокрушенно разводил руками.

Впервые после долгих лет мстительной радости Скоропадский испуганно подумал слитно о себе, о Петлюре, сгнившем уже в жирной и сырой парижской земле, о своих немецких хозяевах и покровителях. Когда-то Гитлер, Гиммлер и Геринг расстреляли своих ближайших друзей — Эрнста Рэма и Штрассера, а адъютант Рэма дневал и ночевал у Скоропадского, и гетман гордился этой дружбой. Узнав о расстреле Рэма, гетман, хватив для храбрости стопку водки, отправился к секретарю рейхсмаршала.

Тот сказал сухо. подчеркнуто сухо:

— Борьба есть борьба.

А давеча, у Шелленберга, когда ужас ушел, но появилась гнетущая усталость, Скоропадский потерял контроль над собой, сказав:

— Я решил было, что помощник рейхсмаршала не хочет говорить со мной из-за Данилы,— два раза к нему звонил. Я было подумал, что Данила решил в самостоятельность поиграть...

— Ну, мы бы ему этого не посоветовали,— заметил Шелленберг и добавил, ожесточившись чему-то:— Не дали бы мы ему, гетман. Так что спокойно звоните секретарю рейхсмаршала: у нас сейчас много дел, поэтому вам приходится так долго ждать.

«Что ж ты мне о делах правду не говоришь, милый?— подумал Скоропадский.— Об этих ваших делах Бандера с Мельником знают, а гетман вроде бы лишний?!»

...Омельченко снова посмотрел на телефонный аппарат, и Скоропадский послушно набрал номер, опять-таки объяснив себе, что сделал он это, вспомнив вчерашние слова Шелленберга о «делах». Он подумал, что все человеческие деяния и мысли подобны той игрушке из теста, что пекли в доме деда на сочельник для детей,— нанизанные на палочку кружочки из сдобного теста.

«Все одно за другое цепляется, одно другим порождается,— подумал гетман,— потому в монахи и уходят, что устают от пустой суеты. Когда один, и стены белые, и общение с другими — в молитве или за молчаливой трапезой,— тогда только и будет спокойствие и мысль».

— Здесь гетман Скоропадский,— сказал он, откашлявшись в трубку и досадуя на себя за это: грохочет ведь в ухе маршальского секретаря.

— Я помню о вас,— ответил секретарь иным, как показалось Скоропадскому, голосом.— Я приму вас завтра в девять часов вечера в Каринхалле.

«Вот ведь как машина у них работает,— враз забыв вчерашнее, свои обиды и страхи, подумал Скоропадский.— Шелленберг — Гиммлеру, тот — Герингу, вот и у секретаря мед в голосе».

Будучи человеком маленьким, Скоропадский ошибался, поскольку в своих умопостроениях он исходил из преклонения перед большим. Являясь хоть именитым, но эмигрантом, он не мог понять структуру государства, предоставившего ему убежище, и относился к этому государству как к некоему фетишу, абсолюту. Шелленберг ни о чем не говорил с Гиммлером, ибо не имел права информировать рейхсфюрера до тех пор, пока не посетит своего непосредственного шефа, руководителя РСХА Гейдриха. Гиммлер, следовательно, не мог беседовать о Скоропадском с рейхсмаршалом да и не знал его имени толком: слишком мал и незаметен для него был этот эмигрант в эполетах.

Все было и сложнее и проще. Ведомства Геринга, отвечавшие в предстоящей кампании не только за авиацию, но и за экономику рейха, внимательно анализировали разногласия, возникшие между аппаратом Розенберга, уже утвержденным рейхсминистром Восточных территорий, офицерами Гиммлера, которым фюрер отдал всю полицейскую власть в будущих имперских колониях, и канцеляристами Бормана, которые имели право назначать партийных гауляйтеров на «новых землях».

До вчерашнего дня Скоропадский не интересовал ведомство Геринга: как никто другой, помощник Геринга знал позицию своего шефа — ни о каких вассальных славянских государствах не может быть и речи. В то же время разведке люфтваффе было известно, что абвер тренирует особый батальон «Нахтигаль», составленный из оуновцев. Канариса в этом поддерживали чиновники Розенберга. РСХА, Гейдрих, наоборот, считал эту затею ненужной: зачем «мараться с недочеловеками»? Помощник Геринга поэтому решил пригласить Скоропадского для беседы — какойникакой, а все же украинец. Люфтваффе нужно было принять решение для того, чтобы занять позицию, единственно верную в глазах фюрера. Насколько полезной эта позиция могла стать для интересов рейха, его, как, впрочем, всех в гитлеровском государстве, не очень-то заботило: нацистский режим предполагал примат персональной преданности фюреру и его идеям — все остальное вторично.

Продолжение следует.

НОВЫЕ СТ

Роберт
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

АВТОМОБИЛЬНОЕ КЛАДБИЩЕ ПОД ВАШИНГТОНОМ

Поле затяжной войны.
Смешанный с песком
бензин.
Скрученные табуны
мертвых
лошадиных сил.
Бурей разметенный лес
в надвигающейся тьме.
Это символ твой,
прогресс?
Или
памятник чуме?
Той, которая парадно
завораживает дали.
Сквозь стальные зубы века
хлещет посвист:
«Р-р-разойдись!..»
Продолженье рук — баранка,
продолженье ног — педали,
и упругое сиденье —
продолженье ягодиц!
Свет безумья
на челе.
Колыхание жары.
И —
на ветровом стекле —
кляксы
бывшей
мошкары.
Жадный зов,
пьянящий зов
расстояний,
а потом —
только скрежет тормозов!
Только —
брызги на бетон!..

Киса,
стюардесса компании ПАНАМ,
кто ж тебя из города
за полночь погнал?
Как это он держится
на одном крыле,
твой никелированный
синий «шевроле»?

Это — кладбище машин.
Как огромная постель.
Змеи
вырванных пружин.
Свалка
бывших скоростей.
Двести
сомкнутых рядов.
Свой порядок.
Свой ранжир.
Это —
кладбище машин.
Кладбище,
где нет цветов...

Бывший подарок
бывшему сыну —
«Альфа-Ромео»!
Ах, как создание это
на поворотах ревело!
Реяло,
радовало,
растворяло,
рушило в Лету...
...Альфа-Ромео
больше не встретит
Альфа-Джульетту...

Можно подойти,
проверить.
Тронуть ржавые ремни...
Это
выставка трофеев.
Непонятно,
чьи они...
Может,
зря мы так спешим,
зря несемся каждый день
мимо кладбища
машин.
Мимо кладбища
людей.

●

Время,
когда мы на ощупь растем,
немилосердно...
Помню:
хотел развести я костер
в собственном сердце.
Я его запросто соорудил,
наспех построил.
Твердо решив,
что погреюсь один.
Без посторонних...
Я же не думал,
не знал одного,
что — по примете —
пламя не гаснет,
когда за него
двое
в ответе.
Я же не знал,
что в крутом ноябре
где-то,
когда-то
сам я сгорю
в настоящем костре
весь.
Без остатка.
Все это вовремя будет
и в срок...
Ну, а покуда
я, торопясь,
раздувал костерок,
веруя в чудо.
Я раздувал его эдак и так
ночью печальной.
Было желанье мое
не в ладах
с пламенем чахлым.
Вроде бы я для костра не жалел
силы,
да только
этот костер невеликий
горел
очень недолго...

Вот.
А потом наступила пора —
как ни старался, —
в сердце моем
от былого костра
след оставался.
След
от придуманного огня.
Круглый,
как слово...
Долго еще
по ночам у меня
в сердце кололо.

●

Кромсаем лед,
меняем рек теченье,
твердим о том, что дел невпроворот...
Но мы еще придем
просить прощенья
у этих рек,
барханов
и болот.
У самого гигантского восхода,
у самого мельчайшего малька...

Пока об этом
думать неохота,
сейчас нам не до этого
пока.
Аэродромы,
пирсы
и перроны,
леса без птиц,
и земли без воды...
Все меньше —
окружающей природы.
Все больше —
окружающей среды.

●

Не кончающие жить,
продолжающие в рифму
радоваться
и тужить,
слову доверять
и ритму,
не стыдящиеся слез,
как бы
время
ни качало,
с первых выдохов,
с начала
начали мы
жить всерьез!..
Не считали,
сатанея
от лирических рулад:
«Вырасту и поумнею...
Мир
поверит
в мой талант...»
Да не сбудется гаданье!
Да исполнится закон:
молодой дурак
с годами
станет
старым дураком!
Непременно.
Неизбежно.
Здесь пути другого нет.

ИХИ

Станет
молодая бездарь
бездарью
преклонных лет!
Неизбежно.
Непременно...
Как в начале,
неспроста,
пусть нам будет
высшей мерой
отсвет
белого листа.
Пусть его квадратик
мудрый
будет
на ветру шальном
нам и впредь
нежданной мукой
и распахнутым окном.
Вглядываясь в окна эти,
зябко перьями скрипя,
нам и впредь
во всех на свете
находить
самих себя...
Оглушая криком дом,
знаем в праздники и в будни:
нет
в поэзии
«потом».
Ничего «потом»
не будет!..
Не кончающие жить,
доверяющие ритму,
продолжающие в рифму
радоваться
и тужить,
мы —
почти наверняка,
вопреки любой печали —
верим,
что еще в начале
наша
главная строка.

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

До крайнего порога
вели его, спеша,
алтайская порода
и добрая душа...
Пожалуйста, ответьте,
прервав
хвалебный вой:
вы что,
узнав о смерти,
прочли его
впервой?!
Пожалуйста, скажите,
уняв
взыгравший пыл:
неужто он
при жизни
хоть в чем-то хуже
был?!.
Убийственно жестоки,
намеренно горьки
посмертные
восторги,
надгробные
дружки.
Столбы
словесной пыли
и фимиамный дым...

А где ж вы раньше
были,
когда он был
живым?

Г. СМЕТАНИНА

ФИНИФТЬ РОСТОВА ВЕЛИКОГО

В Ростове что ни шаг — история, а рядом — современность. Белокаменные стены кремля, зовущие к тишине, раздумью,— и неумолчный гул транспорта, снующего и на север — через Ярославль и на юг — к Москве. Низкий, приземистый гостиный двор — и современные в нем витрины магазинов.

...В Ростове все близко. Железнодорожный вокзал — два квартала тишины — и ты лицом к лицу с историей: кремль! И тут же центр, и в нем тоже тесно, как в Москве на Петровке. Рядом — дивное озеро, со странным, не расшифрованным лингвистами названием — Неро. Вдоль берега на приколе сотни лодок. Зимой от застывших фигур рыбаков здесь бывает кучно.

Приезжего тут чувствуют сразу — по замедленной походке, по удивлению, с каким он, немея, взирает на сказочную красоту зодчества, на исчезающие в больших городах резные наличники и лавочки у ворот...

Ростовчанин красоту эту вбирает с детства: в музеях, дома, на улицах. И в душе каждый, конечно, художник, лирик.

...По понедельникам и средам после работы Саша Алексеев ведет в городском Дворце пионеров студию финифти. Среди юных своих воспитанников выделяется он, пожалуй что, лишь рублевской бородкой, но она не столько придает ему солидности, сколько еще больше подчеркивает моложавость. Хрупкий, синеглазый, сосредоточенный, будто отрешенный от окружающего, с воспаленными, усталыми глазами — он так не похож на руководителя! Негромкий голос, мягкие движения. Время от времени подходит к мольбертам — смотрит, но замечания сразу не делает.

— Знаете, первое время, когда начинал студию, все хотелось подойти к каждому и скорей исправлять. А потом понял: этим буду только нервировать ребят... Сами они и на соседние работы поглядят и даже посоветуются друг с другом, сотрут, снова начнут. Лучше обсуждать работу к концу занятия... Обратили внимание — сейчас мы больше всего заняты рисунком, живописью, композицией. К такому решению я пришел, занимаясь с ребятами непосредственно финифтью. Все они по многу раз были на фабрике, показал им цеха, весь процесс, через который проходит изделие, прежде чем стать сувениром. А потом у каждого из них была возможность попробовать сделать самостоятельно какую-нибудь вещь. Увлеклись страшно. В студии толклись целыми днями, особенно в каникулы. Каждый ковал по своему вкусу пластинку. Сам наносил эмаль, обжигал, придумывал сюжет, переносил рисунок и смешивал краски. Разнообразие было интереснейшее — в манерах, темах, характерах. Выставляли эти ребячьи работы в витрине универмага, есть часть и в музее.

— А вы, Саша, без колебаний стали художником?

Саша смеется:

— Что вы! Даже и не думал об этом. Мы с двоюродным братом готовили себя в путешественники. Все детство провели на озере. Ездили на лодках к деду-мукомолу на ту сторону, бродили по лесу... А в девятом классе, уже весной, вдруг все переменилось: каждое утро я с нетерпением ждал, когда уйдут на работу родители, тогда спрячу тетради и... смогу рисовать тополь, который растет под окном. А потом несколько лет безуспешно поступал в художественное училище, срезался именно на рисунке. Отец был очень строг и говорил, что выбираю несерьезное дело. Но он же первый и помог — для диплома потребовалось двадцать семь метров холста. Но даже в училище были колебания: когда уж перешел на третий курс, совсем было решил бросить живопись — хотел поступать в Гнесинское училище.

Мы разговариваем с Сашей, пока студийцы занимаются. Во время перерыва школьник Леня Паутов спрашивает у меня:

— Вы еще не видели Сашиных альбомов с эмалями?! Колоссальная работа!..

Позже Саша показал мне эти эмали. Пришитые к страницам потрескавшиеся пластинки, нанесенные на них краски, описание условий опыта, добавки, время, температура обжига. И, наконец, только номера и перечисление условий. Сотни опытов.

— Потом я и записывать перестал, все варьировал, варьировал. Я всегда терпеть не мог химию. Казалась мне сухой, отвлеченной наукой. А когда занялся эмалями, понял, что для меня это главное, интереснейшее занятие. Уже совершенно осмысленно штудировал целые тома. Решил, что во время отпуска еще глубже займусь ею. Вот и ребята увлеклись опытами. А эмаль нужную нашел: это близкая к номеру шестнадцатому. Видите, какой на ней мягкий, глубокий рисунок. Конечно, это не моя заслуга. Оказалось, что подобная есть на Дулевском заводе. Я туда ездил в командировку, среди их коллекций тоже искал подходящую для нашего производства. Сейчас мы почти полностью перешли на этот тип эмалей.

Саша сам не рассказал, узнала я от товарищей его: из мастерской он не выходил чуть ли не сутками.

Поиск — наверное, главное, чем сейчас отличается творчество мастеров «Ростовской финифти». И Саша Алексеев не единственный, кто пытается сделать сувениры Ростова созвучными сегодняшнему дню.

Художественный совет, главный художник Геннадий Иванович Суровцев и самые авторитетные мастера из всех цехов,— весьма взыскательный судья пробных изделий. Создан и экспериментальный цех. Правда, пока еще его представляют всего два человека: тот же Саша Алексеев и Валентина Васильевна Солдатова. Но свойственные им художественный вкус, чувство меры, строгость общепризнаны на фабрике. Саша занят больше живописью и эмалями, а Валентина Васильевна — тончайший ювелир с более чем тридцатилетним стажем. В ее руках живописная миниатюра получает ювелирное завершение. Ей пришла мысль обрамлять готовые плашечки сканью — тончайшими кручеными серебряными нитями. Это филигранная работа, требующая фантазии, терпения и, конечно, вкуса. Ювелирные коробочки со сканными орнаментами, броши, подвески, серьги, кольца, миниатюрные фигуры: русский витязь в полном боевом облачении — со щитом, в кольчуге; матрешка-молодушка в старинном сарафане. Какие только сувениры не выходили из рук Валентины Васильевны!

Валентина Васильевна ищет интересное ювелирное решение не только для своих работ. На выставке в Монреале была «семейная» работа — совместное творчество Валентины Васильевны и Ивана Ивановича Солдатовых.

Много прекрасных произведений создал живописец Николай Александрович Куландин. Краски его жизнерадостны, нарядны, и эти работы всегда выделишь среди других. Эпизоды из истории Ростова, известные по летописям и былинам, стали сюжетом его миниатюр и панно. Таков триптих «Ростовские звоны», «Князь Василько в стане врагов», «Былина», «Чаепитие». Куландин — признанный мастер и миниатюрного портрета.

В последние годы на фабрике подобралось много крепких мастеров. Это молодежь, окончившая Калининское и Федоскинское училища. Для нее характерно стремление обогатить миниатюру и в цвете и в жанрах. Молодые ищут новое, создают оригинальные вещи, пытаясь разрабатывать сувенир от сюжета до обрамления.

И если вы увидите на ком-нибудь оригинальное украшение из финифти — вспомните, что родилось оно в Ростове Великом.

Похищение

Евгений ДУБРОВИН

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА

В этот знаменательный день я все-таки прорвался в кабинет бабушки без очереди. Бабушка подписывала какие-то бумаги. Поэтому я сразу перешел к сути дела.

— У меня на той неделе ответственные соревнования,— сказал я.

— Будь осторожней,— заметила бабушка, продолжая подписывать бумаги.— Не сломай себе чего-нибудь.

— Думаю заработать первый разряд,— сказал я.

— Не рискуй зря,— посоветовала бабушка. Она хотела дать еще какой-то совет, но тут зазвонили сразу два телефона.

— Я разговариваю по другому телефону,— сказала бабушка в одну трубку.

— У меня на линии междугородная,— рыкнула она в другую.

— Переходи к сути,— сказала бабушка мне.

— У Веры...— начал я торопливо, косясь на третий телефон.— На носу...

И тут, конечно же, зазвонил третий телефон.

— Я занята. У меня совещание,— сказала бабушка третьему телефону.

— Надеюсь, ничего страшного,— сказала бабушка мне.— Надо делать примочки.

— У Веры на носу защита диплома,— выпалил я единым духом, так как в любой момент мог снова заработать какой-нибудь из телефонов.

Бабушка сразу перестала подписывать бумаги. У нее сделался проницательный вид.

— Рис? — быстро спросила бабушка.

— Да,— быстро ответил я.

— На неделю?

— Больше...

Бабушка уставилась на меня.

— Кукушки!— произнесла она.

— Такова участь всех бабушек,— попробовал пофилософствовать я.

— Ничего не выйдет! У меня конец квартала, потом актив и совещание. До свидания!

Мне ничего не оставалось, как уйти.

Но тут меня неожиданно включили в сборную города, и через день я должен уже быть в Ростове-на-Дону. Маму же, как назло, вызвали к декану и предложили в наикратчайший срок представить дипломный проект. Вопрос о Рисе встал со всей остротой.

Два дня мы с мамой ругались, мирились, но все-таки ничего придумать не могли. И тогда я вспомнил произнесенное бабушкой слово «кукушки». Ах, кукушки...

Конечно, нам было несравненно труднее, чем кукушке.

Однако за три минуты до бабушкиного приезда Рис в коляске был вознесен на третий этаж. Я едва успел забежать за угол, как появилась бабушка и бодрой походкой вошла в подъезд. Вскоре бабушка появилась снова. Но теперь у бабушки не было бодрой походки. У нее вообще ничего не осталось от начальственного вида. Бабушка стала растерянно озираться, как самая обыкновенная бабушка. Не обнаружив меня, бабушка неуверенно потопталась и неожиданно проворно побежала в расположенный рядом магазин «Молоко».

В коляске я оставил письмо, где объяснял, почему мы последовали кукушкиному примеру, и просил у бабушки прощения за этот террористический акт.

В этот же день я уехал на сборы, а мама отправилась в деревню к своей двоюродной сестре, чтобы как следует поработать над дипломным проектом. Когда я вернулся со сборов, а мама приехала из деревни, то бабушка уже ушла на пенсию, а Рис твердо считал, что его родила бабушка, и слышать не хотел о возвращении домой. Бабушка вроде бы его не поддерживала, но всегда находила массу причин, чтобы затянуть переезд Риса. Дедушка ходил в личине дипломата и лишь покашливал, но у меня были основания предполагать, что половину причин изобрел он.

В общем, Риса удалось вернуть лишь после того, как мы с мамой получили квартиру. Но дедушка с бабушкой находились в нашей квартире больше нас самих. Бабушка отлучалась лишь ненадолго, а вернувшись, находила много упущений в воспитании Риса и особенно в уходе за ним.

Бабушка была добрым и справедливым человеком. Если, конечно, дело не касалось Риса.

Иногда я размышлял, почему Рис имеет такую власть над бабушкой. Неужели это врожденный инстинкт всех бабушек — до самоотречения любить своих внуков? Но ведь далеко не все бабушки любят внуков, а даже и если любят, то не так неистово, как наша бабушка. Временами мне кажется, что Рис сознательно разжигает бабушкину любовь, как искусный истопник огонь в печке. Топливом служат бабушкины слабости.

— Бабушка у нас самая главная,— говорит Рис очень часто.— Бабушка захочет, позовет своих слесарей, и они отключат в нашей квартире и воду, и газ, и свет.

— За такие вещи полагается тюрьма,— объясняю я Рису.

— Ну и что? — отвечает Рис.— Она и в тюрьму слесарей позовет. Они там тоже все поотключают.

Рис ехидно смотрит на меня.

Надо отдать бабушке должное — она протестует против своего культа.

— Так нехорошо, внучек, говорить,— замечает бабушка.— Я не самая главная. Главные у нас в доме для тебя мама и папа, и их надо слушаться. А бабушка, она и есть бабушка.

Голос у бабушки неискренний.

— В самом деле,— говорит дедушка. Его слова звучат как-то некстати.

Бабушка подозрительно смотрит на дедушку. Дедушка смущенно умолкает и начинает шептать что-то на ухо Рису.

— Ты что ему шепчешь? — подозрительно спрашивает бабушка.

— Ничего не шепчу. Так просто...

— Ты ему что-то внушаешь. Я же вижу! Ты хочешь в его глазах казаться лучше, чем я! Я давно замечаю твои штучки! Ты все делаешь, хитрец, так, чтобы он тебя любил больше, чем меня!

— Я хитрец? — удивляется дедушка.— Как у тебя язык поворачивается!

Тут, пожалуй, надо сказать несколько слов о дедушке.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НАШЕМ ДЕДУШКЕ

Конечно, хитрец. Да еще какой. Взял да пригнал в наш двор свой огромный МАЗ-самосвал. Стоило лишь Рису заикнуться.

Дело в том, что Рису понадобилось запугать мальчишек из нашего двора. У него вышел какой-то там конфликт, кто-то пригрозил моему сыну расправой, и тогда тот решил показать силу.

И вот в нашем маленьком, обсаженном молодыми березками дворе стоит огромный МАЗ-самосвал, ревет и пускает сизые клубы. Рядом с МАЗом топчется дедушка.

Вихор на макушке Риса достает лишь до половины колеса МАЗа. Фигура моего сына выражает торжество. Рис тычет пальцем в дряхлое деревянное строение на другом конце двора, в котором живет его обидчик, и говорит:

— Деда, а ну двинь! Вон его окно! С кактусом.

Из-за кактуса выглядывает бледная, конопатая физиономия с оттопыренными ушами. Она делает Рису знаки, которые должны означать вечный мир и дружбу.

Но Рис неумолим.

— Деда, я кому сказал! Двинь!

Конопатое лицо за кактусом показывает какую-то игрушку в качестве отступного.

Рис великодушно машет рукой:

— Ладно уж! Пусть живет!

Дедушкин МАЗ сделал Риса владыкой нашего двора.

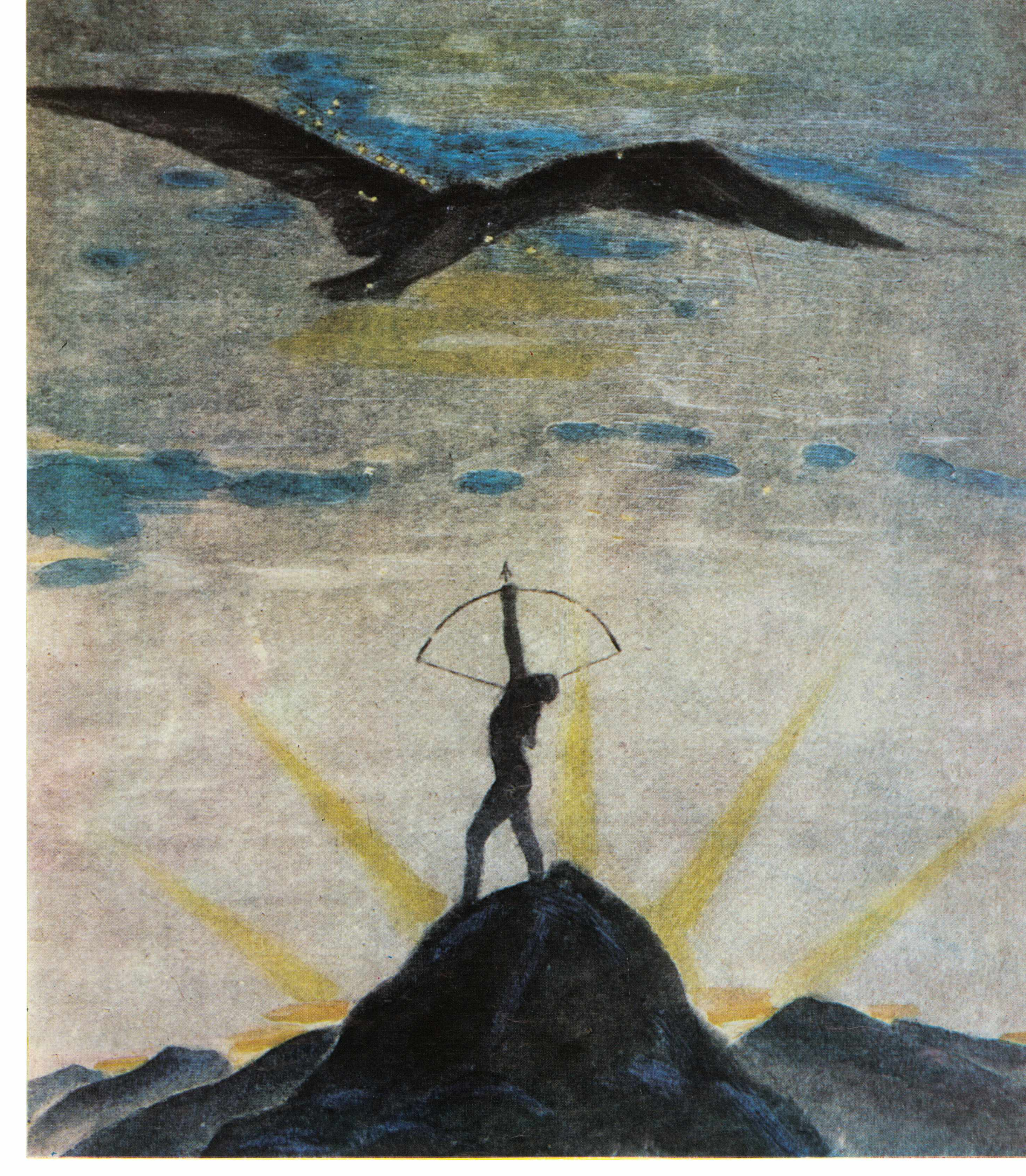
— Вот прикажу деду пригнать МАЗ,— угрожал Рис в критических ситуациях.— Он все ваши дома повалит и беседку снесет.

После таких слов даже самые отчаянные сорвиголовы спешили завязать с Рисом приятельские отношения.

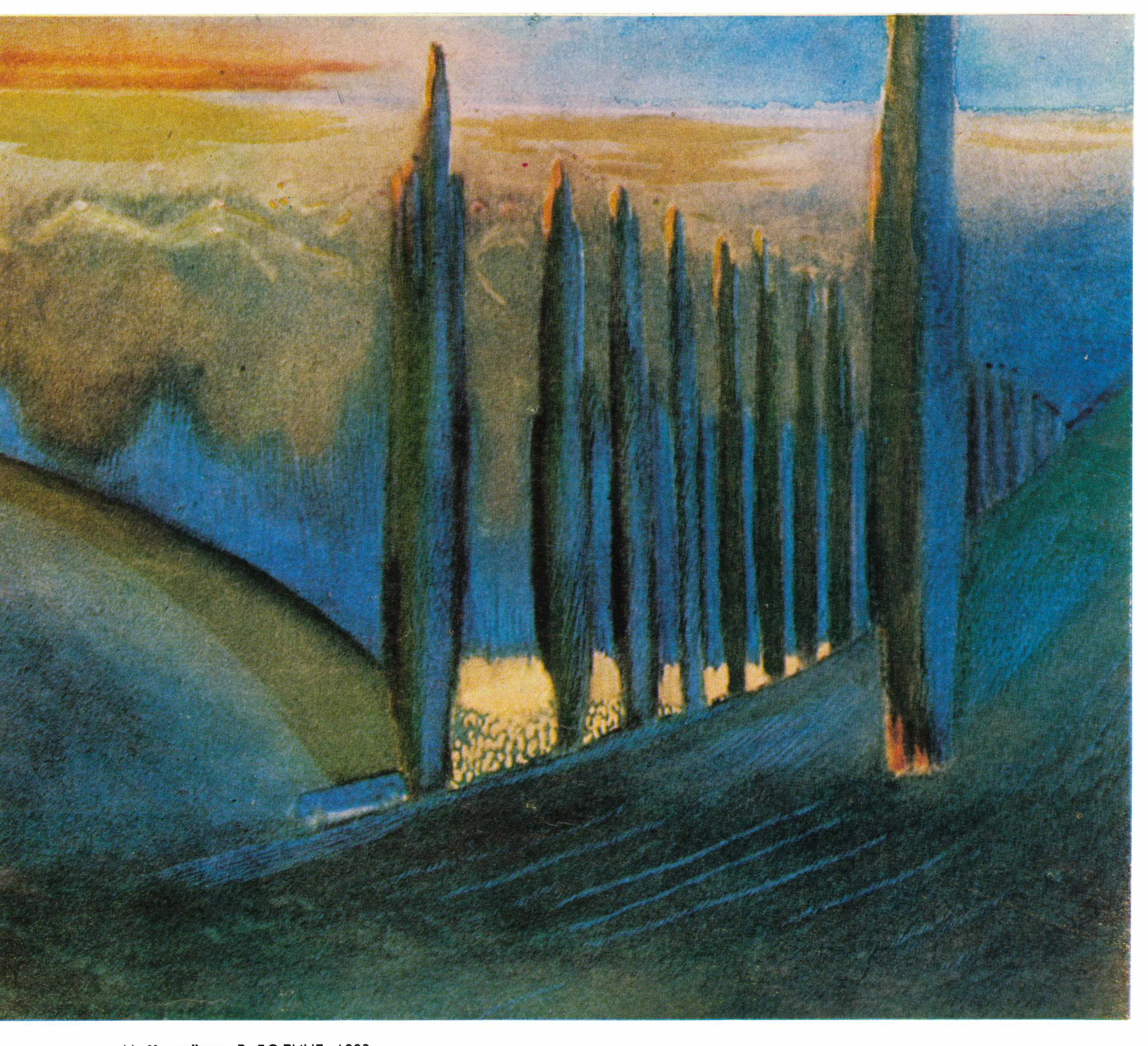
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

К факту, что из меня получился спортсмен, в нашей семье отнеслись по-разному. Наша мама считала, что я просто валяю дурака. Она убеждена, что все спортсмены бездельники.

Окончание. См. «Огонек» № 36.

М. Чюрлёнис. СТРЕЛЕЦ. ИЗ ЦИКЛА «ЗНАКИ ЗОДИАКА». 1907.

М. Чюрлёнис. В ДОЛИНЕ. 1903.

Остальные члены нашей семьи смотрят на спорт менее философично. Бабушка, например, уверена, что спортсмены просто-напросто несчастные люди, которые истязают себя неизвестно зачем.

— Бедненький ты мой дурачок,— говорит бабушка, когда я прихожу домой с тренировок.— Устал? Как они тебя измутузили, проклятые. Ты бы не лез, сынок, на рожон. Бог с ними, с этими рекордами, соревнуйся потихоньку, держись в сторонке. Будь, сынок, похитрее.

Дедушка же за меня.

— Спорт воспитывает силу и волю,— говорит дедушка.

Всерьез воспринимает меня как спортсмена и Рис. Особенно в конфликтных ситуациях.

— Конечно! — вопит в таких случаях Рис.— Ты справишься с ребенком! У тебя первый разряд! Вот вырасту, получу мастера, и тогда посмотрим!

Вообще Рис с малолетства воспринимает меня как грубую силу. И у него есть все основания.

Когда Рис стал проявлять признаки необузданного характера, со всей остротой встал вопрос, какую из двух систем воспитания к нему применить: чутко-благородно-нежную или спартанскую. Мама стояла за чутко-благородно-нежную. Я — за спартанскую.

Короче говоря, Рис воспитывался по смешанной системе: то по чутко-благородно-нежной, то по спартанской. Когда власть в семье на несколько часов переходила ко мне, то удавалось внушить Рису два-три понятия, например, что такое закалка и трудовое воспитание и как они необходимы человеку в жизни. Но как только власть менялась, эти понятия начисто выветривались из Рисовой головы.

И неизвестно, чем бы это кончилось, но тут обстоятельства сложились таким образом, что я получил возможность вплотную заняться воспитанием собственного сына.

* * *

Обстоятельства эти были такими. Мама уезжала в командировку.

— Куда же, интересно?— спросил я.

— За границу! — бабахнула мама.

Я вытаращил глаза.

— Куда? В какую страну? — ляпнул я, не подумав. Вопрос был самый что ни на есть наишпионский.

Мама подняла брови.

— Ну хотя бы какой континент-то, можешь сказать?

Мама задумалась.

— Африка?

— Если шпион будет знать континент, то он сможет установить и страну, а установив страну, можно легко узнать, на какой завод я командирована. Дальше же совсем просто добраться до нашего головного предприятия.

Я вынужден был признать, что некоторая логика в этом есть.

Несколько дней у нас только и шел разговор о маминой заграничной командировке. Мама не спала ночами.

— Понимаешь,— шептала она, разбудив меня.— Никак не могу заснуть. Все думаю, думаю... Я, наверно, не поеду.

— Почему? — удивлялся я.

— Мне надо по крайней мере пять-шесть новых туалетов. Попроси взаймы у бабушки...

— Мама,— сказал я бабушке без всякой дипломатии, когда она пришла к нам.— Вера едет в Бразилию. Займи четыреста рублей.

— В какую Бразилию? — удивилась бабушка.

— В Южную,— не зная зачем, уточнил я.

— В Южную? — обрадовалась бабушка.— Вот хорошо. Веруша, привези мне кактусов. Я решила собирать кактусы.

— И ни в какую не в Бразилию,— сказала мама и, нахмурив брови, повернулась ко мне:— Зачем ты врешь?

— А куда же? — спросила бабушка.

— За границу,— ответила мама.

— За какую?— поинтересовалась бабушка.

— За нашу.

— Тогда привези мне что-нибудь национальное. Я очень люблю национальное. Например, сомбреро.

Но мама была начеку.

— Сомбреро? Почему именно сомбреро?

— Ну циновку. Я очень люблю японские циновки.

— Я не в Японию.

— А куда же?— невинно спросила бабушка.— В США?

— А вот и не в США.

— Это не имеет значения,— сказала бабушка.— Лишь бы ты привезла мне что-нибудь национальное. Денег я тебе дам. Но ты обещай мне, что Рис будет все это время жить у нас. Толечка с ним совсем задохнется. Когда ты вернешься с Кубы...

— Откуда вы взяли, что я еду на Кубу?

— Ну из этого, как его... Если ты, конечно, мне не доверяешь...

— Нет, почему же, я вам очень доверяю...

— Я двадцать лет на руководящей работе. Мне доверялось очень многое.

— Но наш институт нельзя сравнить с трестом канализации,— неосторожно заметила мама.

— Это еще неизвестно,— обидчиво поджала губы бабушка.— Мне доверяли городские тайны.

— Городские тайны? — удивилась мама.

— Представь себе. Ни одно здание нельзя построить без канализации!— воскликнула бабушка с раздражением.

В это время Рис поедал шоколад. Он ел его с упоением. Шоколад хрустел и рассыпался. Один из кусков свалился прямо под утюг. (Мама как раз гладила свои туалеты для заграничной командировки.) Мама приподняла утюг и заглянула под него. На розовой ткани платья красовалось абстрактной формы грязно-коричневое пятно.

— Боже мой...— простонала мама.— Боже мой...

— Бога нет,— сказал Рис.

Мама села на стул и обхватила голову руками. Плечи ее задрожали.

— Извинись,— торопливо сказала бабушка.— Скажи маме, что никогда не будешь есть шоколад, когда она гладит.

— Никогда не буду есть шоколад, когда она гладит,— с готовностью сказал Рис.

Вдруг мама вскочила. Лицо ее пылало.

— Все! — закричала мама.— Хватит издеваться надо мной! Пришел тебе конец!

С этими страшными словами мама пересекла комнату, схватила Риса поперек спины и утащила на кушетку.

— Ой-ей-ей! — закричал не своим голосом Рис.— Ухо! Она мне оторвала ухо!

Бабушка кинулась на маму.

Маме, конечно, было тяжело сражаться на два фронта. Она отступила, тяжело дыша. Воспользовавшись этим, бабушка тотчас же прикрыла Риса своим телом.

Мама прошлась по комнате, посмотрела в окно, потом вытерла пыль с малахитовой коробочки, где хранились ее стеклянные драгоценности, и сказала очень спокойно:

— Вот что, Матрена Павловна. Так долго продолжаться не может. Вы изуродовали нам ребенка. А я стала психом.

— Ну что ж, внучек.— Бабушка погладила Риса по голове.— Твою бабушку гонят из этого дома.

— Я не гоню, Матрена Павловна, но другого выхода нет. Внука вы будете видеть лишь раз в неделю.

Проходя мимо меня, бабушка задержалась.

— А мой сын ничего не скажет?

— Я считаю это разумным,— сказал я.

— Тогда всего вам хорошего.

Бабушка двинулась к выходу с большим достоинством.

— Денег я вам не дам,— сказала она, взявшись за дверь.— Вы не умеете с ними обращаться. Прощайте.

— Ба-бу-ля-я-я-я! — завопил Рис.

Бабушка приостановилась.

— Прощай, внучек. Выгнали твою бабушку. Ладно бы невестка. Сын...— сказала бабушка и вышла.

Утром мама уезжала в Москву, чтобы затем вылететь за неизвестно какую границу.

— И никакого выхода,— говорила мама.— Видим его лишь в воскресенье. Разве его за это время воспитаешь? А теперь вот еще и я уезжаю... Тебе на сборы скоро... Опять он с твоими родителями останется... Вернемся, а он совсем бандит... А что? От него всего можно ожидать, набросит во время сна подушку — и готово. Проснешься, а тебя уже нет...

— Задушенный человек не проснется,— раздался голос рядом.

Мама даже подскочила от испуга.

— Ты что здесь делаешь?

Оказывается, Рис подкрался к нам и слушал весь разговор.

— Марш в угол! — сказал я.

— Подожди,— сказала мама.— Что ты привязался к ребенку? Сынок, что ты нам хотел сказать?

— Я хотел сказать... Я хотел сказать... Не бойтесь... Насчет подушек... Я не буду душить вас.

— Умница! — воскликнула мама.— Кто же это душит своих родителей? Поцелуй мамочку. И папочку тоже. Мамочка твоя завтра уезжает за границу. Она привезет тебе какую-нибудь игрушку. Хочешь пушистого мишку? Большо-го-пре-боль-шого...

От этого разговора у меня начинают бегать по спине мурашки, как легкие электрические заряды.

— Я бы ему не мишку...— начал я, но в этот момент раздался телефонный звонок.

— Алло! — закричал я в трубку.— Алло!

В трубке слышалось всхлипывание.

— Плачьте громче! — посоветовал я.— Ничего не слышно!

— Я все думаю. Погубите вы ребенка... Чем вы его кормили?

— Ничем.

В трубке наступило молчание. Потом бабушка закричала так, что зазвенела мембрана.

— Я так и знала! — кричала бабушка.— Бедный ребенок! Немедленно сварите ему манную кашу! Слышишь? Немедленно! Поклянись! Если ты не сваришь сейчас манную кашу, у меня будет инфаркт!

— Клянусь,— сказал я.

— Поклянись жизнью!

— Клянусь жизнью.

— Я буду ждать у телефона. Когда он начнет есть, поднеси к нему трубку. Иначе я не успокоюсь. Дай трубку Вере.

— Хорошо,— сказал я и пошел на кухню варить кашу. Все это я предвидел. Сейчас начнется второе действие: примирение бабушки с мамой. Медленно, но неуклонно в моей голове стал созревать план.

Когда я вернулся с кашей, переговоры мамы с бабушкой уже подходили к концу.

— Правильно, Матрена Павловна,— говорила мама.— Забирайте. Я тоже думаю, что так будет лучше. Пусть поживет у вас. Разве он сможет правильно кормить ребенка? Да, да, вы правы... Жестоковат... (Про меня.) Ребенку ласка нужна. Ну, конечно, спортсмены — они все такие. Тем более у него скоро сборы. Вы, Матрена Павловна, последите, как он до сборов питаться будет. (Неужели про меня?) Я ему денег оставила достаточно... (Про меня...) Но он к большим деньгам не привычный (мама оставила мне сорок рублей), растранжирит, а потом начнет экономить, есть одну треску. Он плохой ребенок. (Про Риса.) Избалованный... С ним надо построже. Я вас, Матрена Павловна, очень прошу быть с ним построже.

Слушать дальше не имело никакого смысла: все кончится уверениями во взаимной любви и уважении. Я отдал маме кашу и пошел на кухню, чтобы приготовить себе кофе. Кофе всегда дает ясность мыслей.

Когда я некоторое время спустя с ясной головой вошел в комнату, то увидел такую картину. Рис сидит на коленях у мамы и ест манную кашу. К его рту приставлена телефон-

ная трубка, к которой он время от времени прижимает масляные, облепленные кашей губы и чавкает. Мама комментирует:

— Слышите, Матрена Павловна? С аппетитом ест...

Я иду в спальню и, чтобы успокоиться, читаю газету «Советский спорт».

* * *

Из-за возни с туалетами мама чуть не опоздала на поезд. Она вскочила на подножку, когда состав уже тронулся, и чемоданы мне пришлось забрасывать в тамбур уже на ходу.

— Не забудь! — крикнула мама.— Деньги в шкатулке на полочке! Зря не транжирь и не кути! И вообще будь благоразумным. С границы я тебе напишу... то есть из Москвы,— поправилась мама, очевидно, вспомнив, что шпион, зная границу, какую мама будет пересекать, легко установит профиль маминого предприятия.

Поезд ушел.

— Ну ладно, сынок, мы поехали,— сказала мне бабушка, беря Риса за руку.— Пиши, как у тебя будут идти соревнования. Но не напрягайся, береги свое здоровье.

— Я его тебе через час привезу,— сказал я.— Сначала съездим домой, соберем игрушки. Пусть побольше забирает с собой, я задыхаюсь среди этого хлама.

— Хорошо,— с готовностью согласилась бабушка. Видно, она опасалась, что я начну произносить речь о дурном влиянии бабушек и дедушек на внуков.

— Итак, я жду,— сказала бабушка.

— Жди,— сказал я.

И мы разъехались по домам.

— Ты поиграй во дворе,— сказал я Рису.— А я пока соберу твои игрушки и одежду.

Сын с готовностью смотал удочки, он не любил утруждать себя, а я достал чемодан и побросал туда Рисовы предметы первой необходимости. Мои вещи уместились в рюкзаке.

Потом я набрал номер бабушкиного телефона.

— Я вас слушаю,— сказала бабушка начальственным голосом. Бабушка до сих пор не могла привыкнуть к мысли, что она пенсионерка, а не крупный хозяйственный деятель.

— Я буду краток,— сказал я.— Мне надоело наблюдать, как из моего сына постепенно вырабатывается бездельник, хам и эгоист.

— Сынок...

— Не перебивай. Я решил совершить похищение. Мы уезжаем с ним прямо сейчас. За месяц, конечно, трудно из хама сделать человека, но я попытаюсь. Разыскивать нас бесполезно.

— Сынок... Но у тебя же соревнования...

— Я решил пропустить эти соревнования. Сын важнее соревнований.

— Ты совсем свихнулся на этой борьбе! — закричала вдруг бабушка.— Ты стал психом! Я лишу тебя родительских прав! Понял? Немедленно вези сюда ребенка! Или я сейчас позвоню в «Скорую помощь» и на тебя наденут смирительную рубашку!

Трубка нервно вибрировала в моих руках. Смирительную рубашку на отца за то, что он месяц захотел побыть с собственным сыном!

— До свиданья,— сказал я.

Я положил трубку. Однако не успел я донести чемодан и рюкзак до двери, как раздался вновь телефонный звонок.

Звонил дедушка.

— Бабушке плохо. Что случилось? — спросил дедушка.

Я вкратце сказал дедушке то, что сказал бабушке.

— В самом деле...— сказал дедушка.— В принципе оно, конечно... Это, если с одной стороны. А если с другой...

— Со всех сторон одно и то же,— сказал я.— Что с бабушкой?

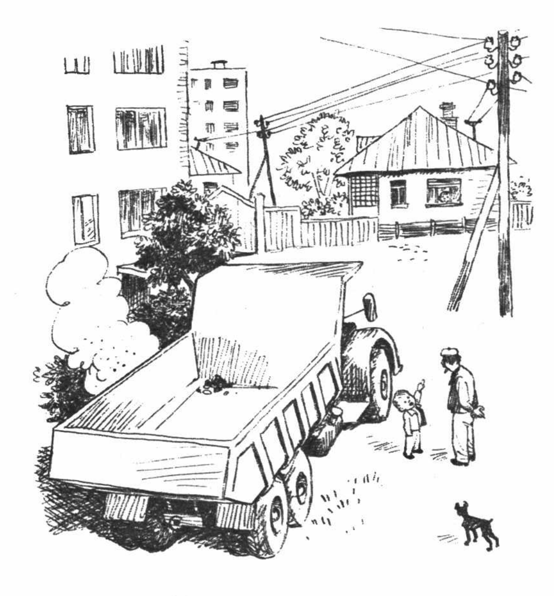
— Лежит почти без сознания на диване. Я вызвал «Скорую». Ты хоть на самолете его не вези. Он не перенесет самолета.

— Какой там самолет? Мы едем за город на электричке. Будем жить в деревне. Ну, пока...

— Подожди, скажи, как у тебя идут тренировки?

— Тренировки идут успешно.

Я оторвался от дедушки при помощи ча-

стых гудков. И вдруг ужасная мысль сразила меня. Мой лоб мгновенно покрылся холодным потом. Как я не догадался сразу! Не лежит бабушка на диване без сознания, а на всех парах мчит сюда, ко мне. Вызвала машину со своего бывшего треста и мчит. Дедушка звонил, чтобы задержать меня, отвлечь разговором. Сейчас бабушка подкатит к нашему подъезду, увидит Риса, схватит его, втолкнет в машину, и поминай как звали.

Я схватил вещи, закрыл дверь и кубарем скатился по лестнице.

Машины еще не было. Рис стоял посреди двора, держал в руке перегоревшую лампочку и, прищурив глаз, раздумывал, куда бы ее зафуговать.

— Хочешь посмотреть белку? — спросил я.

— Белку? — опешил Рис.— Хочу.

— Тогда быстрей. А то солнце сядет, и она спрячется в дупло. Давай бегом!

Мы побежали. Судьба благоприятствовала нам: троллейбус стоял на остановке с распахнутыми дверьми, словно ожидая нас. Едва мы вскочили, дверь захлопнулась, и троллейбус тронулся. И в этот же момент в арку нашего дома въехала черная «Волга». В черной «Волге» рядом с шофером сидела бабушка.

Ай да бабушка! Надо же, за минуту успела сплести такой хитрый план! Но мы тоже не лыком шиты.

Безо всяких приключений мы с Рисом добрались до вокзала. Электричка должна была отойти с минуты на минуту. Мы с Рисом устроились возле окна. Мой сын, предвкушая свидание с белкой, вел себя подчеркнуто послушно, лип к окну и разглядывал прохожих.

— Вон деда с бабой!— завопил вдруг Рис на весь вагон.

Я обмер. Действительно, от перронной решетки прямо к нашему вагону бежали бабушка и дедушка. За решеткой, приткнувшись друг к другу, стояли черная «Волга» и огромный синий самосвал.

— Подождите! — кричала бабушка.— Стойте, что я скажу.

Дедушка молча топал сзади в тяжелых ботинках. Я смотрел на них, как кролик смотрит на сразу двух возникших перед ним удавов. Ах, я дурак! Как же я, идиот, попался на такую элементарную уловку! «Ты хоть на самолете его не вези». А я, дурачина, возьми и брякни: «Мы едем за город на электричке». Ах, старый хитрый лис! Провел меня на мякине... Теперь все пропало!

Когда бабушка и дедушка приготовились вскочить в вагон, как пираты на абордируемый корабль, двери зашипели и захлопнулись прямо перед носом преследователей.

Еще не веря своему счастью, я выпустил Риса из-под мышки. В последний момент я решил не сдаваться и устроить гонку по поезду, как в приключенческих фильмах.

— Ба-ба-а-а... Деда-а-а...— ревел басом Рис, высунувшись в окно.— Хочу к вам!

Но поезд набирал скорость.

Вдруг Рис засиял, встрепенулся и опять завопил:

— Деда! Баба!

Я рванулся к окну. Рядом с нашим вагоном по шоссе катили черная «Волга» и синий самосвал!

Первой моей мыслью было опять схватить Риса под мышку и мчаться куда глаза глядят, хоть в кабину машиниста. Но потом я одумался. Как бы ни была энергична бабушка, но она не участник съемочной группы фильма «Смелые люди» и не может вскочить с ходу на поезд.

Я снова опустился на сиденье и стал обдумывать положение. Я хорошо знал этот маршрут. Поезд здесь из-за постоянных поворотов шел медленно до первой станции «Березки». Мои родители уже, конечно, подъезжают к станции. Как только наш состав прибудет в «Березки», бабушка с дедушкой вскочат в состав и начнут прочесывать его.

После некоторого размышления я пришел к выводу, что не надо никуда бежать и прятаться. Надо во время остановки стоять в тамбуре своего вагона, а когда двери начнут закрываться, просто-напросто выпрыгнуть на перрон. Пока дедушка с бабушкой увидят нас, пока начнут метаться в поисках стоп-крана, можно будет, не торопясь, скрыться в ельнике, а там до заповедника, куда мы направлялись и где была наша спортивная база, рукой подать.

Мы так и сделали. Все две минуты остановки мы с Рисом простояли в тамбуре, а когда двери зашипели, вышли на перрон... прямо в объятия бабушки и дедушки.

— Заставляешь гоняться, как маленький,— сказала добродушно бабушка.— Стыдись.

— В самом деле,— сказал дедушка.

...Все пропало... Родители стояли плечом к плечу, отрезая мне путь к лесу.

— Ну, хватит валять дурака,— сказала бабушка, сбросив маску добродушия.— Давай сюда ребенка. Ребенок с утра ничего не ел!

— В самом деле...— пробормотал дедушка.

Поезд ушел. Я закрыл Риса правым плечом.

— Бедный ребенок... Замотали его совсем... Его надо срочно напоить липовым медом.

— В самом деле,— сказал дедушка.

Мои родители все ближе подступали к нам.

— Ты его сможешь видеть каждый вечер,— сказала бабушка.— Я же не эгоистка.

Теперь мы стояли на самом краю плат-

ГДЕ ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ «ОГОНЕК»?

Вопрос о доставке «Огонька» поднят читателями и редакцией очень своевременно. Живу я в г. Алма-Ате и, как многие подписчики, получаю журнал с большим опозданием. Например, № 32 (дата выхода — 9 августа) поступил к нам 22 августа. Поезд от Москвы до Алма-Аты идет 3—4 суток, где же «гулял» журнал остальные дни?

СТРЕЛКОВ, подписчик с 1954 года

* * *

Журнал получаю с большим опозданием, а иногда сразу по два номера. Были случаи, когда в киосках «Союзпечати» «Ого-

формы. Бабушка заходила слева, готовясь к решительному броску. Игра была проиграна.

— Верблюды,— сказал я.

— Какие верблюды? — удивилась бабушка.

— Импортные.

— При чем здесь верблюды?

— Вон их целый эшелон.

Бабушка с дедушкой обернулись и уставились на проходивший мимо состав. На открытых вагонах возвышались кукурузоуборочные комбайны.

— Какие же это верблюды?— спросила бабушка.— Ты что, уж совсем...

Конец фразы я не слышал. С чемоданом и зажатым под мышкой Рисом я уже летел вниз с платформы.

Мы перебежали железнодорожные пути, проскочили небольшой лесок, пересекли ручей, причем я совершенно автоматически, очевидно, под влиянием многосерийных фильмов про разведчиков, пробежал метров десять вверх по течению и, наконец, выбившись из сил, остановился на лужайке под большой сосной.

Я прислушался. Погони не было. Тихо шелестела сосна, мирно чирикали птицы, вдали журчал ручей. Вроде бы и не было нервотрепки последних часов, страшного полета с платформы, бегства через железнодорожные пути.

Рис опустился на траву.

— Я не понимаю,— сказал он.— Сколько суматохи из-за одной белки. И теперь, наверно, таскайся по всему лесу, ищи ее? — Рис задрал вверх голову.— Что-то я не вижу тут никаких белок. И от бабушки с дедушкой почему-то мы убежали. Странная история.

— Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел,— сказал я.— Все, «колобок», ты у меня в лапах.

— В каком смысле?

— Во всех.

— Как это? — немного забеспокоился Рис.

— Помнишь, я обещал сделать из тебя человека?

— Я и так человек.

— Пока еще нет.

— Кто же я тогда? — Рис насупился.— Ну ладно. Пошли домой. Я что-то есть захотел.

— Поедим в стране Будьчел.

— Что это еще за страна?

— Такая страна, где живут одни люди. «Будь человеком» называется. Там даже кошки и собаки превращаются в людей. Там все умные.

— А ну тебя с твоими шуточками.— Рис поднялся с земли и, засунув руки в карманы, не торопясь зашагал к станции.

Я догнал его в два прыжка.

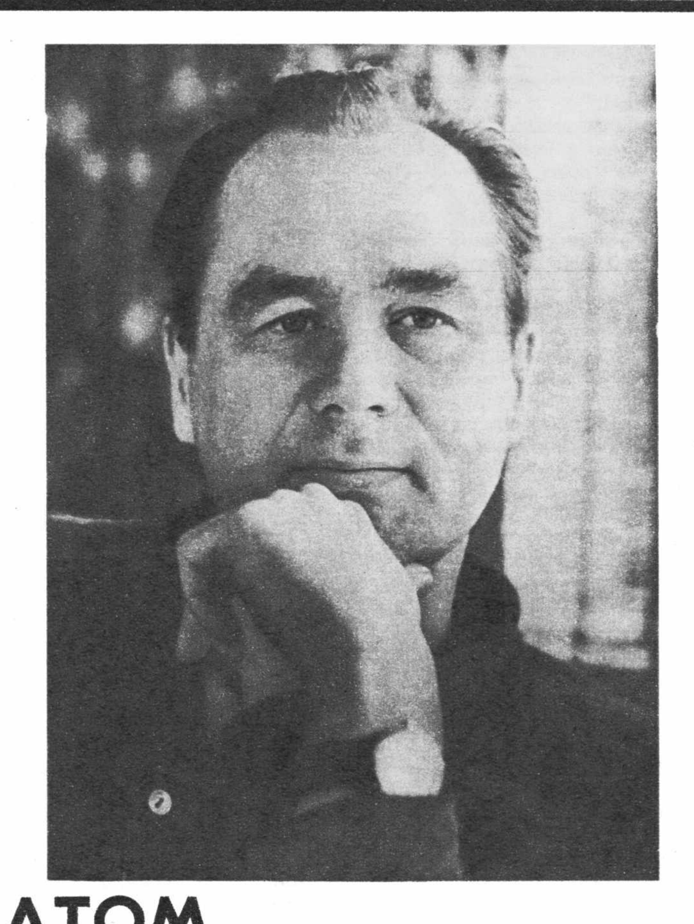
— Ну уж нет! Теперь ты от меня не уйдешь! Столько лет я тебя ждал! — Я стиснул Риса за руку.— Пошли, голубчик!

Рис попытался было вывернуться, но силы были слишком неравны.

— Ну ладно, я тебе это припомню,— сказал Рис, поняв всю безысходность ситуации.— Отпусти руку, я и так пойду. Я пойду, но тебе же хуже будет,— добавил он с угрозой.

— Будет так будет,— сказал я.— Посмотрим, что получится.

И мы зашагали по заросшей подорожником узкой дорожке, которая по всем признакам вела в заповедник. В страну Будьчел.

ОН БЫЛ СОЛДАТОМ

Умер Георг Отс...

Солдат, переживший войну, Отс пел песни, которые называл своими лучшими, своими любимыми,— песни Великой Отечественной войны. Как победные знамена, взвивались они, неожиданно, по-новому темпераментно, поражая молодых эстонских слушателей, еще не успевших опомниться от немецкой оккупации... Нас, комсомольцев, вернувшихся из армии и из эвакуации, было тогда в зале не так уж и много. Мы-то знали, что такие песни помогают жить. И трепетно ждали, как их встретит зал. А зал всегда раскалывался овациями еще и потому, что в войну Отс, артист талантливейший, несравненный, был солдатом...

...Горит город. Горят корабли. Кажется, горит самое море. В машинное отделение парохода «Сибирь», на котором уходил из Таллина в Ленинград солдат Красной Армии Георг Отс, попала бомба. Сквозь треск пулеметных очередей не слышно команды: «Все деревянное — за борт!»... Георг сам догадался, что бочки, ящики, доски, шесты помогут тонущим людям. И он швырял, швырял, швырял все, что мог, за борт, до тех пор, пока сам не оказался в воде... Военный тральщик подобрал обессиленных людей, доставил их в Кронштадт...

Когда в одном из эстонских воинских соединений пение Георга Отса услышали артисты Каарел Ирд и Прийт Пыльдроос, они предложили Отсу вступить в ансамбль...

— Не путайте меня с моим отцом,— отговаривался Георг,— это он певец, а я солдат, петь не умею...

— Научишься! На войне песня солдатам нужна не меньше, чем хлеб и винтовка,— сказали ему.

Его песня нужна была всем! Нужна и тогда, когда винтовка ушла из жизни солдат... Его песню не забудет никто.

Н. ХРАБРОВА

Таллин.

нек» продавался на 5—6 дней раньше, чем его доставляли подписчикам.

А. А. КОЧНЕВ,
многолетний подписчик

Одесса.

* * *

Я выписываю и читаю «Огонек» 15 лет, но такой нерегулярной доставки, как в этом году, не помню.

Журнал поступает к нам на 20—25 дней позднее, причем довольно часто по 2—3 номера вместе. А вот № 30 журнала пришел раньше № 29. И это, к сожалению, не единичный случай.

В г. Охе неоднократно покупал «Огонек» в киоске на 10 дней раньше, чем его доставляли подписчикам. Прошу «подстегнуть» доставщиков журнала. Хотя мы живем далеко, но из Москвы летим всего 10 часов.

Х. Н. КАРЕПОВ,
пос. Нефтегорск, Охинский р-н, Сахалинская обл.

* * *

Плохо, что задерживается «Огонек». Но еще хуже, когда он совсем не поступает. Например, № 27 журнала я не видел и не увижу, как ответили мне в киоске «Союзпечати». Этот номер вообще не попал в наш город Каменск-Шахтинск, Ростовской области.

А. ВДОВЕНКО

Как правило, у нас в г. Ульяновске «Огонек» можно было купить в среду следующей за выходом журнала недели. А в этом году вообще непонятно, когда он поступает. Например, № 30 появился в киосках 15 августа, № 31— 17 августа. Потом журнала может долго не быть, а вдруг поступят в продажу сразу несколько номеров. Поймите нас, читателей, ведь хочется иметь свежий номер, узнать свежие новости, а покупать по нескольку журналов вряд ли кто будет.

Надеемся, что редакция примет меры и добьется регулярной доставки «Огонька».

А. ПЛОТНИКОВА,
персональная пенсионерка

* * *

О подобных фактах нерегулярной доставки журнала «Огонек» сообщили в редакцию:

Е. А. МАМОНТОВА из г. Самарканда,

Г. В. ГУЛЯ из села Хрещатик, Черкасской обл.,

Н. И. ЗАБУДЬКО из г. Ленинабада,

Э. М. ЭЙДУК из г. Всеволожска-2,

А. В. ТЮФЕКЧИЕВ из г. Калининграда,

Б. Г. РОДЕ из г. Тулы и многие другие.

СУДЬБА ПОЭТА

Юрий **ПРОКУШЕВ**

Владимир Маяковский, в сердце которого в те драматические дни рождались строки знаменитого стихотворения «Сергею Есенину», решительно выступил против панибратски развязного, по существу, обывательского отношения к памяти поэта со стороны его некоторых «друзей» и «поклонников»: «Сережа» как литературный факт — не существует. Есть поэт — Сергей Есенин. О таком просим и говорить».

Маяковский был искренне взволнован судьбой Есенина, с которым при жизни неоднократно встречался, спорил на литературных вечерах, полемизировал в стихах, но особенно потрясла Маяковского смерть Есенина, потрясла **лично**, по-человечески:

Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.
Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
Трезвость.
Нет, Есенин,
это
не насмешка.
В горле
горе комом —
не смешок.

Стихотворение «Сергею Есенину» приоткрывает нам многое и в самом Маяковском и вообще в судьбе большого художника, жизнь которого чаще всего и неповторимо прекрасна и сурово многотрудна.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Это сказал Есенин, сказал о себе, но еще больше о судьбе каждого истинного поэта. Да, «каторга чувств», каторга поэтического озарения — всегда счастье, всегда радость открытия новой красоты мира и Человека! Но от художника-творца «каторга чувств» неумолимо требует отдачи поэзии всей жизни.

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Природа до краев наполняет «кровью чувств» сердца и души великих художников слова. Она особенно щедра к ним, но вместе с тем и беспощадна. Идут годы. Поэт штурмует одну творческую вершину за другой. Одна за другой они покоряются его вдохновению. Но кто знает, чего ему стоит это! В какой-то момент и поэту грозит «страшнейшая из амортизаций — амортизация сердца и души». Можно понять Маяковского, который, раздраженно, резко и вместе с тем с такой открытой душевной болью отвечая на одну из записок о Есенине, говорил: «Мне плевать после смерти на все памятники и венки: берегите поэтов!» [1].

Владимир Маяковский вместе с рядом писателей и критиков (В. Киршоном, П. Орешиным, В. Ермиловым, А. Луначарским, В. Дынник и другими) открыто и публично выступает против выходящих в то время одна за другой тоненьких, но ядовито-злых брошюрок А. Крученых: «Черная тайна Есенина», «Лики Есенина от херувима до хулигана», «Хулиган Есенин», «Есенин и «Москва кабацкая», «Драма Есенина», уже одни названия которых ясно свидетельствуют о нигилистически оголтелой позиции их автора по отношению к Есенину и его литературному наследию.

А. Крученых бездоказательно нагло писал в своих книжонках, что все творчество Есенина — это путь «...от херувима через хулигана, до самоубийцы», что «Есенин, как поэт, жил и умер в Москве кабацкой. Иной Москвы он не заметил...» и «его психика была глубоко чужда современности...», что «Есенин — поэт безнадежности и самоубийства...». Отсюда как вывод: «...внутренняя жизнь Есенина в последние годы была только дорогой к смерти».

Маяковский справедливо и метко назвал все эти «изыскания» и «сочинения» А. Крученых «дурно пахнущими книжонками». Имея в виду постоянные, назойливо демагогические высказывания А. Крученых о том, что «вся революция не впору Есенину: не по нему», что «у Есенина всегда выходило — чем революционнее — тем слабее», Маяковский с возмущением и явной иронией пишет, что «...Крученых... обучает Есенина политграмоте так, как будто сам Крученых всю жизнь провел на каторге, страдая за свободу, и ему большого труда стоит написать шесть (!) книжечек об Есенине рукой, с которой еще не стерлась полоса от гремящих кандалов» [2].

Однако А. Крученых не унимался. Он вновь и вновь воинственно заявлял, что «вредоносность самого Есенина, его примера и его «идеологии» — вот о чем я писал, пишу и буду, вероятно, еще писать...» и что «до тех пор, пока наша молодежь не будет окончательно вытрезвлена от «есенинского» запоя, пока в тугие мозги «есенистов от критики» не проникнет сознание глубочайшей общественной вредности творимого ими «чествования» и «обожествления» памяти «великого развратителя юных умов» — я не могу сложить пера». Особенно «тревожит» и «огорчает» А. Крученых то «печальное» обстоятельство, что «обличить самого Есенина, как родоначальника, и в конце концов, основоположника пресловутой есенинщины, у большинства не хватает духу». И потому он полностью принимает такие махрово субъективистские утверждения, будто идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого национального характера: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще.

Пытались, особенно после смерти Есенина, приложить «свою руку» к наследию поэта и «приблизить» его к себе троцкисты. В отличие от «грубой работы» Л. Сосновского, А. Крученых и некоторых других, они действовали более утонченно — иезуитски.

Демагогически рассуждая о «перерождении» старых революционных кадров, троцкисты одновременно заигрывали с молодежью, особенно с той ее частью, в среде которой во время нэпа усилились мелкобуржуазные настроения и колебания. Троцкисты надеялись опереться прежде всего именно на эту часть «разуверившегося» в революции юношества в своей борьбе, которую они развернули в те годы против партии, ее ленинского руководства. Прожженные политические интриганы — троцкисты, зная, сколь велико воздействие поэзии Есенина на молодежь, и видя, как искренне огорчена и потрясена она смертью поэта, попытались использовать и это обстоятельство для того, чтобы «укрепить» хотя бы среди части молодежи, особенно учащейся, свой основательно подорванный к тому времени «авторитет».

В отличие от тех, кто после смерти Есенина продолжал с еще большей энергией «осуждать» и «упрекать» поэта во всех смертных грехах, договариваясь при этом, как мы видели, до чудовищных крайностей, троцкисты не «упрекали» поэта, не «прорабатывали», а «сочувствовали» ему, «жалели» как человека, родившегося «не ко времени». Они писали и говорили о Есенине прежде всего как о «лиричнейшем поэте», поэте «не от мира сего» и сокрушались, что все мы «не сумели сохранить» поэта. Вместе с тем попутно, поначалу даже как бы мимоходом, без особого нажима, а затем все настойчивее, троцкисты пытались противопоставить Есенина его эпохе, оторгнуть поэта от Октябрьской революции, отсоединить от главного в его жизни и творчестве, от того, что в конечном итоге определяет место Есенина в истории советской литературы, в судьбах его Родины.

Троцкистами утверждалось, что Есенин был несроден революции, что он не поэт революции, что к смерти он — Есенин — тянулся почти с первых годов творчества. Как видим,

Окончание. См. «Огонек» № 36.

[1] «Мое открытие Америки» (вечер Владимира Маяковского).— «Вечернее радио», Харьков, 1926, 26 января. Цит. по книге: Е. А. Карпов. С. А. Есенин. Библиографический справочник. М., «Высшая школа», 1972, стр. 70.

[2] Владимир Маяковский. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, М., ГИХЛ, 1959, т. 12, стр. 97.

эти суждения троцкистов мало чем отличались от высказываний о Есенине разного рода сосновских и крученых...

По существу, и те и другие — одни с позиций вульгарного социологизма, другие с позиций субъективного идеализма,— рассматривая **так** все творчество Есенина и оценивая **так** отношение поэта к Октябрьской революции, фактически выступали против одного из важнейших положений марксистско-ленинской эстетики, сформулированного В. И. Лениным в его известных работах о Льве Толстом. «...Если перед нами действительно великий художник,— подчеркивал Ленин,— то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях» [3].

Что же касается троцкистов, то «новым» в их «концепции» по сравнению с другими было рассуждение о якобы фатальной несовместимости и неизбежном гибельном столкновении «лиричнейшего поэта» с нелирической, «эпичной» революционной эпохой. Вот почему «короткая жизнь поэта оборвалась катастрофой». Утверждение троцкистов о неминуемой гибели такого поэта, как Есенин, было, конечно же, делом далеко не случайным. Это был «тонко» рассчитанный ход. Отрицая возможность окончательной победы пролетарской революции и построения социализма в России без победы революции на Западе, видя во всем крестьянстве лишь силы, чуждые пролетарской революции, развернув после смерти В. И. Ленина атаки на ленинизм, на генеральную линию партии, троцкисты прежде всего, а заодно с ними и все «левые» и «правые», пытались «доказать», что вот и сын крестьянской Руси — поэт Сергей Есенин — очень скоро разочаровался в революции, не веря в ее победу, оказался чужд, «несроден» революции и — погиб.

И чем решительнее Есенин как поэт и гражданин обращал вместе с крестьянской трудовой Россией свое сердце к великой правде Ленина, открыто заявляя в стихах, что он счастлив, ибо в суровое революционное время вместе с Лениным «одними чувствами» «дышал и жил» («Капитан земли»), что за ленинское «знамя вольности и светлого труда» он готов отныне «идти хоть до Ламанша» («Письмо к женщине»), что он ясно видит, как «имя Ленина шумит, как ветр, по краю, давая мыслям ход...», что ныне он «полон дум об индустрийной мощи» его Родины («Стансы») и глубоко убежден, что будущее не за полевой Русью, а за стальной, ленинской Россией («Неуютная жидкая лунность...»),— тем настойчивее троцкисты и все, кто пытался в те годы посеять ядовитые семена неверия в победу социализма в России, стремились представить Есенина прежде всего поэтом не новой, Советской России, а певцом Руси уходящей и «Москвы кабацкой».

Оторвать поэта от важнейших событий его эпохи, противопоставить его творчество времени и истории, представить его вне социальных бурь и революционных потрясений, свидетелем и очевидцем которых он был,— это значит убить поэта, убить общественное и национальное звучание его поэзии, представить его судьбу в злонамеренно искаженном свете и не только бессовестно обокрасть поэта, но вместе с ним и нас — его соотечественников, кому он отдал весь пламень своей могучей души и неподкупного сердца.

Хорошо известно: чем ложь и клевета наглей, беспардонней, чудовищней, тем она порой оказывается более одурманивающей, более живучей.

Отголоски ядовитой крученовской пачкотни, всяких злопыхательских статеек, или, наконец, иезуитски-«сочувственных» троцкистских высказываний о Есенине, его судьбе, граничащих с клеветой на поэта, не говоря уже о других, более «сдержанных» суждениях о нем, в основе своей также вульгарно-социологических и крайне субъективных, долгое время давали о себе знать во многих статьях и работах о Есенине, проникая, к сожалению, и на страницы школьных учебников, и в солидные монографии, и в авторитетные энциклопедические издания. Так, в книге Г. А. Мединского «Религиозные влияния в русской литературе (очерк из истории русской художественной литературы XIX и XX вв.)», вышедшей в Москве в 1933 году, в главе «Уму — республика, а сердцу — Китеж-град» (Клюев, Есенин, Клычков) автор рассматривает все творчество Есенина прежде всего как творчество религиозного поэта.

Всего двенадцать строк отведено Есенину в «Краткой советской энциклопедии» (М., ОГИЗ, 1948, стр. 467). Тенденция та же: «Был имажинистом. В его произведениях («Радуница», «Голубень» и др.) поэтизируется патриархальная Русь. В поэзии Есенина сильны мотивы ненависти к городской культуре, чувство одиночества, отчаяния, упадочничества («Москва кабацкая», «Исповедь хулигана»). В стихах «Возвращение на родину», «Русь советская» Есенин пытался осмыслить советскую действительность». Всего лишь «пытался» (!!!) осмыслить! И ни слова об «Анне Снегиной», «Песни о великом походе», «Письме к женщине», «Персидских мотивах», «Балладе о двадцати шести», ни слова о народности, любви поэта к Родине, о патриотизме и гражданственности его стихов.

Немногим более: сорок шесть строк — отведено Есенину в школьном учебнике «Русская советская литература» (М., Учпедгиз, 1952). Но дело даже не столько в количестве строк, сколько опять в той же пресловутой тенденции.

Вот как, по существу, предвзято-односторонне характеризуется в учебнике та среда, в которой в годы революции развивался талант поэта, формировалось его мировоззрение: «Отсутствие бумаги, приводившее к большой задержке появления стихов в печати, заставляло и крупных поэтов выступать с чтением стихов на эстрадах; в кафе (например, в «Стойле Пегаса»). Такое кафе «Бом» рисует в «Хождении по мукам» А. Толстой: «Здесь собирались поэты всех школ, бывшие журналисты, литературные спекулянты, бойкие юноши, легко и ловко приспособляющиеся к смутному времени, девицы, отравленные скукой и кокаином, мелкие анархисты — в поисках острых развлечений, обыватели, прельстившиеся пирожными». В этой обстановке развивалось творчество Сергея Есенина, что не могло не повредить его личной жизни и творчеству» [4].

Сообщив затем скороговоркой, что писал Горький о Есенине как «органе» для поэзии, и указав далее предельно кратко, что лирический дар поэта наиболее полно выразился «в проникновенном изображении русской природы, в тонкой любовной лирике», автор учебника основное внимание и место отводит вскрытию «ошибок» и «заблуждений» поэта: «Есенин не сумел противостоять враждебным идеологическим влияниям, они помешали ему по-настоящему почувствовать новую жизнь, внушили ему глубоко упадочные настроения. Этот отрыв от народа крайне тяжело сказался и на жизни и на творчестве Есенина. Безудержное прожигание жизни и прославление этого прожигания в стихах создали ту хмельную и нездоровую славу, которая связана с именем Есенина. Его стихи замутила больная тина пьяной удали, кабацкого разгула.

Песней хриплой и недужной
Мешал я спать
Стране родной.—

сказал он сам о своих стихах последнего периода. Он изменил самому себе, своему таланту, своей любви к Родине («Себе, любимому, чужой я человек»), уйдя в «Москву кабацкую», как назвал он цикл своих наиболее упадочных стихов» [5].

Такие «достоверные» и «исчерпывающие» сведения о великом русском поэте Сергее Есенине получали не в столь уж отдаленные времена наши школьники.

Мы коснулись здесь лишь нескольких печальных и горьких фактов. К великому сожалению, в прошлом их было куда больше. Можно бы говорить и о других авторах и о других книгах, читать которые сегодня больно и стыдно.

Разного рода «дурно пахнущие книжонки» и «романы без вранья» сбивали порой с толку и тех, кто в 20-х годах и позднее стремился честно и объективно выявить истинное идейно-художественное содержание поэзии Есенина, искренне разобраться в сложной судьбе поэта, решительно отделить его поэзию от пресловутой «есенинщины».

Долгое время жизнь и творчество поэта, его богатейшее литературное наследие находились практически вне поля зрения нашей критики и литературоведения. Не было ни научной биографии поэта, ни летописи жизни Есенина, ни монографических исследований его творчества. Текстологическая работа по подготовке научного собрания сочинений поэта до середины 50-х годов не велась, выходили лишь изредка небольшие сборники его стихов. Совершенно неизученным оставалось рукописное наследие поэта. Многие автографы Есенина, особенно его ранних стихов и писем, были неизвестны. Их предстояло разыскать и опубликовать. Достаточно сказать, что до середины 50-х годов не были введены в нашу литературоведческую науку такие ныне широко известные материалы, как письмо Есенина Максиму Горькому, статьи о Брюсове и сборнике пролетарских писателей, «Предисловие» к сборнику стихов 1921 года, заметки Есенина о Глебе Успенском, рукопись киносценария «Зовущие зори», автографы стихотворений «Ночь» («Тихо дремлет река...»), «Капли», «У могилы», «Поэт» («Он бледен. Мыслит страшный путь...»), «Форма», письма Есенина другу юности Григорию Панфилову и Галине Бениславской, письма из Европы и Америки, ряд кратких автобиографических заметок поэта.

Все они были опубликованы впервые в наших работах о Есенине в 1955—1960 годах.

В течение длительного времени в печати появлялись, да и то крайне редко, лишь отдельные статьи и заметки о Есенине, чаще всего носящие информационный характер. Были годы, когда в литературоведческих трудах и периодической печати о поэте, его творчестве не говорилось ни слова [6].

С 1930 по 1954 год (практически за четверть века!) появилось лишь несколько есенинских публикаций, напечатаны две заметки о работе Есенина над стихами [7], два мемуарных материала [8], заметка о родине поэта — селе Константиново [9]. За эти же двадцать пять лет было опубликовано немногим более десяти газетных и журнальных статей о поэзии Есенина, включая три вступительные статьи к сборникам избранных стихов Есенина, которые вышли в 1934, 1940, 1953 годах.

К выступлениям, в которых была предпринята попытка авторов отказаться от «старых» вульгарно-социологических оценок творчества Есенина и выявить объективное содержание его поэзии, следует отнести статьи Ал. Дымшица (1940 г.), Б. Бурсова (1940 г.), С. Павлова (1940 г.), В. Перцова (1945 г.), К. Зелинского (1953 г.) [10].

Есенин прожил всего тридцать лет. Более половины из них — на родине, в рязанском крае. Здесь глубинные корни народности и реализма поэзии Есенина, истоки демократизма и гражданственности его творчества.

Есенину было 19 лет, когда он впервые появился в Петрограде. И почти необъяснимо, что три десятилетия после смерти поэта оставался совершенно неосвещенным, неизученным

---

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 206.

[4] Л. И. Тимофеев. Русская советская литература. издание 7-е. М., Учпедгиз, 1952, стр. 166.

[5] Там же, стр. 167. Почти дословно все сказанное о Есенине в этом издании учебника повторяется в восьмом, девятом, десятом изданиях, которые выходят в 1953—1955 гг.

[6] См. Е. А. Карпов. С. А. Есенин. Библиографический справочник. М., «Высшая школа», 1972, стр. 102—108.

[7] Так писал Есенин. «Смена», 1945, № 23—24, декабрь, стр. 2; С. А. Толстая-Есенина. Восемь строк. «Смена», 1946, № 3—4, стр. 13.

[8] Вольф Эрлих. Право на песнь. Л., Издательство писателей в Ленинграде, 1930, стр. 105; В. С. Рождественский. Сергей Есенин. «Звезда», 1946, № 1, стр. 98—113.

[9] А. Скороходов. На родине Сергея Есенина, газ. «Сталинское знамя», Рязань, 1945, 29 декабря.

[10] Ал. Дымшиц. Сергей Есенин. Вступительная статья. В книге: «С. Есенин. Стихотворения». М., 1940. «Библиотека поэта». Малая серия, стр. 3—52; Б. Бурсов. С. Есенин. Стихотворения. «Литературный современник», 1940, № 5—6, стр. 218—219; С. Павлов. С. Есенин. Стихотворения. «Литературное обозрение», 1940, № 11, стр. 26—30; В. Перцов. Сергей Есенин. «Литературная газета», 1945, 20 октября; К. Зелинский. Сергей Есенин. В книге: «С. Есенин. Стихотворения». «Библиотека поэта», Малая серия. Изд. 2-е. Л., 1953, стр. 5—52.

ранний период его жизни и творчества: годы его детства и юности в родном селе Константиново, учеба в Спас-Клепиках, работа в типографии Сытина, учеба в университете Шанявского, участие в Суриковском кружке, связь с революционным движением рабочих-печатников...

Все сказанное выше позволяет нам сегодня лучше понять, почему долгие годы оставалось так много «белых пятен» на «есенинском материке»; почему оказались столь живучими различного рода «легенды» о Есенине и так однобоко освещалась в литературе судьба поэта; почему еще в середине пятидесятых годов вопрос о месте Есенина в истории советской литературы оставался открытым; почему к этому времени в нашей критике и литературоведении не были глубоко исследованы такие важнейшие проблемы его творчества, как поэт и Октябрьская революция, художественный метод Есенина, народность и реализм его стихов, особенности поэтики, гуманизм, гражданственность и, наконец, мировое значение Есенина.

Многолетнее изучение литературного наследия Есенина, его жизни и творчества позволило нам еще в середине пятидесятых годов выдвинуть **концепцию о Есенине как о великом советском русском национальном поэте, открыто вставшем в 1917 году на «сторону Октября»; поэте, который в 20-е годы вместе с Маяковским, Блоком, Демьяном Бедным явился одним из основоположников советской поэзии, зачинателей литературы социалистического реализма. Этим прежде всего определяется место Есенина в истории советской литературы, в сегодняшней действительности; этим определяется вклад Есенина в мировую поэзию XX века.**

* * *

Впервые в основных чертах эта концепция была изложена в публичной лекции «Творчество Сергея Есенина». Я читал ее в октябре 1955 года на родине поэта — в Рязани.

Это был, по существу, и первый литературный вечер на рязанской земле за предшествующие тридцать лет, посвященный светлой памяти поэта. После лекции с исполнением произведений Есенина выступил артист Николай Федорович Першин.

Память бережно хранит все, что связано с этим вечером: и неброскую черно-белую афишу, приглашающую почитателей есенинского таланта в связи с шестидесятилетием со дня рождения поэта, и взволнованную толпу людей у входа в лекторий — тех очень многих рязанцев, кому не хватило билетов (хотя выступления о Есенине в тот день повторялись дважды), и переполненный еще до начала зал. Ни одного свободного места. Всюду люди: и вдоль стен, и в проходах, и в дверях.

Но особенно памятна тишина. Казалось, зал замер, затаил дыхание. И так почти в течение всего вечера — звенящая в ушах тишина, настороженная, напряженная, озаренная. Я никогда не забуду этого пытливого, думающего, притихшего зала. Не забуду, как по окончании вечера тишина буквально раскололась от грома аплодисментов и радостных приветствий, которые в те прекрасные, светлые минуты были обращены к великому поэту России, к его стихам, пронизанным сыновней любовью и гражданской верностью матери Родине:

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Сколько раз после этого довелось мне за прошедшие двадцать лет выступать на литературных вечерах, встречах, научных конференциях, посвященных Есенину: в Москве и Ленинграде, Баку и Киеве, Тбилиси и Иркутске, Калинине и Орле, Воронеже и Брянске, Вологде и Туле и вновь в Рязани; читать лекции, дискуссировать со студентами и преподавателями многих наших вузов, а также выступать в аудиториях Варшавского, Ягеллонского, Пражского, Римского университетов. Многое в этих встречах памятно, многое дорого и сегодня. Но тот **первый**, после многолетнего молчания, публичный разговор о творчестве Есенина в Рязани 9 октября 1955 года, та первая, незабываемая и волнующая встреча «лицом к лицу» с земляками поэта сохранятся в памяти **навсегда**.

Ныне, когда миллионными тиражами выходят трехтомные и пятитомные собрания стихотворений Сергея Есенина, когда издаются десятки однотомников поэта, когда опубликованы сотни статей и ряд содержательных книг о его творчестве, когда и в школьных и в вузовских программах и учебных планах Есенин прочно занял подобающее ему место, когда созданы кинофильмы и телепередачи о поэте, его жизни, когда написаны сотни музыкальных произведений на стихи Есенина, когда произведения самого поэта, романсы и песни современных композиторов на стихи Есенина почти ежедневно звучат по радио, телевидению, с эстрады, когда в селе Константиново — родине поэта — открыты мемориальный и литературный музеи, когда готовится академическое собрание сочинений поэта,— многим, вероятно, будет трудно да и просто почти невозможно представить, что переживали тогда и чувствовали все мы — участники того **первого**, конечно же, очень скромного по нынешним масштабам есенинского вечера, состоявшегося двадцать лет назад в небольшом зале рязанского городского лектория.

Тому памятному рязанскому вечеру суждено было стать одной из первых ласточек рождающегося в те незабываемые, золотые осенние дни тысяча девятьсот пятьдесят пятого года подобающего отношения к памяти и судьбе Есенина как великого поэта.

Именно тогда не только на родине Есенина, в Рязани, но и в Москве прошли впервые за долгие годы есенинские литературные вечера, посвященные 60-летию со дня рождения поэта. Они состоялись 3 октября в Государственном литературном музее и 6 октября в Большом зале Политехнического музея, там, где когда-то выступали Маяковский, Блок, Есенин.

Попасть на эти вечера было почти невозможно. В них приняли участие известные советские поэты Степан Щипачев, Сергей Васильев, Александр Яшин, Сергей Смирнов, современники Есенина — писатель Лев Никулин, журналист Петр Чагин, поэт Василий Казин, литературовед К. Л. Зелинский. С воспоминаниями о своем брате в литературном музее выступила сестра поэта — Александра Александровна Есенина. Зал стоя взволнованно и радостно приветствовал ее долгими, бурными аплодисментами. Тогда же на вечере в литературном музее произнес свое памятное, окрыленное слово о Есенине большой друг советской литературы, известный прогрессивный турецкий поэт Назым Хикмет. Говорил он по-русски, говорил от души, от сердца. Хорошо помню эту речь Хикмета, которую тогда мне удалось записать почти дословно:

«Товарищи! Когда я сюда пришел, то докладчик сказал, что мой приход — это еще одно подтверждение признания Есенина. Я думаю, что Есенин не нуждается ни в этом, ни в других подтверждениях. Он один из величайших поэтов мира, он один из честнейших поэтов мира...

Товарищи! У Есенина не было легковой машины, а у меня есть машина и водитель Алексей Николаевич, очень хороший русский человек. Он был на фронте. Когда он ведет машину, он читает стихи Есенина. Он и на фронте читал стихи своим товарищам. Есенин всегда был с советским народом. Есенин был со всеми народами мира, которые любят жизнь, любят красоту и честность. Он большой поэт... Я надеюсь, что мы соберемся еще в Колонном зале».

Прошло не так уж много времени, и это пожелание сбылось. Торжественное заседание, посвященное 70-летию со дня рождения Есенина, проходило, как известно, именно в Колонном зале!

В 1965 году, в дни семидесятилетия Есенина, на его родине был открыт мемориальный музей.

Вероятно, за всю свою долгую историю старинное русское село Константиново не знало ничего подобного.

В тот день — 2 октября 1965 года — с утра шли и ехали в Константиново люди. Иные из них добирались пароходом, иные поездом, иные на попутной машине. Их не остановили ни бездорожье, ни плохая погода. Среди них были известные всей стране поэты и те, кто только еще мечтал напечатать свои первые стихи.

Рязанцы и москвичи, южане и сибиряки, ленинградцы и горьковчане — все они собрались на родине Есенина со всех концов России, собрались, чтобы в простой деревенской избе открыть музей великого поэта.

Здесь, на рязанской земле, отшумело озорное детство Сергея Есенина, прошла его юность, здесь он написал свои первые стихи:

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленёночек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

И мог ли тогда кто представить, что пройдут годы, и этот рязанский паренек станет поэтическим сердцем России...

В двенадцать часов дня тысячи людей замерли в торжественной тишине. Перерезана алая лента у калитки дома Есенина — музей открыт. Первыми входят в дом сестры поэта — Екатерина и Александра Есенины.

Здесь все как было когда-то, в те далекие годы. Вспоминаются стихи:

Изба крестьянская.
Хомутный запах дегтя.
Божница старая,
Лампады кроткий свет.

Веет домашним теплом и уютом. Тикают часы, поблескивает на столе самовар. Чистая, светлая горница очень мала и, конечно, не может вместить сразу всех желающих.

А погода между тем окончательно испортилась. Ветер ураганной силы (такого не помнят константиновцы) пронизывает до костей, сбивает с ног. В такое ненастье на улице обычно ни души. А тут тысячи людей! И никто не уходит.

Если бы все это мог видеть Есенин!

Когда-то, все больше понимая, что вокруг него на селе «кипит» иная жизнь, слушая, как задорно поет над долом «крестьянский комсомол» «агитки Бедного Демьяна», Есенин с тревогой и грустью думал:

Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

То были горькие минуты одиночества. Лишь одно тогда врачевало душу, успокаивало сердце:

Пускай меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой болен.

До позднего вечера шли люди к «низкому дому с голубыми ставнями», чтобы поклониться родному очагу поэта. Пришли в Константиново они и на другой день — 3 октября (более трех тысяч человек!), а затем шли во все октябрьские дни, шли в ноябре и январе, в марте и июне... И будут идти туда всегда, как идут в Михайловское к Пушкину, в Тарханы к Лермонтову, на Волгу к Некрасову...

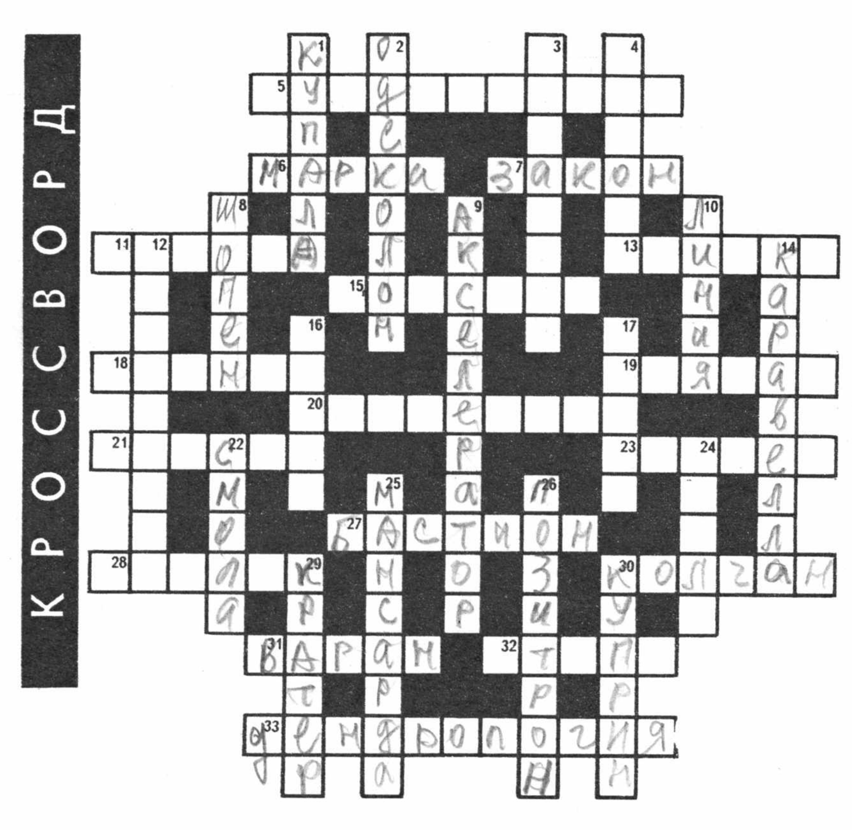
* * *

Уже полвека живет неповторимое есенинское песенное слово, уже полвека волнует нас судьба поэта. Казалось бы, все, о чем рассказывает Есенин в стихах, он рассказывает о себе. Но за личной судьбой поэта встает его время, его эпоха. Великий поэт всегда — наш современник. Из своих двадцатых годов Есенин незримо, но и неодолимо шагнул в наш день и далее — в будущее. Да, гениальные художники, как справедливо заметил один из современников Есенина, всегда так: пишут о себе, а выходит — о нас. И всегда нас волнует, всегда нам близка их судьба. И разве кто из них в своей судьбе шел проторенным путем! «Выпрямите» Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Блока, «выпрямите» Есенина — как много будет при этом утрачено в их поэзии!

...Я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечатленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканое цветенье.

Вот она, истинная судьба поэта! Щедрая, дерзкая, прекрасная, тревожная, полная драматических раздумий, сомнений, радости, света... «Умирает человек — народ бессмертен и бессмертен поэт, чьи песни — трепет сердца его народа».

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Роман Т. Манна. 6. Почтовый знак. 7. Свод правил. 11. Город в Италии. 13. Картина В. Г. Перова. 15. Остров в Средиземном море. 18. Спортивный снаряд. 19. Река в Якутии. 20. Пьеса И. С. Тургенева. 21. Промысловая рыба. 23. Метод научного исследования. 27. Крепостное укрепление. 28. Певчая птица. 30. Футляр для стрел. 31. Крупная ящерица. 32. Повесть А. П. Чехова. 33. Раздел ботаники.

По вертикали: 1. Народный поэт Белоруссии. 2. Парфюмерное изделие. 3. Ягода. 4. Созвездие южного полушария неба. 8. Польский композитор и пианист. 9. Регулятор количества рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 10. Прямая, соединяющая две точки кривой. 12. Цветок. 14. Старинное судно. 16. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Ночь перед рождеством». 17. Порода собак. 22. Сок хвойных растений. 24. Приток Клязьмы. 25. Чердачное помещение для жилья. 26. Частица, имеющая массу электрона и положительный заряд. 29. Углубление на вершине вулкана. 30. Русский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали: 6. Спартакиада. 7. «Эгмонт». 8. Анализ. 10. Архентино. 12. Цемент. 14. Раздан. 16. Нарцисс. 18. Краматорск. 19. Бригантина. 21. Аксиома. 22. Домино. 24. Станок. 25. «Риголетто». 26. Монако. 28. Леонов. 29. Репродукция.

По вертикали: 1. «Дипломат». 2. Крапивница. 3. Радиатор. 4. Прут. 5. Нива. 9. Рефрактор. 11. Шампиньон. 13. Ноктюрн. 15. Арбалет. 16. Норка. 17. Спица. 20. Кисловодск. 23. Орнамент. 24. Соломина. 27. Охра. 28. Люкс.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Московскому учебно-производственному магазину самообслуживания № 3 торга «Гастроном» присвоено почетное звание «Предприятие отличного обслуживания». На снимке: одна из лучших продавщиц, Лидия Волкова. Фото Б. Кузьмина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Панно «Чаепитие». Автор Н. А. Куландин. * «Самарянка». Финифть. Середина XIX века. * Брошь с тремя финифтяными подвесками. Авторы Валентина Васильевна и Иван Иванович Солдатовы. * Живописец Валя Шгарева. * Триптих «Ростовские звоны». Автор Н. А. Куландин. Фото М. Савина.

(См. в номере материал «Финифть Ростова Великого».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 25/VIII — 75 г. А 00629. Подп. к печ. 9/IX — 75 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2234. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 1065.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЗДРАВСТВУЙ, ХОККЕЙ!

В. ВИКТОРОВ
Фото А. БОЧИНИНА

Суров хоккейный климат: лед ложится уже в августе и исчезает лишь в конце мая. Лето, таким образом, длится не более двух месяцев, а затем снова вступает в свои права трудовая зима. Вот и попробуй успеть за такой короткий перерыв собраться с мыслями, оценить события прошедшие, представить себе, как сложатся события грядущие.

Да, два месяца каникул — слишком небольшой срок, чтобы можно было воспользоваться табличкой «Закрыто на учет». События, связанные с хоккеем, не иссякают никогда, а интерес к этой бурно-пламенной игре никогда не слабеет. Так что правильно было бы извещать хоккейных болельщиков, что хоккей не закрыт, а, наоборот, открыт на учет. Всегда открыт. Вспоминайте, знакомьтесь с разными соображениями, обсуждайте захватывающие проекты и значительно более скромные решения, спорьте, соглашайтесь, отвергайте. Наконец, просто ждите дальнейшего развития событий уже не на газетных и журнальных страницах, а на свежем льду. И, главное, помните: хоккей открыт для всех!

Сейчас после кратковременного антракта, когда еще свежи в памяти события минувшего сезона, мы уже стали свидетелями первых матчей. Позади традиционный турнир на приз газеты «Советский спорт», разыгран Кубок европейских чемпионов, проведены первые матчи на первенство СССР сезона 1975/76 года.

Мы еще пытаемся учесть все огрехи прошлого сезона, а хоккеисты уже вон снова на льду. Мы еще пытаемся понять, почему в споре брони со снарядом по-прежнему все преимущества на стороне снаряда, почему по-прежнему не хватает высококлассных защитников и вратарей. Нас все еще тревожит мысль, не замотали ли тренеры окончательно Владислава Третьяка. Мы еще огорчаемся все растущему отрыву двух лидирующих команд — ЦСКА и «Крылья Советов» — от остальных. Мы все еще удивляемся краху московского «Динамо». Мы еще сокрушаемся небольшому урожаю на способную молодёжь, а хоккейный корабль уже двинулся в новое кругосветное путешествие.

Оно начинается при благоприятных обстоятельствах. В чем была главная тревога нашей прошлой хоккейной зимы? В том, что в Европе блекнет интерес к хоккею, что игры теряют свою зрелищность, что падает посещаемость стадионов. Тревожное посерение началось в 1970 году, когда не состоялось первенство мира в Монреале и канадцы оказались вне орбиты любительского хоккея. И вот, хоть и поздно, хоть и спустя пять лет после этого, летом нынешнего года на заседании конгресса Международной лиги хоккея на льду в Швейцарии, представителям любительского и профессионального хоккея удалось наконец договориться о проведении открытых чемпионатов мира, на которых смогут участвовать игроки всех команд.

Эта долгожданная новость сулит новый расцвет мирового хоккея. Но к этому нужно серьезно готовиться, а события прошлого сезона показали, что наши хоккеисты в какой-то момент уверовали в свою неуязвимость, решили, что победа им всегда обеспечена. Не этим ли был вызван проигрыш Кубка «Известий»? Можем ли мы забыть, что в Праге команда СССР потерпев поражение во всех трех матчах со сборной Чехословакии, забив всего 6 шайб и пропустив 19, вынуждена была дать «лицензию» на вывоз Кубка из Москвы!

Правда, старший тренер сборной команды СССР Б. П. Кулагин тогда довольно убедительно объяснял эту неудачу тем, что из-за просчетов в разработке спортивного календаря команда вынуждена была выбирать между подготовкой к Кубку и подготовкой к чемпионату мира. И действительно, выбрав чемпионат, сборная команда СССР показала в ФРГ свою силу, завоевав в четырнадцатый раз первенство мира. Но все же нам кажется, что наши хоккеисты должны быть в высокой форме в любой момент спортивного сезона, как бы он ни был напряжен. Теперь, после решения, принятого Международной лигой хоккея, без этого успешно выступать нельзя.

Переговоры о возобновлении постоянных спортивных контактов между европейским и канадским хоккеем идут уже не первый год, и велись эти переговоры не только за столами конференций, но и на льду. Все мы помним, как в 1972 году сборная СССР встретилась в серии матчей со сборной НХЛ и добилась ряда блестящих побед над сильнейшими канадскими профессионалами. И прошлый сезон также

начался под знаком встречи советских и канадских хоккеистов. На этот раз сборная СССР восемь раз встречалась с хоккеистами другой профессиональной лиги — ВХА, созданной в Канаде и США совсем недавно и успевшей отлично зарекомендовать себя. У нас свежи в памяти эти восемь встреч — четыре в городах Канады и четыре в Москве. И если матчи в Канаде завершились с ничейным счетом, то игры в Лужниках принесли нам полнейший успех. Команда, которую возглавляли такие великолепные хоккеисты-профессионалы, как Бобби Халл и Горди Хоу, сумела лишь один матч свести вничью (4 : 4), а три проиграла (2 : 3; 2 : 5; 2 : 3). Если в Канаде счет забитых и пропущенных шайб был ничейным — 17 : 17, то в Москве советские хоккеисты забили 15 шайб, пропустив только 10.

Можно ли было мечтать о лучшем начале сезона? Увы, продолжение этого сезона было значительно менее ярким и интересным. О поражении в Кубке «Известий» мы уже писали, а игры на чемпионате страны были во многом обесцвечены далеко не равноценной силой команд. Борьба за золотые медали проходила в соперничестве двух команд — ЦСКА и «Крыльев Советов», и лишь во второй половине чемпионата к ним ненадолго подключились спартаковцы, так и не сумевшие выйти на второе место.

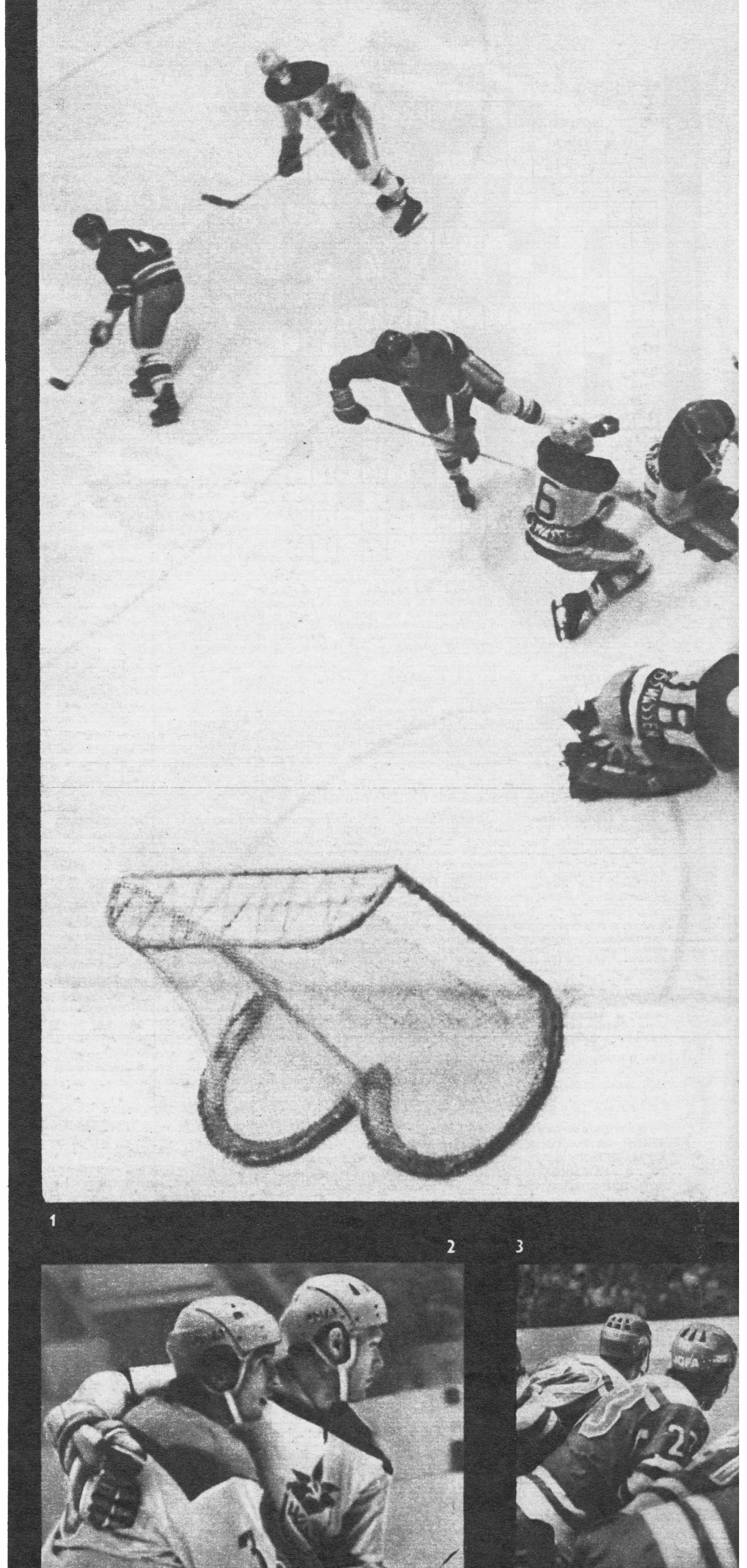
Поражение в Кубке, значительно возросшее число бесцветных встреч на чемпионате СССР вызвали большую тревогу любителей хоккея. Тысячи писем обрушились на редакционные столы. Что происходит с хоккеем? — спрашивали зрители. Как могла проиграть три матча подряд наша сборная? Сможет ли она в таком составе успешно выступить на чемпионате мира? Почему из года в год все слабеет игра наших защитников? Сможет ли Владислав Третьяк при такой нагрузке сохранить свои силы? Конечно, лучшая тройка сборной — Михайлов, Петров, Харламов — по-прежнему сильна, но почему мы не видим новые перспективные звенья?

Любители хоккея не только критиковали, они и высказывали советы, и среди них самые радикальные. Дело доходило до того, что многие считали необходимым сменить чуть ли не четвертую часть сборной страны.

К счастью, старший тренер сборной Б. П. Кулагин и его соратники по сборной К. Б. Локтев и В. В. Юрзинов не дрогнули перед этим критическим напором и на деле сумели доказать, что наша сборная по-прежнему достаточно сильна и может успешно выступать в своем обычном составе. На чемпионате мира в ФРГ сборная СССР выиграла у сборной Чехословакии обе встречи со счетом 5 : 2 и 4 : 1. Нечего говорить о том, что сборная без труда расправилась и с другими участниками чемпионата мира. Но насколько снизился класс наших неизменных соперников — шведов! Как мало осталось в Европе перспективных хоккейных команд! Да, в самое время достигнута договоренность с канадским хоккеем, и хоть канадцы, видимо, не смогут принять участие в чемпионате мира 1976 года, но американцы уже выразили свою готовность вступить в борьбу за золотые медали с нынешнего сезона, а ведь из 18 команд, входящих в НХЛ, 15 находятся на территории США.

Любители хоккея соскучились по ярким равноценным схваткам на льду, и сейчас они с нетерпением ждут исхода канадского турне ЦСКА и «Крыльев Советов», которые на клубном уровне встретятся с сильнейшими профессиональными командами. А пока 24 команды сразу в четырех городах — Риге, Киеве, Череповце и Ленинграде — боролись за приз газеты «Советский спорт». В турнирах приняли участие несколько зарубежных команд, в том числе чехословацкая «Тесла», победившая ЦСКА в первом матче на Кубок европейских чемпионов, но они не смогли составить конкуренции ЦСКА, горьковскому «Торпедо», «Крыльям Советов» и московскому «Динамо». Разница в классе была столь велика, что команда «Крылья Советов» выиграла у динамовцев Румынии со счетом 27 : 5. Вряд ли турниры со столь неравноценным составом могут что-либо дать в подготовке к большому сезону.

Играми лидеров советского хоккея начался XXX чемпионат СССР. Все мы успели соскучиться по хоккею, с нетерпением ждем встречи с сильнейшими командами страны и хотим надеяться, что они избавились от многих «узких мест», которые лимитировали их успехи в прошлом сезоне.

1. Первый международный матч в Москве. На поле «Крылья Советов» и «Динамо» (ГДР).

2. Они из одной пятерки — защитник В. Лутченко и нападающий В. Петров.

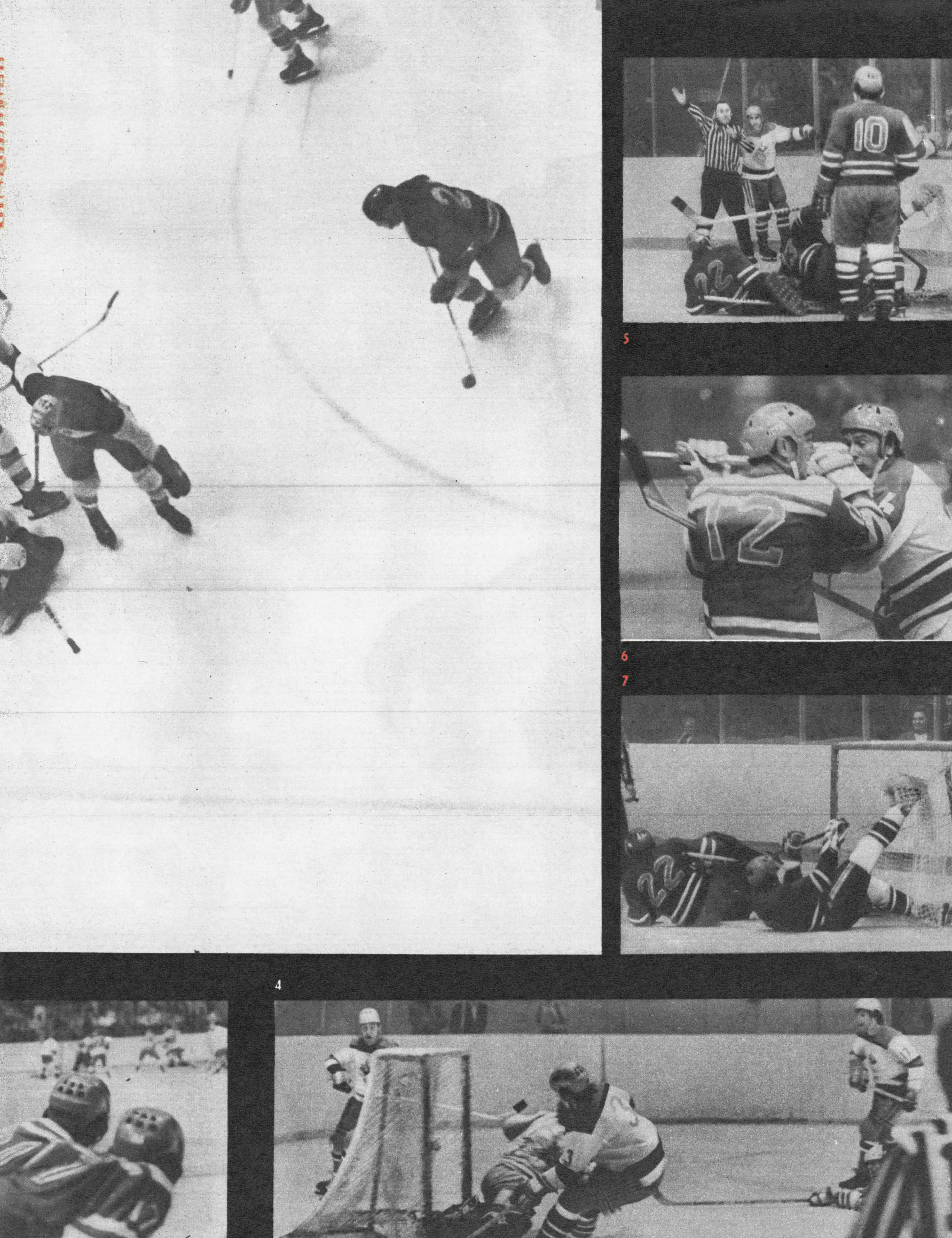
3. На спартаковской скамье.

4. Армейцы Б. Михайлов, В. Лутченко и В. Харламов успешно завершают атаку на ворота чехословацкой «Теслы». Кубок европейских чемпионов остался в Москве.

5. На поле лидеры советского хоккея — команды ЦСКА и «Крылья Советов». Молодой армейский нападающий А. Лобанов забивает шайбу.

6. Нападающий «Спартака» В. Шадрин и защитник московского «Динамо» А. Филиппов.

7. И защитник не помог. Шайба в воротах команды «Крылья Советов».

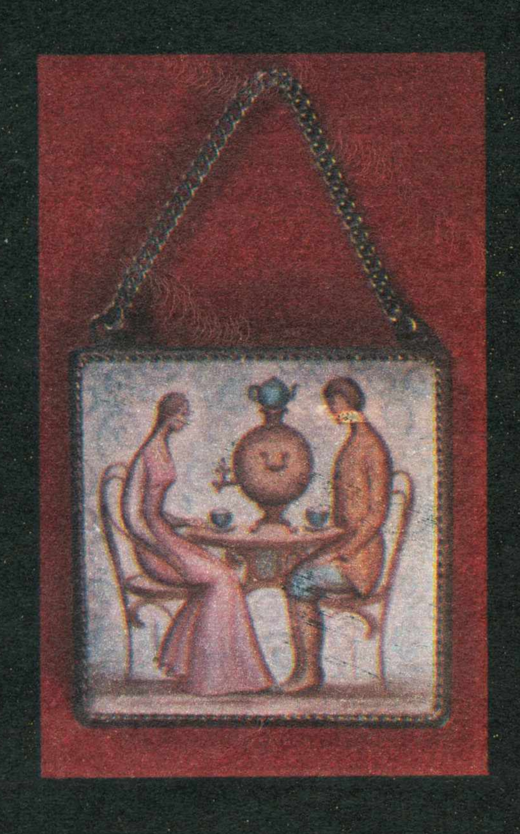

5

6

7

4

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663